

МАРИЯ
СЕМЁНОВА

ТЕ ЖЕ
И СКУЧНО

Те же и Скунс

Елена Милкова

Те же и Скунс

«Азбука-Аттикус»

1997

Милкова Е.

Те же и Скунс / Е. Милкова — «Азбука-Аттикус», 1997 — (Те же и Скунс)

ISBN 978-5-389-03913-1

Этот полюбившийся многим читателям роман положил начало циклу книг, посвященных деятельности международного киллера по прозвищу Скунс и работе сотрудников агентства «Эгида плюс» – секретной службы по неконституционному искоренению особо одиозных преступных авторитетов. Из-за границы в Петербург прибывает Скунс – таинственный киллер, который не делает ошибок и не оставляет следов. Никто не знает, на кого он работает, настоящее имя его неизвестно, но дела говорят сами за себя. Криминальный мир и правоохранительные органы Северной столицы встревожены известием о его появлении и, как скоро выяснится, не напрасно...

ISBN 978-5-389-03913-1

© Милкова Е., 1997
© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Маленькое, но жизненно необходимое предисловие	6
ПРОЛОГ,	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	23
К нам едет ревизор!.	24
Мастер	32
Родственники	33
Человек трудной судьбы	36
Колокольчик из прошлого	41
Долг платежом красен	44
Хозяин «Василька»	47
Искусство и жизнь	51
Второе пришествие	55
О вреде сухого закона	60
Смерть мецената	63
Натуральный притон!.	67
Новый жилец	71
Левый поворот	74
Проверка характера	78
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Мария Семенова

Те же и Скунс

Маленькое, но жизненно необходимое предисловие

Во-первых – почему «сказка»? Потому, что «сказкой», чтобы вы знали, в старину называли документальный рассказ о вполне достоверных событиях.

Во-вторых – всё изложенное от начала до конца есть наш вымысел. Поэтому просьба не обижаться на абсолютно случайные совпадения или различия.

И в-третьих – если вам вдруг покажется, будто вы уже встречали некоторых героев этого повествования на страницах книг совсем других авторов, – только без паники! Никакого плагиата здесь нет. Есть нормальное творческое сотрудничество. И ещё то, что происходит, когда литературные персонажи оживают и принимаются гулять сами по себе.

А ещё мы сердечно благодарим

*Елену Владимировну Гусеву,
Алексея Анатольевича Шевченко,
Елену Владимировну Хаецкую,
Андрея Дмитриевича Константинова,
Светлану Владимировну Молитвинцу,
Вадима Вадимовича Шлахтера,
Елену Анатольевну Артамонову,
Владимира Тагировича Тогирова,
Изольду Юрьевну Рузмайкину,
Павла Львовича Калмыкова,
Андрея Леонидовича Мартьянова,
Константина Константиновича Кульчицкого,
Олега Ильича Башина,
Аскара Абдулловича Ибрагимова,
Салавата Муллахановича Шейхикурова,
Сергея Александровича Хватикова
и всех остальных, кто советом и делом, а иногда – даже сам того не подозревая, участвовал в создании этой книги.*
Автор

ПРОЛОГ, в котором действие происходит за тринадцать лет до главных событий

...И была, выражаясь языком всенародно любимого фильма, эпоха СССР, КГБ и колбасы по два двадцать. И жила на свете девушка по имени Кира. Кира Андреевна Лопухина двадцати восьми лет от роду.

В отсутствие любви и смерти...

В БАНе – Библиотеке Академии Наук, ещё не знавшей опустошительного пожара, – подходил к концу рабочий день, такой же, как и все остальные. Кира сидела в абонементном отделе, выдавая учёным заказанную литературу. Научных работников, отпросившихся пораньше из своих НИИ, было порядочно, и все торопились. Отойдя в очередной раз к стеллажу, Кира обратила внимание на молодую женщину, стоявшую в очереди. Другие люди негромко разговаривали между собой либо приглядывались к книжным полкам, надеясь загодя высмотреть свои номера. Эта всё время оборачивалась в сторону журнального столика и кресел при нём. Кира проследила её взгляд. В ближнем кресле сидел симпатичный мужчина с тросточкой, зажатой между колен. Вот ведь пара, оба по макушку в науке. Прямо Нина и Валера Жуковы, Кирины друзья ещё со школьных времён... Кира только вздохнула. Она давно уже перестала мечтать о сказочном принце, который въехал бы в её жизнь на белом коне. О принцах пусть грезят семнадцатилетние цыпочки с ногами, растущими от подмышки. А вот подарить «и жизнь, и слезы, и любовь» инвалиду... умному, образованному, достойному... ну кому какое дело, что там у него с ногами или со спиной...

Кира снова вздохнула, подписывая на вынос очередную стопку разновеликих книг и журналов в БАНовских переплётках «под мрамор». Молодая женщина с новеньким обручальным колечком на пальце была вообще-то очень хорошенькой. И по возрасту – только что из института. Не в пример всяким гримзам под тридцать, безобразно щекастым и близоруким. И почти рыжим в придачу. Рыжие, они только в книжках сплошь красавицы с глазами как изумруды. Кира приняла из чьей-то руки шесть зелёных требований и улучила мгновение посмотреть на очередь. Через несколько человек стоял худощавый мужчина с лицом, какое всегда рисуют на плакатах, посвящённых науке. Высокий лоб, зачёсанные назад редящие волосы и взгляд, устремлённый вдаль сквозь тонкие стёкла очков... Что он там видит? Черно-белые космосы ещё не записанных формул? Клубящуюся бахрому интегралов? Тень великой теоремы Ферма?..

Очередь понемногу двигалась вперёд. Кто-то оказывался перед Кирой, кто-то – перед её напарницей Любой. А вдруг произойдёт чудо, роясь на полке с книгами, подумала Кира. И загадала: если случится, что Интеллигент (так она его про себя уже окрестила) подойдёт именно к ней, он непременно присмотрится повнимательнее... и вдруг поймёт... поймёт, что в его жизни, до сего дня наполненной лишь ледяными симфониями тензорного анализа, должно появиться нечто новое и гораздо более важное... Кире стало грустно, радостно и тревожно.

Пятью минутами позже чудо было готово свершиться. Интеллигент оказался-таки перед Кириной стойкой, и она могла поклясться, будто ради этого он даже пропустил кого-то вперёд. Она не решилась поднять на него глаз.

– Тридцать пять четыреста девяносто девять, – нетерпеливо бросил Интеллигент. – Должно быть семь штук.

Кира встала и отправилась вдоль полок, почему-то чувствуя себя особенно толстой, некрасивой и не молоденькой.

– Господи, да что они всегда так копаются, – донеслось сзади раздражённое бормотание Интеллекта. Кира ощутила, что уши становятся малиновыми. Тридцать пять четыреста восемьдесят четыре. Потом сразу сорок ноль пятьдесят шесть... Она обернулась:

– Извините, а вы в отказах смотрели?.. Он глянул на неё так, словно она была его личным врагом, и резким движением притянул к себе коробку с отказами, чуть не выдернув её у кого-то из рук.

– Здравствуйте, – сказал Кире стоявший за Интеллектом седенький старичок. И поправил за ухом розовый слуховой аппарат, наклоняясь поближе: – Будьте любезны, девятьсот двадцать семь. Вот тут у меня два отказа, вы пишете «на номере», скажите, может быть, возможно поставить на очередь?..

Кира принесла ему три крупноформатных труда по новгородским берестяным грамотам, на которых сверху лежала яркая английская книжка.

– Пожалуйста, Дмитрий Васильевич. – Постоянных читателей абонемента Кира, как и большинство её коллег, узнавала в лицо. Ей, конечно, далеко было до Марии Георгиевны, последние двадцать лет перманентно уходившей на пенсию, но всё же, всё же... – Сейчас на очередь запишу.

– Это я для внучки, – тыча пальцем в английский томик, пояснил Дмитрий Васильевич. – Они тысячи сдают, вы представляете?

Кира понимающе улыбнулась и придвинула к себе бланки, но поверх них шлёпнулись отказы, нервно брошенные Интеллектом. Заполнены они были довольно неряшливо. Кира машинально прочла в уголке: «Сергеев А. К.».

– Что это вы мне тут начиркали – неправильное оформление? – спросил он тоном покупательницы, уличающей девчонку-продавщицу в недоливе молока. Я, дескать, свой бидон знаю и на тебя управу найду. – Что значит неправильное? Я вам что, мальчик? Первый раз в вашу библиотеку пришёл?..

Кира посмотрела на него в упор и увидела, что губы у него вовсе не иссохшие и потрескавшиеся от одинокого бдения над детерминантами, а, наоборот, тонкие, влажные, желчные и, кажется, готовые брызгать слюной. Вот такие преподаватели на экзаменах в охотку унижают студентов, ставя им двойки за малейший промах, случившийся от волнения. Дмитрий Васильевич с любопытством разглядывал Сергеева А. К., глядя на него снизу вверх, точно на редкий удивительный экспонат. Кира отодвинула отказы в сторонку:

– Подождите. Сейчас вашему коллеге оформлю и тогда с вами займусь.

В шесть вечера у метро «Василеостровская» вечно происходила ужасная давка и Кира, пользуясь тёплой летней погодой, пешком отправилась на «Петроградскую». Солнце светило вовсю, спешить же было решительно некуда. Дома, в оставшейся от мамы однокомнатной квартире, Киру Андреевну Лопухину не ждала ни единая живая душа.

Если по совести, лёгкий инцидент с Сергеевым А. К. её не слишком расстроил. В розовые иллюзии она давно уже не впадала, а посему и очередное разочарование не нанесло особенных травм. Кира невесело усмехнулась, шагая через Тучков мост. Год назад в школе была встреча выпускников, и кто-то мимоходом задал оскорбивший её вопрос: «А что не замужем? Не берут?..» И попробуй докажи – с её-то внешностью, – что совсем даже не «не берут»: это она, Кира, до сих пор не встретила мужика, который показался бы ей достойным внимания. Как легко и просто это получается в книгах: «они встретились и полюбили друг друга». Вот взяли и полюбили, и весь сказ. У самой Киры, после глупой детской влюблённости в не обрадовавшего на неё внимания одноклассника, ничего хотя бы отдалённо похожего в жизни не происходило. Ни разу не спешила на свидания. Ни разу даже не целовалась. В чём тут было дело, в ней самой или в обстоятельствах, она не пыталась даже гадать. Наверное, всё-таки в ней. Если

бы не та школьная влюблённость, она всерьёз считала бы себя... фригидной, или как это там называется, если физически здоровая женщина совсем не может любить...

Но на самом деле такие мысли лезли ей в голову далеко не каждый день. Она любила свою работу, ездила по туристским путёвкам и вообще жила интересной, насыщенной жизнью. Просто иногда вспоминалось, что дома её не ждала ни единая живая душа, и так подкатывало... И хотелось чуда... Как она всё крепче убеждалась – несбыточного.

Вот ведь и Нинка Коломейцева, с её ужасным нефритом, не позволявшим даже думать о детях, вышла замуж за Валеру Жукова, того самого Валеру, для которого она, Кира, так и осталась навсегда пустым местом... «Рюшкой-Лопухом», лучшей подругой любимой жены. Вышла замуж – а какие страсти-мордасти кипели, каких Монтекки-Капулетти до сих пор корчат из себя родители обеих сторон...

Кира заглянула в аптеку, потом в хозяйственный магазин, прошла мимо цветочного, где никто не купит ей букета цветов, и в который раз попыталась внушить себе: принцев нам не видать, так пора уже бросить придуриваться и завести хотя бы ребёнка. Известно же, зачем идут под венец современные женщины. Чтобы легальным образом родить чадо, потом выгнать мужа, разменять квартиру и трясти алименты. Её передёрнуло. Нет уж. Сначала должен быть любимый мужчина. Которому захочется и рубашки стирать, и завтрак готовить, и десять пацанов нарожать...

В метро, как всегда летом, было душно и тесно. Самая вроде пора разъехаться по отпускам, а поди ж ты, народу в транспорте против зимнего без убыли. Как говорил дедушка: сам я знаю, куда еду, но вот все-то куда?.. Кира переминалась с ноги на ногу у глухой задней стенки вагона, придерживая вместительную кожаную сумку, она же хозяйственная, она же портфельчик. В такой тесноте чего доброго обнаружишь где не надо чужую волосатую руку. Как назло, у Киры не было с собой даже книжки, чтобы скоротать путь. На «Невском проспекте» поблизости освободилось место, и Кира, не видя рядом старушек и беременных женщин, двинулась было в ту сторону, но не успела. На коричневое сиденье уже плюхнулся отнюдь не старый мужчина в светлом костюме. Кира внутренне скривилась: мужчины... Так называемые...

Она вышла у «Парка Победы», поднялась наверх и привычно зашагала мимо пруда, направляясь к себе на Кузнецовскую, в дом с шишечками. Зайти, что ли, к Софье Марковне, соседке? Может, у той опять гостит подруга ещё довоенных лет, милая тётя Фира, приехавшая поплакаться на свои коммунальные горести?.. И печет к ужину фирменные, никакими словами неопишутые оладьи?..

До дому было уже недалеко. Кира неторопливо шла по аллее, прихотливо петлявшей между деревьями, когда, срезая угол, прямо по газону прошагал какой-то молодой парень и выскочил на дорожку, перемахнув колючий шиповник.

Вообще говоря, надо было видеть, как он перемахнул. Ни тебе каких «перекидных» и прочей фигни, которую ставят в зачёт на физкультуре. Кира как раз смотрела в нужную сторону – ей показалось, будто парень просто подогнул коленки, проплыл в воздухе над кустами и как ни в чём не бывало снова встал на ноги. И пошёл себе мимо Киры куда-то по своим личным, ничуть ее не касавшимся делам.

Он был моложе её годика этак на четыре. Или даже на пять. И меньше ростом сантиметра на три. И вдобавок ещё и худ, как ремень. Здоровая такая худоба жилистого спортсмена.

Ну то есть парень как парень, ничего особенно выдающегося, но почему-то Кира вдруг вспомнила давешнего Интеллигента. Наверное, оттого, что этот экземпляр был ему полной противоположностью. Во всяком случае, размышлял он уж точно ни о каких не о формулах, а скорее о метрах, секундах или забитых голах. Это же видно, что у кого на лице написано... (Кира немедленно вспомнила, как год назад посещала Нину в больнице и обратила внимание на одну её соседку по палате, по всем манерам и ухваткам – вузовскую преподавательницу. «Вы кем работаете, если не секрет?» – спросила она. Женщина, отмахнувшись, засмеялась:

«Миленькая, да кем же я с моими двумя классами работать могу...»)

Кира невольно проводила парня глазами. Интересно, а как другие люди знакомятся, ни к селу ни к городу вдруг подумалось ей. Большинство её подруг добывали себе женихов, проявляя недюжинную инициативу. Вот прямо так подходили и..?

Давным-давно, когда Кира была маленькой девочкой, она училась звонить по телефону и делала это следующим образом: для начала набирала номер не снимая трубки, чтобы справиться с волнением и «потренироваться», а потом – уже по-настоящему. В любом деле надо потренироваться, сказала она себе. С этим малым мне уж точно ничего не отсвечивает, – Господи, вот смех-то, только представить... – но хоть представить... Попробовать заранее притренироваться к состоянию, когда я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** подойду к кому-нибудь и...

Она ужаснулась собственным мыслям и обозвала себя душой. И поняла, что нипочём не повернётся и не пойдёт следом за парнем, уже исчезавшим за поворотом аллеи. С которым ей совершенно, точно ничего не отсвечивает. Который даже никогда не узнает, о чём думала летним вечером одна такая толстая некрасивая идиотка, тоже, видите ли, размышлявшая о любви и семье...

Она повернулась и сделала шаг, а потом и другой. Ей было смешно, обидно и грустно. Естественно, она не только не заговорит с ним, но даже и близко не подойдёт. Его клетчатая рубашка легко мелькала впереди, в неровных пятнах тёплого вечернего света, пробивавшегося сквозь листву. Он шёл быстро, и Кира подумала, что скорее всего безнадежно отстанет и совсем потеряет его из виду. Как в школе на стометровках, когда она тоже всегда от всех отставала. Привычная безнадежность больно уколола её. Парень тут же приостановился поправить шнурок импортной кроссовки, и она поняла, что это судьба. Потом он выпрямился и зашагал дальше. Он не оглядывался. А что ему оглядываться. Опять мимо пруда, через аллею Героев, в дальнем конце которой не так давно замаячил большой красивый спорткомплекс... мимо львов, прижавших лапами каменные мячи... Обратная дорога показалась Кире несправедливо короткой. Что-то неосознано ускользало между пальцами, уходя в пучину Несбывшегося. Ещё несколько минут, и растает, и скроется в людском потоке уже навсегда. Кира знала, что не станет плакать в подушку. Будет немного тоскливо, а потом и это пройдет. Других дел у неё нет, чтобы о мужиках только переживать?

Возле метро парень купил у горластой тётки жареный пирожок из большой алюминиевой кастрюли. В народе такие пирожки называли «канцерогенничками» и, видимо, по заслугам. Парень надкусил пирожок, но есть не стал. Сел на корточки и принялся крошить голубям.

У Киры гулко бухнуло сердце. Она поняла: если прямо сейчас не прикинется самой обычной незаинтересованной прохожей и не заговорит с ним на какую-нибудь отвлечённую тему, – она до гробовой доски не наберётся смелости и не заговорит больше никогда и ни с кем. В том числе и с тем единственным, кто мог бы стать ей по-настоящему близким. С кем **В САМОМ ДЕЛЕ** захочется познакомиться. Ей рассказывали, как учатся делать укол в вену: если не хватит духу с первого раза, значит, пиши пропало, не получится уже никогда... Кира остановилась поблизости. Доверчивые голуби стайкой копошились у его ног. Самый нахальный клевал пирожок из руки, взлетев на запястье.

– Простите, молодой человек... – в очередной раз ужаснувшись, услышала Кира свой собственный голос. – Я вот смотрю... Скажите, это ваш знакомый голубь? Или просто так?..

Парень поднял голову и охотно ответил:

– Да нет, просто так.

Голос у него оказался гораздо более низким и взрослым, чем она ожидала. А волосы – пепельно-русыми и очень густыми. Он разломал пирожок и бросил его голубям. Неторопливо отряхнул руки и встал. И внезапно сделал два быстрых шага, оказавшись совсем рядом с ней.

– Послушайте, девушка... А что это вы от самой Кузнецовской за мной, как хвостик, идёте? Неужели понравился?

Кира так и задохнулась от ужаса и неожиданности. А потом, разом перестав что-либо видеть перед собой, рванулась от него прочь. Но не тут-то было. Он протянул руку, ещё пахнущую жареным маслом, и легонько придержал её за плечо. И в мире что-то случилось, потому что сквозь всё своё отчаяние и жгучий позор Кира одновременно осознала три важные вещи. Во-первых, ручки у него были... цельнометаллические. Во-вторых, вздумай она вырываться и убегать, он совершенно точно отпустит её и не станет удерживать. И третье, самое главное. Если она действительно вырвется и удерёт, она никогда в дальнейшем себе этого не простит.

Вот как много может сказать одно простое прикосновение. Кира оглянулась и увидела серые глаза, смотревшие на неё, между прочим, без малейшей насмешки.

И тут она разревелась. Сработало старое, как мир, женское защитное средство. Она разревелась и едва не потеряла очки, пытаясь утереть глаза и одновременно разыскивая платочек. Слезы вообще мало кого украшают; Кира выронила сумку и с болезненной остротой ощутила, как расплываются по лицу красные пятна, захватывая губы и нос, как пухнут веки, как...

Наверное, люди на неё оглядывались. И поделом.

То, что парень уже ведёт её к лавочке, слегка обнимая за плечо и неся в другой руке сумку, пролетело как-то стороной, мимо края сознания.

– Ну? Это кто тут сырость разводит?.. – приговаривал он вполне доброжелательно и даже с юмором (или ей так показалось). – Всё ж в порядке, чего плакать-то? Ну прямо слова не спроси, вот так хлоп сразу и в слезы!..

Сначала Кира только мучительно икала в ответ, но потом её как прорвало – принялась что-то говорить, безудержно, непонятно, перескакивая с пятого на десятое. Она никогда впоследствии не могла толком припомнить, что именно. Только общий ужас происходившего.

Парень опустил перед нею на корточки и взял за руку, заставив отнять одну ладонь от лица. Она снова увидела серые внимательные глаза. Он вдруг оговорился её вопросом:

– Мороженого хотите?

Кира перестала истерически всхлипывать и недоумённо моргнула, и он констатировал:

– Хотите. Вы посидите пока, глазки утрите, а я сейчас принесу.

И с тем удалился.

В ларьке у метро вроде бы действительно торговали её любимыми брикетами по девятнадцать копеек. Однако и очередь к вечеру довольно жаркого дня выстроилась, что называется, скрипичными ключами. Минут на тридцать пять самое меньшее. Кира поняла, что парень нашёл повод слинять без дальнейших скандалов. С одной стороны, это было вроде и хорошо, ибо её позор хотя бы не получал продолжения. С другой стороны...

Она подхватила сумку и почти бегом кинулась прочь, опять обронив сумку и уже на ходу неожиданно трезво осознавая, в какую потрясающе глупую (это в лучшем случае) историю чуть не влипла по собственной неопишуемой дурости. Она успела сделать два или даже три шага, когда сзади послышалось:

– Э, вы куда? А мороженое? Мне вторым что, кишки себе застудить?..

Любитель кормить голубей догнал её и пошёл рядом, протягивая заиндевелый брикетик. Каким образом он умудрился обаять длинную раздражённую очередь, осталось в потёмках истории, но факт был налицо. Кира с содроганием ожидала, что парень вот сейчас снова задаст свой страшный вопрос, но он, будто почувствовав, принялся ненавязчиво болтать о каких-то не относившихся к делу пустяках. О друзьях, которых Кира никогда не знала да и знать не хотела, о поездке с экспедицией в Среднюю Азию, о никому не ведомом Саньке и о Гиссарском хребте в синей дымке над холмами в разноцветных тюльпанах:

– ... Представляете? Один склон весь сплошь жёлтый, другой – красный, третий – лиловый...

Кира стала есть мороженое, постепенно успокаиваться и даже что-то ему отвечать. В конце-то концов, ничего уж ТАКОГО вроде не происходило. В некоторый момент она с удивле-

нием обнаружила, что осторожно, стараясь поменьше касаться липкими пальцами, рассматривает его партбилет с фотографией, где он выглядит ужасно проникнутым и серьёзным. «Иванов Константин Петрович» – гласили чёткие рукописные буквы. Год рождения почему-то проскользнул мимо её взгляда, зато дата вступления оказалась совсем свежей.

– А вы думали! – похвастался Костя. – Весь Союз исколесил, теперь в Анголу поеду!

По его словам, после армии он, детдомовец, так и мотался по картографическим экспедициям, числясь в Институте геодезии рабочим. А вот теперь бил баклуши, гулял перед первой в жизни «загранкой» по всяким друзьям, собирая заказы на ангольские сувениры. Друзья не проявляли особой изобретательности и требовали кто слона, кто крокодила.

Кира зачем-то поинтересовалась:

– И скоро едете?

Он радостно заулыбался – простой, незатейливый парень, душа нараспашку:

– А вот в следующий вторник и полетим... Кира попробовала вспомнить, какой нынче день. Среда.

– А вернётесь?

Он развёл руками. Ему определённо хотелось пустить ей пыль в глаза:

– Да там... смотря как дело пойдёт. Может, через полгода, а может, ещё и дальше останемся.

Кира не первый день жила на свете, общалась с самыми разными людьми и, что такое культурный барьер, знала не понаслышке. Немногие всё же девицы от науки выходят замуж за шофёров, да и правильно делают. Так почему она, Кира, болтала с этим едва дотянувшим школу экспедиционным работягой почти как с близким приятелем? Притом что не далее как сегодня Интеллигент... Сергеев этот А. К., чтоб ему прыщами покрыться...

– Что-то я про себя всё да про себя! – сказал Костя. – А вы, небось, в институте где-нибудь учитесь? Или уже работаете? Вид у вас, знаете, учёный такой... – Он поправил пальцем несуществующие очки, и на подвижном лице очень похоже отразилось Кирино сосредоточенное выражение. – Преподаёте, наверное? Даже на нашу школьную физичку где-то смахиваете...

– Моя мама, – сказала Кира, – в школе физику преподавала.

Он взялся расспрашивать, и выяснилось, что учился он совсем в другой школе, а значит, Кирина мама ну никак не могла иметь к нему отношения... но спустя некоторое время Кира обнаружила, что самым естественным образом рассказывает чужому парню всю свою жизнь. И в том числе про начисто обошедшую её женскую долю. Какая-то часть её рассудка ещё ужасалась двусмысленности совершенно лишнего разговора, но другая и главенствующая часть словно бы махнула на всё рукой: а, будь что будет... всё равно ничего ведь не будет, ну и плевать...

– Ты это мне брось! – решительно заявил Костя, когда они завершили уже второй или третий круг по парку и окончательно направились к её дому. – Мы, мужики, мы только с виду грубияны и остолопы, а на самом деле мы всё-всё замечаем. Ты ещё та-а-акого парня себе огребёшь – во! И замуж пойдёшь, и детей кучу!.. Точно! Это я точно тебе говорю!

Киру снова бросило в пот, ибо мало ли какое продолжение могли иметь эти слова, но Костя только посмотрел на темнеющее небо и взял её под локоть:

– Дай-ка провожу до квартиры. Мало ли кто у вас тут по парадным шастает.

Лифт не работал уже вторую неделю. Кира боялась всё то время, пока они поднимались по лестнице. Но Костя даже не взойшёл на площадку, оставшись стоять на верхней ступеньке:

– Всё в порядке? Ну, бывай!

И ссыпался вниз, прыгая козлом через четыре ступеньки, а у Киры затряслись руки, извлекавшие из сумки связку ключей. Минуту назад она боялась его возможной настойчивости, а теперь почти обиженно думала: вот болтал-болтал языком, что-то там такое про мужиков рассуждал, а на самом-то деле я тебе тоже... крыса учёная... толстая дура в очках...

Потом она пила у Софьи Марковны чай со знаменитыми тётти-Фиринными оладьями. Но даже тётте Фире, бывшей в курсе всех её дел, она ничего не стала рассказывать.

Жизненные события имеют свойство как-то очень быстро отодвигаться в минувшее и зарастать паутиной, сначала тонкой, потом всё толще и толще. На завтра после своей отчаянной выходки Кира снова трудилась у себя в абонементе, и всё происходило по обычному расписанию.

– Будьте так добры, тринадцать пятьсот... Нет, здесь какая-то ошибка, эту книгу я не заказывал...

– Девушка, ну посмотрите внимательнее, неужели ничего не пришло?

День был точной копией предыдущего. И по-прежнему не наблюдалось никаких признаков чуда.

– Что значит «подождите»? Сколько можно? Четвёртый раз прихожу!..

Кира узнала голос Сергеева А. К., скипидарившего на сей раз бедную Любочку. Она посмотрела сквозь него, словно он был пустым местом.

– Пройдите в системный каталог к дежурному библиографу, она вам подскажет...

А потом наступило пятнадцать часов тридцать минут, когда они открывались после очередного проветривания. Как обычно, за дверью, разглядывая книжную выставку, уже терпеливо маялось несколько человек. Они поспешили вовнутрь, и четвёртым по счёту в комнату вошёл Костя.

И в руках у него топорщился букет из нескольких крупных садовых ромашек.

Кира потеряла дар речи.

А он прошагал мимо начавшей скапливаться очереди, перегнулся через невысокую стойку и положил цветы ей прямо на стол, на старенький исцарапанный плексиглас.

– Привет, – сказал он негромко. – Ты работай, я тут где-нибудь подожду.

Отошёл к задрипанному креслу возле журнального столика, взял с полки открытого доступа детскую книжку, подмигнул Кире и уселся читать.

– Ой, какие ромашки! – восхитилась Любочка и упорхнула за вазой. Кира, так и не издавая ни звука, повернулась к очередному посетителю. Но вместо того чтобы давно отработанным движением взять у него требования, обрушила на пол стопку книг, неустойчиво громоздившуюся с краю стола.

Когда она в третий раз попыталась выдать человеку чужие книги, да ещё и нацарапала ему в контрольном листке такое, что почтенного учёного прислали с вахты за уточнениями, седая и мудрая Мария Георгиевна вызвала её в смежную комнату.

– Кирочка, милая, вы идите, не мучьтесь, – сказала она. – Мы тут присмотрим, вы не беспокойтесь, идите.

Кира пыталась лепетать что-то в том духе, что у неё-де всё в порядке и она ни в коем случае не позволит... Мария Георгиевна, не слушая, только согласно кивнула и выпроводила её вон. Костя послал дамам воздушный поцелуй и повлёк совершенно ошалевшую Киру по коридору.

На вахте сидела тётя Тамара, которой боялся весь БАН. Тётя Тамара без сомнения составила бы честь и славу любой контрразведки, и Кира только тут задалась вопросом, как же просочился мимо неё Костя: ведь билета в Библиотеку Академии Наук у него наверняка и в помине...

Тётя Тамара строго посмотрела на Киру, не спеша и очень подробно изучила содержимое её сумки, сверила все книги с записями в контрольном листке и, казалось, испытала лёгкое разочарование, как всегда не обнаружив ничего сокрытого или упущенного. Всё это время Костя стоял рядом, имея вид самый что ни есть беззаботный. Когда настал его черёд подвергаться досмотру, широкое лицо тёти Тамары расплылось в материнской улыбке:

– Ну что, молодой человек? Я смотрю, разыскали? Костя засиял ответной улыбкой:

– А как же, тётя Тамара! Вашими всё молитвами!.. Они миновали прохладный сумрачный вестибюль с закрытым книжным киоском и вышли в августовскую жару. И совершенно естественным образом, безо всякого предварительного сговора, зашагали через Стрелку и Дворцовый мост, потом мимо Исаакия и далее пешком к парку Победы. Если бы в это время кто-то сфотографировал Киру со стороны, она бы, наверное, себя не узнала на снимке. Красивая, радостно взволнованная, совсем молодая женщина с сияющими глазами...

Они опять до самого вечера гуляли по парку и без конца говорили. И расстались в точности как вчера: на лестничной площадке перед Кириной дверью.

Поездка в Зеленогорск

Когда Костя предложил в воскресенье поехать в Зеленогорск, Кира обречённо сказала себе: вот так мы и пропадем, глупые, доверчивые засидевшиеся девицы.

И сразу согласилась поехать.

Электричка отправлялась с Финляндского в восемь с чем-то утра; всю пятницу Костя терроризировал Киру леденящими кровь историями про Саньку и прочих своих друзей, по разным причинам проспавших кто поезд, кто самолёт. И вполне достиг поставленной цели. В ту же ночь Кира в ужасе просыпалась через каждые полчаса: ей снилось, будто она куда-то безнадёжно опаздывает.

Суббота в БАНе была рабочая. Костя явился под конец дня, они снова гуляли по улицам и прощались на лестнице, и тут-то он выудил из капронового мешочка гигантский антикварный будильник:

– Это чтоб не проспала.

И исчез прежде, чем Кира успела испуганно задаться вопросом, а следует ли принимать такие дорогие подарки.

Доисторический «Густав Беккер» тикал, как трактор. Кира опробовала его перед тем как лечь спать. Наверху у него была стальная чашка со следами стёршейся позолоты и фигурный маленький молоточек при ней. Когда Кира осторожно подвела стрелку, будильник забился в эпилептическом припадке и взревел так, что она чуть не выронила его из рук. Торопливо прижав рычажок, Кира оглянулась на стены и подумала, что теперь в самом деле вряд ли проспит.

И блаженно уснула, едва забравшись в постель.

Костя, как договаривались, ждал её на вокзале под расписанием. Близорукая Кира высмотрела его с другого конца обширного зала. «Вот послезавтра уедешь, и всё, – подумала она. – Наверняка больше не встретимся. Но всё равно спасибо уже за то, что ты в моей жизни БЫЛ...» Ей ведь приходили в голову трезвые мысли о том, что для него это непонятное ухаживание вполне могло быть розыгрышем или шуткой. Или вовсе развлечением накануне поездки. Ей было всё равно.

– Какая ты сегодня красивая!.. – обрадовался Костя.

Электричку ещё не подали на посадку, но народу на перроне было уже полно. Заняв «на авось» позиции вдоль края платформы, люди с мрачной решимостью готовились вступить в бой за места. Вот это всегда поражало Киру в соотечественниках. С собственной жизнью большинство из них обращалось так, будто впереди было ещё десять. Зато двести граммов колбасы в магазине взвешивали или места в общественном транспорте «забивали», как навсегда.

Костя огляделся по сторонам и решительно остановился в облюбованной точке, утвердив Киру перед собой. Она молча стояла, отдаваясь доселе незнакомому ощущению. Сколько она себя помнила, во всех поездках ей приходилось самой стоять за билетами, разыскивать поезд, тащить чемодан. Даже во время вылазок за город редко-редко случалось, чтобы её, Киру, ВЕЗЛИ, чтобы кто-то другой брал все хлопоты на себя, предоставив ей беззаботно насла-

ждаться поездкой. К блаженному ощущению примешивалась горчинка. Всё равно всё впустую. Всё равно ЭТОГО не может быть. Потому что ЭТОГО не может быть никогда.

Тут из лабиринта привокзальных путей не спеша выползла электричка, и – бывают же чудеса – вагонная дверь оказалась точно напротив. Их с Костей первыми внесло внутрь, и Кира запоздало сообразила, что её спутник с самого начала руководствовался хладнокровным расчётом. Присмотрелся к поезду напротив, стоявшему на точно таком же пути, и безошибочно вычислил, где будет дверь.

Они сели на деревянное сиденье, и Кира наконец задала мучивший её вопрос:

– Твой будильник... Он же сто рублей стоит небось...

– Да ну его! – отмахнулся Костя. – Приблудился откуда-то, и выкинуть жалко, и с собой таскать такую громозду... Пускай у тебя поживёт, а не понравится – ещё кому-нибудь пода-ришь!

Кира стала смотреть в окошко, в тысяча первый раз говоря себе, что они ну никак не пара друг другу. Ему бы такую же, как он сам, молоденькую девчушку, простую, смешливую и беззаботную. То есть о какой-либо перспективе в их, с позволения сказать, отношениях даже заикаться было смешно. Ему ещё некоторым образом простительно было увлечься, бездельничая перед дальней поездкой. Но она-то, она!.. Взрослый здраво-мысленный человек!.. Что она вообще рядом с ним в этом поезде делает?.. Зачем, спрашивается, ей всё это надо?.. Ещё несколько дней назад не было никаких проблем – размеренная, предсказуемая до мелочей, спокойная жизнь...

Она покосилась на притихшего Костю. Её кавалер, так трогательно заботившийся, чтобы она не проспала, оказывается, капитально не выспался сам. Он клевал носом, закрыв глаза. Кира воспользовалась случаем и стала разглядывать его обтянутые скулы, неожиданно жёстко прочерченный рот и густые (ей бы такое богатство!) пепельно-русые волосы. Волосы упруго торчали, распадаясь переливчатыми вихрами. Кира поймала себя на том, что ей хотелось погладить эту голову. И пусть бы дремал хоть до самого Зеленогорска, опустив щеку ей на плечо.

А потом электричка остановилась в Удельной, и борьба за выживание развернулась опять. Крепкая молодёжь рванулась с платформы в вагон, расталкивая и тесня более слабых. Обычно в таких случаях Кира начинала ненавидеть людской род и в особенности мужскую его половину. Враки это всё, про рыцарей и благородство. Пыхтящий прилив поднёс к ним женщину с хозяйственной сумкой: начинающая пенсионерка, едущая к внукам на дачу. Костя немедленно проснулся и встал.

– Купальник взяла? – деловито спросил он, когда высаживались в Зеленогорске. Кира, стеснявшаяся слишком полных бёдер и ненавистных складочек на животе, накануне долго размышляла над проблемой купальника и наконец решила, что без пляжных забав как-нибудь обойдётся.

– Даже в голову не пришло... – соврала она неуклюже. – Столько народу...

– Я тоже не люблю посреди муравейника, – заявил Костя. – Значит, так! Для начала в «Олень», а потом знаешь что? Не возражаешь в Репине пешедралом?..

Кира не возражала.

В кулинарии ресторана «Олень» продавались невероятно вкусные сдобные плюшки. Костя загрузил их в неизменный капроновый мешочек, и через парк они вышли к морю.

– Ты всегда с такой причёской ходишь? – поинтересовался он, когда цивилизованный пляж и галдящая ребятня остались далеко позади.

У Кире были довольно длинные волосы, пушистые, но не очень густые. Она заплетала их в косу и закручивала в пучок на затылке, скрепляя четырьмя пластмассовыми шпильками.

– Я... – замялась она, собираясь объяснять, что не находит в своей шевелюре особенной красоты, а так хоть не лезет в глаза... Костя по обыкновению решительно усадил её на пригретый солнцем валун и вручил мешок с булочками:

– А ну-ка поэкспериментируем!..

Его, видимо, либо следовало с самого начала бесповоротно гнать, либо уж теперь во всём слушаться. Кира выбрала второе. Осторожные пальцы забрались в её волосы и вынули все шпильки, потом стащили резинку и расплели косу, вороша каждую прядь. Кира вспомнила, как ей хотелось погладить его по голове, и блаженство, приправленное горьким ощущением несбыточности, оказалось похожим на боль. Всё равно ничего из этого не получится. Она закрыла глаза.

Костя окончательно распустил ей волосы, соорудил из резинки и палочки нечто вроде заколки и приспособил наверху шеи:

– Вот так и носи. Не надумала выкупаться? Она ощупала причёску, по её мнению, всё-таки не особенно эстетичную:

– Да ладно уж... обойдусь...

– А я поплаваю, – заявил он. Мигом стряхнул рубашку и джинсы и полез в воду, искрившуюся на солнце. Кира проводила его глазами. Ещё неделю назад она представляла своего гипотетического избранника совсем не таким. Для начала ОН должен был самое меньшее на голову превосходить её ростом. Чтобы ехать в метро на эскалаторе, и он стоял бы ступенькой ниже, и лица находились бы на одном уровне.

А в результате?

Да ещё и моложе на несколько лет... Ужас и только.

И смешно же они, наверное, вдвоём смотрелись со стороны...

«Всё, – положила она себе. – С завтрашнего дня делаю зарядку и вообще начинаю худеть». Потом вспомнила о безнадежности и мысленно махнула рукой. Зачем страдать и стараться, ведь всё равно не будет ничего, совсем ничего?..

Костя плавал, как дельфин: несколько раз она даже теряла его из виду и начинала тревожиться. Наконец он выбрался на каменную гряду и побежал к ней, без натуги перелетая с валуна на валун. Кира следила из-под ладони за его прыжками, достойными опытного гимнаста, и комплексовать по поводу Костиной кажущейся невзрачности хотелось всё меньше.

Они ели булочки, то ли ещё не остывшие, то ли заново согревшиеся на солнцепёке, и по очереди запивали их лимонадом, купленным всё в том же «Олене». Костя, похоже, что-то заметил в Кириных глазах и, пока сушил на себе плавки, выделялся вовсю. Ходил на руках, отжимался вниз головой и даже стоял на одной руке, взгромоздившись на самый высокий валун. Кира отлично понимала, ради кого всё это делалось. Её неприкрытое восхищение явно заводило его и вдохновляло на подвиги. Кириным разум ещё подавал сигналы тревоги, вспоминая всё когда-либо слышанное о таких вот героях, но сердце ничего не хотело слушать, блаженно выстукивая: и плевать, и плевать, и плевать...

– Смотри!.. Ландыши, – восхитилась она, заметив в укромном уголке жёсткие зелёные листья. – Будь у меня свой участок, я бы там непременно ландыши посадила!

Костя выразился в том духе, что если у него в Анголе всё «срастётся» как следует, то почему бы и не начать обдумывать этот вопрос.

Они никуда не спешили и то медленно шли мимо казённых дач, обнесённых зелёными глухими заборами («Какая скука здесь, наверное, жить», – сказала Кира, а Костя ответил, что важные персоны скорее всего отправляют сюда своих детей и престарелых родителей), то возвращались на берег. Расшумевшиеся волны далеко выплёскивались на песок, вынося разный мусор и скомканные перья чаек, серые с чёрными кончиками. Ветер нёс Кирины волосы, она щурилась от яркого света и хотела совершить какое-нибудь безрассудство, но не могла приду-

мать какое. Завтра Костя уже не сможет её навестить. Завтра у него всякие дела и последние хлопоты перед отъездом.

Кирино счастье по-прежнему изрядно горчило от сознания невозможности, но оно тем не менее БЫЛО. Она всем существом впитывала этот уже завершавшийся день, и морской ветер, томительно пахнувший водорослями и дальними странами, и Костин жизнерадостный трёп, и знала, что за это своё короткое счастье будет навсегда ему благодарна.

Когда они пришли наконец в Репине и стали ждать электричку, Кира пребывала в состоянии тихого внутреннего свечения. Основной поток нагулявшегося народа успел уже схлынуть, пассажиров в вагоне было немного. Они уютно устроились на двойном сиденье в углу, там, где напротив не было никого – сразу глухая спинка трёхместного, – и Костя, кажется, собрался накинуть ей на плечи свою лёгкую курточку, когда Кира поняла, что вагон они выбрали определённо не тот.

За проходом, через несколько сидений от них, раздавался громкий заплетающийся голос. Голос человека, успевшего «принять» ровно настолько, чтобы ноги ещё ходили, зато язык развязался и руки сделались длинными.

– А я те грю – с-суки они все!.. – Говоривший ловил за рукав пожилого мужчину, оказавшегося, на своё несчастье, с ним рядом. Тот выдернул рукав и поднялся, чтобы пересесть. – А-а!.. Слушать не хошшщ!.. – обиделся пьяный. – А я пр-равду те грю!..

Он длинно выругался и с силой огрел мужчину между лопаток – тот схватился за спинку сиденья и только потому не упал. Рядом испуганно вскрикнула женщина, а Кира ощутила, как меркнет и рассеивается чудо, сопровождавшее её с самого утра. Грубая земная реальность неотвратимо заявляла о себе в лице мужика в старом засаленном пиджаке, в тяжёлых ботинках, с топорной физиономией, тупой то ли от природы, то ли от пьянства. Вот из таких, подумала Кира, в основном и состоит обычная жизнь. Ему было лет пятьдесят с небольшим – по-бычьему здоровый, начинающий полнеть мордovorот обводил вагон тёмным взглядом, выбирая, к кому ещё прицепиться. Его подбородок и шея были в трёхсуточной седоватой щетине. Когда он повернулся в её сторону, Кира поспешно отвела глаза, притворяясь, что она тут ни при чём. Она по опыту знала: такие вот агрессивные пьяницы нутром чуют, кто их больше боится.

– А ты мне зенки не пяль!.. – внезапно заорал небритый, обращаясь к молодой женщине, сидевшей через проход. Та прижимала к себе маленькую девочку в белых гольфах и, видимо, имела неосторожность посмотреть на матерщинника с укоризной. Против женщины сидел моложавый мужчина в светлой рубашке с закатанными рукавами – отец девочки. Он успокаивающе взял жену за плечо и что-то тихо сказал ей, уговаривая не обращать внимания.

– Чё морду воротишь? Тебе, бляха, гр-рю!.. – не унимался пьяный. – Сама небось каждому встр-речно-му... попер-речному... Со своей такой вчера ёкаря стаскивал...

– Не ругайтесь при ребёнке!.. – взвизгнула женщина.

Девочка заплакала.

Мужчина начал угрожающе подниматься на ноги:

– Я сейчас милицию приведу!..

Пьяный с неожиданной обезьяней ловкостью влепил ему затрещину. Удар пришёлся врасплох: мужчина взмахнул руками и тяжело опрокинулся обратно на сиденье, но не удержался и съехал на пол.

– Милиция!.. – закричало сразу несколько голосов, в основном женских. – Вызовите милицию!

Кнопку, видневшуюся в дальнем конце вагона, никто, однако, нажимать не помчался. Работает она ещё или нет, эта кнопка, да и кому охота в случае чего объясняться? А разошедшегося скандалиста, того и гляди, урезонит само слово «милиция»...

Пьяный захохотал.

Кира не уследила, когда это Костя успел покинуть их уголок, но он уже шёл, неторопливо и чуть-чуть вразвалочку шёл вперёд по проходу. Что тут прикажете делать? Гордиться смелостью кавалера? Или бросаться следом и хвататься за него двумя руками, чтобы не лез на рожон?.. Кира не знала. Ей было страшно.

Пьяный заметил подходившего Костю и воинственно повернулся навстречу:

– А ты, блин, тоже по лекалу захотел, мать тво... Он вдруг замолчал. Костя стоял к Кире спиной, и она не видела, что там у них происходило, да и видеть было особенно нечего: Костя, подойдя, молча остановился и вроде даже не двигался с места. Потом пьяный ёрзнул и с готовностью поднялся, прямо-таки даже вскочил, и они вроде под ручку направились в сторону дальнего тамбура. Костя шёл прямо, не теряя равновесия при толчках поезда, а его невольный (теперь было заметно, что невольный) попутчик пританцовывал рядом, неестественно выгнувшись боком и стучаясь обо все сиденья подряд. Они миновали тамбур и скрылись в гулко грохотавшем переходе между вагонами. Секунду спустя Костя вышел обратно уже один, захлопнул дверь и вернулся на своё место. Пассажиры косились и провожали его неразборчивым бормотанием. Теперь, когда всё отгремело, многим казалось: надо было просто не обращать на пьянчугу внимания, небось сам бы утихомирился.

– Молодец, парень, – гнусаво сказал поднявшийся с полу мужчина. Он держал возле носа женин платочек, останавливая кровь.

Кира смотрела на идущего Костю, и ей было ясно, что чудо не кончилось. Ещё она думала о том, как мало она, в сущности, знает своего спутника. Любой человек, даже самый простой и открытый, только кажется прозрачным насквозь. Вот и Костя, наверное, чего только не насмотрелся по своим экспедициям. Уж точно происходили там не одни сплошь весёлые и забавные случаи, которыми он без устали её развлекал. Кира тоже ездила в стройотряд и на картошку и кое-что понимала. Когда он сел рядом с ней, она взяла его за руку. Это как-то само собой разумелось – сидеть, плотно переплетая пальцы, и просто молчать.

После целого дня за городом ноги у Киры немилосердно гудели, и Костя повёз её домой на метро. В обычной жизни она не любила поздних возвращений, ибо мало ли на каких субъектов можно напороться в метро и того пуще на полумночных улицах, но сегодня день был явно особенный. Кире было потрясающе уютно под лёгкой Костиной курточкой, которую он так надел ей на плечи, и против всякого обыкновения совсем не хотелось поторопить подземный состав.

В прошлом году она купила путёвку по городам Закавказья. В группе, собравшейся со всего Союза, одна пара привлекла её внимание: женщина, выглядевшая утончённой интеллигенткой, и её муж. Этот муж вроде ничем выдающимся не блистал, но Кире упорно казалось, будто в каждом его движении – вот он садится на стул, берёт вилку, накалывает котлету – необъяснимо сквозила страшная сила. Разговорившись однажды с его женой, Кира решила проверить догадку. Женщина рассмеялась: «Штанга? Военный он у меня. Инструктор по рукопашному бою...» В гостинице, где их поселили, не прекращались проблемы с водой, и в какой-то вечер, часов в одиннадцать, они сговорились отправиться в баню: Кира с соседкой по номеру и военный с женой. Мрак в февральском Баку был выколи глаз, фонари горели с интервалами метров пятьсот, трёх женщин сопровождал всего один мужчина... но Киру всё равно не оставляло ощущение, что она едет на танке.

Такое чувство абсолютной защищённости очень редко выпадало на её долю и всякий раз было невыразимо блаженным. Только, оказывается, и блаженство обретает совсем особое качество, если твой защитник, покровитель и каменная стена... как бы это сказать... не совсем тебе безразличен...

Костя бесшабашно повёл её напрямик через парк, на что она, конечно, нипочём не отважилась бы в одиночку. Парк был совершенно безлюден. Ещё два дня назад Кира даже порадовалась бы этому обстоятельству. Зря ли как-то раз она даже свернула с аллеи, чтобы не попасть

на глаза Нине с Валерой, – всё, что угодно, только не в обществе Кости!.. Теперь ей было даже обидно, что никто не увидит их вместе и Не оценит, какой замечательный парень положил на неё глаз.

– Ну что! – сказал он, останавливаясь перед её дверью. – Ты себя береги. Я тебе открыточку оттуда пришлю. С видами.

Он уже потянулся за своей курткой, и тут...

– Не уходи, – шёпотом сказала Кира, и сердце гулко стукнуло у самого горла. – Останься. Не уходи.

Не надо, ой не надо было ей говорить такие слова. Она понимала это столь же отчётливо, как и то, что не произнести их было попросту невозможно.

Костя замер, глаза сразу стали очень серьёзными.

– Кира?... – спросил он тихо. Она зажмурилась и повторила:

– Останься. Не уходи.

Позже она не могла припомнить, кто из них отпирал замок: только то, как открылась дверь в застоявшуюся квартирную темноту, как Костя придвинулся ближе и как она нечаянным образом оказалась вдруг у него на руках.

– Ты что! – ахнула она по-прежнему шёпотом и обхватила его за шею. – Ты что!.. Живот надорвёшь!..

Ей, впрочем, уже было откуда-то ясно: не надорвёт. Костя негромко засмеялся впотьмах и внёс её внутрь, и пяткой аккуратно защёлкнул за собой дверь. Кира гладила его густые волосы, жёсткие, точно солома, а потом стыдливо и неумело поцеловала его.

...И было им хорошо. Несмотря даже на вопиющую безграмотность одной из сторон...

Утром Костя стал прощаться уже окончательно.

– Я не смогу куда-нибудь тебе написать?... – зябко кутаясь в халатик, спросила она. Костя положил в чай третью ложечку сахара и отмахнулся:

– Да нас там небось сразу куда-нибудь в такую тьмутаракань запичужат... куда местный Макар антилоп не гонял, а вертолёт в полгода раз по великому обещанию прилетает. Пока письмо доползёт, я сам быстрее приеду. Ты смотри тут, на чужих мужиков не очень глазами!

Кира подумала о том, что через шесть или сколько там месяцев вполне может встретить его, что называется, в интересненьком положении. А задержится, так и с пополнением. Мысль об этом грела сердце и вместе с тем заставляла трезво оценивать вещи. Кира знала нескольких матерей-одиночек, чьи нехитрые истории были трогательно похожи одна на другую. И тоже, как правило, начиналось всё весьма романтично. Кира прислушалась к себе и поняла, что ни о чём не жалеет. Может быть, до поры. Смотреть, как ЕЁ МУЖЧИНА уписывает бутерброд с сыром, было сущее наслаждение.

А он дожевал и сообщил ей – сурово, как о решённом:

– Вот приеду – и сразу в загс. Ясно? Кира вздрогнула, помолчала и тихо ответила:

– Ты не зарекайся...

Костя воздел палец – сейчас что-то покажу, упадёшь! – и запустил руку во внутренний карман курточки:

– Закрой глаза...

Кира послушно закрыла. Он цепко взял её за правую кисть, и на безымянный палец безо всякого предупреждения скользнул прохладный металлический ободок. Кирины ресницы взлетели сами собой: в зрачках отразилось новенькое обручальное кольцо. Костя торжественно протягивал ей второе и подставлял палец:

– Пам, пам, па пам-пам пам пам пам, па-па-па-папам...

У неё неизвестно почему спёрло дыхание и на глаза навернулись слезы, она попыталась подхватить импровизированный марш Мендельсона, но голоса не было. Она смогла только

по вечному женскому обыкновению разреваться, уткнувшись лицом ему в грудь. Слезы были горькими и сладкими одновременно.

– Ты моё побереги пока, – деловито велел Костя. – Хорош я буду, если не ровен час негры сопрут.

Кто-то из его товарищей должен был подъехать за ним на машине. Кира видела с балкона, как он садился в серые «Жигули». Когда машина тронулась, она помахала ему на прощание. Он уже не мог видеть её движения, но всё-таки помахал в ответ. Кира навсегда запомнила его руку, высунутую над крышей автомобиля.

«Густав Беккер» размеренно тикал на комод, отсчитывая мгновения вечности.

Восемь лет спустя

Была осень, двадцать седьмое октября. Кира ехала по эскалатору «Парка Победы», поднимаясь наверх. Утро этого дня выдалось погожее и солнечное, хотя и холодное, но часов в двенадцать повалил снег, а под вечер на улицы даже выгнали специальную технику – разгребать метровые заносы. Кирины коллеги обсудили погоду и сообща вспомнили, что такие снежные шквалы регулярно случались в Ленинграде где-то под ноябрьские праздники, плюс-минус неделя, и ещё около первого мая, когда на тополях вылезают здоровенные листья и всем уже кажется, что установилось тепло. Кира переминалась с ноги на ногу, шевеля пальцами в промокших туфлях. Выходя из дому, она одевалась с расчётом на золотую осень, а в результате еле допрыгала по сугробам до «Василеостровской», и было не особенно ясно, как теперь бежать сначала к Жуковым, а после домой. При мысли о том, чтобы выскакивать из относительно тёплого метро обратно под снегопад, внутри что-то сжималось. Ну да ничего, сказала она себе. Не в первый раз. Или, может, всё-таки завернуть сначала домой, захватить зимние сапожки для Стаськи?.. Нет, не стоит, а то потом будет совсем уже поздно. Добежит и в суконных, в которых с утра отправилась в школу. Всего-то три остановки. Ну там, шерстяные носочки ещё одни у Нины возьмём.

Кира посмотрела вперёд, на приближавшийся верхний вестибюль станции, и невольно улыбнулась. На кого ей действительно повезло в жизни, так это на друзей. Вот и сегодня, выяснив, что задерживается, она позвонила Нине, и та с готовностью отправилась забирать Стаську из школы. Наверное, первоклашка уже и уроки все сделала, сидит мультфильм смотрит по телевизору. Или дяде Валере помогает что-то паять...

Костя в самом деле прислал из Луанды открытку с видом гостиницы «Нгола». Письмо, опущенное прямо в аэропорту, содержало всего несколько слов: целую, люблю, извини за поспешность, бегу, зовут в вертолёт... Больше известий от него не было. Никаких.

Кольцо, которое он ей подарил, она надевала только дома по вечерам, оставаясь одна. Он велел носить, но она не решалась. Неизбежные изменения в её фигуре сослуживцы и друзья встретили с большим пониманием – не девочка, в конце концов, имеет право, и вообще давно бы пора. Но вот обручальное кольцо при полном отсутствии мужа выглядело в лучшем случае глупо. Кира, никогда не любившая программу «Время», повадилась смотреть международную хронику и особенно всё касавшееся Африки. Мало ли, вдруг покажут советских специалистов, работающих в братской стране. Не показали. Только передали однажды, что СССР заключил договор о дружбе и сотрудничестве ещё с одним государством молодой демократии – Республикой Серебряный Берег, избравшей социалистический путь. Показали и чернокожего лидера освободительного движения, недавно ставшего президентом. Доктор Йоханнес Лепето хорошо говорил о выборе своего народа, о больницах и школах, о будущем процветании. Кира нашла Серебряный Берег на карте; в старом атласе стояло ещё колониальное название – Котдаржан.

На третий день своего декретного отпуска она разыскала в телефоннике Институт геодезии и даже сняла было трубку, собираясь звонить, но передумала. Почему-то она с детства

не особенно доверяла телефонам предпочитая личные встречи. Стоял март; она закуталась в старое бесформенное пальто-балахон и отправилась на улицу Салтыкова-Щедрина. К этому району она всегда относилась с некоторым подозрением, ибо в тех местах находилась злосчастная тётти-Фирина коммуналка, а значит, и вокруг добра ждать не следовало. Чепуха, конечно, но что поделаешь. Она ехала и заранее накачивала себя, настраиваясь на самое скверное. «Ну разумеется, – скажут ей там, – ангольская экспедиция давно возвратилась. Кто, Иванов? Костя?.. Да он сразу к невесте поехал, а что? Вы, гражданочка, вообще-то кто ему будете?» Она даже убедила себя, что воспримет эту новость спокойно. И правда, кто она ему? Никто. И претензий никаких, Боже упаси, предъявлять не намерена. Идти от метро оказалось неожиданно далеко, а) на самый угол Суворовского, но Кира бодро дошагал по хорошо посыпанной улице. Она не знала, к ком обратиться, и на всякий случай пошла в отдел кадров.

Сколько она себя помнила, женщины-кадровички всегда были маленькими злющими бабами, несгибаемыми, прокуренными и горластыми. Здешняя исключена не составила – этакая Анка-пулемётчица, изрядно постаревшая, но по-прежнему стоившая иного десантной взвода. Она едва повернула голову на Кирино робко" «Извините, пожалуйста, а работает ли у вас..?», оторвав шее её от каких-то государственных дел, но, услышав имя и фамилию, вдруг выпорхнула из-за стола и по-матерински обняла Киру за плечи, усаживая на стульчик, а потом заорала на юную машинистку, ведя принести воды, и тут-то Кира заподозрила, что гипотетическая невеста была далеко не худшим несчастьем, которое могло приключиться. «Трагический случай... – расслышала она словно сквозь вату. – Бандиты из УНИТА... ангольские товарищи только через несколько дней... как герои... сложности с транспортом... никого в живых не... жара... дикие звери... пришлось хоронить прямо на месте...» Кира послушно выпила воду, плескавшуюся в беленькой чашке, и тупо спросила: «Почему же по телевизору..?» – «А потому, девочка, что это политика, – перешла на „ты“ кадровичка. – Комсомолка, наверное, должна понимать. Ты же знаешь, какая там обстановка?» Кира только кивнула, держа чашку обеими руками. Конечно, она понимала насчёт обстановки. И вообще, мало ли что там Костя с товарищами наносили на свои карты. Вон в Афганистане небось тоже всё детские сады строят и лекарства местному населению раздают, а похоронок в семьи приходят. Кира отказалась от валидола и заверила Анку-пулемётчицу, что чувствует себя хорошо.

Она в самом деле благополучно доплелась до метро, путешествуя от одной заледенелой лавочки до другой и подолгу отдыхая на каждой. У неё стоял перед глазами перевёрнутый и горящий геодезический грузовик и Костя с пистолетом, отстреливающийся из-за колеса. Да. А потом жара и дикие звери. Ещё не родившаяся дочурка толкалась и безобразничала в животе: сказка была слишком страшной, маленькое существо ни в какую не желало слушать подобного. Кира открыла рот и стала глубоко дышать, сосредоточившись на сосульках, свисавших с карниза дома напротив. Сосульки сияли и переливались на ярком мартовском солнце. «Ребёнка, если вдруг без меня, назовёшь Станиславом, – велел Костя. – Во-первых, у меня кореш был, Станислав. А во-вторых, для девчонки тоже пойдёт».

В метро пожилая женщина уступила ей место и две остановки затем костерилла какого-то пэтэушника, оставшегося нахально сидеть, а тот изо всех сил не слушал нравоучений и притворялся, что спит. Придя домой, Кира сразу вытащила обручальные кольца и надела своё, но не на правую руку, а на левую, и сказала себе, что больше ни за что и никогда не снимет его. Потом залегла на диван, держа второе кольцо в кулаке, но скоро встала опять, разыскала в шкапулке мамину золотую цепочку, продела в Кости но кольцо и застегнула на шее. Эту цепочку она тоже никогда не станет снимать.

Вечером заглянула Нина: «Рюшка, пляши! Мой Жуков тут летние фотографии наконец проявил, так на одной, это он в парке меня, на заднем плане угадай кто?.. Ты! Со своим молодым человеком!!! Валерка полдня вчера впотьмах просидел, чуть не помер от старания, зато смотри какая карточка полу... Ой, ты что вся зелёная?!. Тебе плохо?.. Что-то случилось?..»

...Эскалатор плавно вынес Киру наверх, и она шагнула наружу – мимо скучающего милиционера, сквозь струи горячего воздуха, превращавшие летучий снег в пар и талую слякоть. Всё-таки в воздухе необъяснимо витало нечто рождественское, хотелось раньше времени поздравлять с Новым годом и делать подарки. Кира подняла воротник куртки, заслонила перчаткой очки и побежала к подземному переходу. Улица Фрунзе, где жили её друзья, была совсем рядом. Ещё десять минут, и Нина откроет ей дверь, а из комнаты с радостным визгом выскочит Стаська: «Мама пришла!...»

Кира отвернулась от ветра и прибавила шаг.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРИБЫТИЕ

Санкт-Петербург, сегодняшний день

К нам едет ревизор!.

Собственно офис – запах кофе, яркие экраны компьютеров, цветы на окошках и мягкая обивка начальственной двери – располагался на втором этаже. Туда вела удобная лестница, но первой ступеньки достигнуть можно было только минуя владения группы захвата. Соответственно, всякий вошедший под вывеску «Охранное предприятие ЭГИДА+» первым долгом видел перед собой гостеприимно распахнутые двери спортзала. И замечательных ребят, разминавших кости на гладком деревянном полу. Эти-то замечательные ребята первыми встречали каждого посетителя и в зависимости от его свойств – либо вежливо провожали наверх, либо столь же учтиво выпроваживали наружу. А то, понимаешь, стоило гнилой и горелой двухэтажной коробке вновь обрести черты симпатичного особнячка – и местные бормотологи тут же вспомнили о пункте приёма бутылок, имевшем здесь место лет этак двадцать назад. Железная логика.

Сегодня посетителей не было. Не было и панических звонков от клиентов, опекаемых фирмой. Вконец обленившаяся группа захвата слонялась по этажам, вспоминала древние анекдоты и собиралась вывешивать при входе табличку «Переучёт». Или, ещё лучше, «Ушла на базу». Это последнее, кстати, было не лишено некоторого смысла. Эгидовский шеф, Сергей Петрович Плещеев, как уехал к девяти утра в Большой дом, так до сих пор и не возвращался. Трагизм ситуации состоял в том, что аккурат сегодня у Плещеева был день рождения, и в холодильнике стремительно прокисал (так, во всяком случае, считала группа захвата) роскошный торт. Торт, по словам продавщицы, сочетал в себе безе с орехами, «птичье молоко», крем-овые розы и ещё многое, отчего у любого нормального человека начинают течь слюнки.

– Ну вот!.. – жаловался Семён Никифорович Фаульгабер, гораздо более известный в народе как просто «Кефирыч». – Урки и те отгул взяли, а я... Старый, больной, трясущийся самэц...

Мы с милихою в стогу
Залегли и-ни гу-гу...
Только клевер в такт щекочет
Ейну правую ногу...¹

На голове у него произрастал трогательный светло-рыжий пух, плавно переходивший в волосяной покров точно такого же цвета. Русский немец Кефирыч, по собственному выражению, сочетал в себе лучшие черты тех и других предков: на широкой безбровой физиономии поблёскивали голубые арийские глазки, а из закатанных рукавов камуфляжа торчали эсэсовские лапищи на зависть любому медведю. Секретарша Алла неприязненно косилась на Фаульгабера всякий раз, когда он возникал в пределах слышимости и видимости. Алла Черновец, девушка интеллектуальная и утончённая, грубияна Кефирыча терпеть не могла. Взаимность, надобно сказать, была полная и горячая.

В нагрудном кармане у Кефирыча время от времени начинало возиться и попискивать нечто живое. Простежки улыбаясь, великанище расстёгивал клапан, и из кармана высовывалась ушастая круглоглазая мордочка. Серый с белыми лапками подарок для шефа совершал прогулку по метровым хозяйским плечам и снова водворялся в карман. Там, внутри, не происходило ничего интересного, зато было тепло и необыкновенно уютно.

Младшее поколение Фаульгаберов некогда спасло бродячую киску, пойманную другими мальчишками, и, отстояв в драке, притащило домой. Теперь Муська уже много лет была полно-

---

¹ Частушка А.А.Шевченко.

правным членом семьи, но старые привычки не забывались: четыре раза в год она неудержимо сбегала на волю, после чего радовала любимых хозяев ещё одним выводком очаровательных малышей. Топить новорожденных Кефирыч был категорически не в состоянии, предпочитая правдами и неправдами пристраивать всех «в хорошие руки».

Как известно, лучший способ дожидаться – это перестать ждать. Проверенный факт: запоздавшие гости звонят в двери в тот самый миг, когда хозяева, раздражённо плюнув, усаживаются за стол. Так и тут. Стоило Кефирычу от теоретических разговоров о самоваре перейти к делу и послать Багдадского Вора в «Здоровье» за плюшками – и на Аллином столе пронзительно заверещал телефон. Секунду спустя стёкла содрогнулись от дружного:

– Атас!.. «Смерть Погонам» по Загородному уже... Сонное царство тотчас превратилось в разворошённый муравейник, причём, естественно, обнаружилась тысяча мелочей, о которых не позаботились загодя. К тому времени, когда юркая плещеевская «девятка» затормозила на огороженной площадке у входа, с длинного стола в кабинете спешно сдували последнюю пылинку, а посередине бормотал, готовясь вскипеть, большой электрический самовар. Самовар никуда не спешил. Его уговаривали, понукали, щёлкали по бокам. Бездушная техника издевательски медлила.

Плещеев, облачённый в светлый джинсовый костюм, выбрался из машины. Он был очень похож на покойного Листьева: усы, шевелюра, очки, обаятельнейшая улыбка. Вот это последнее нынче определённо содержало нюансы, а хорошо знавшие Плещеева были людьми наблюдательными.

– Серёжа, что..? – ненавязчиво возникнув у дверцы машины, тихо спросил Саша Лоскутков.

– Потом, – отозвался Плещеев. – В узком кругу...

Пока Кефирыч тяжёлым взглядом гипнотизировал самовар, к собравшимся вышла накрахмаленная официантка. Первоначально на эту роль уговаривали и совсем было уговорили длинноногую красавицу Аллу. Увы, в последний момент с ней случилась истерика: Аллу подкосила мысль о том, чтобы предстать в подобном амплуа перед группой захвата и особенно перед её командиром Лоскутковым, на которого у девушки были определённые виды. «Инициатива наказуема...» – вздохнула Марина Пиновская по прозвищу «Пиночет» и без дальнейших комментариев удалилась переодеваться. И вот теперь потрясённый Плещеев сподобился лицеизреть свою заместительницу в белом фартучке и с блокнотом в руках. Марине Викторовне было сорок пять лет: модные очки, причёска, высокие каблуки и осиная талия следящей за собой женщины. За «Пиночетом» следовал Багдадский Вор с прямым пробором, нарисованным на выбритой голове, опять же в фартучке и с полотенцем, перекинутым через камуфляжный рукав. Таков, по его понятиям, был имидж трактирного полового.

Кефирыч неожиданно развернулся вместе со стулом, полностью перегораживая проход, и потянулся навстречу Пиновской, плотоядно раскрывая объятия:

– О-о, meine Hertzelein, ты сегодня свободна?.. Марина Викторовна, ненамного превосходящая ростом сидящего «истинного арийца», поглядела на него поверх очков и отчеканила:

– Кефира не подаём-с!

Фаульгабер, съёживаясь, совершил пируэт в обратную сторону, и Алла Черновец запоздало пожалела о том, что не согласилась на роль, неожиданно оказавшуюся столь выигрышной. Подумаешь, фартучек и дурацкая кружевная накладка. Если даже старая гримза выглядела в них будте-нате, то уж она, прошлогодняя «Мисс Московский район»... Вот и Саша Лоскутков смотрит во все глаза и смеётся совсем не обидно, просто потому, что ему, как и прочим, интересно, весело и смешно... Пиновская же победно процокала каблучками к Плещееву и осведомилась:

– Что будем заказывать?

Она умела смотреть так, что её собственный шеф неудержимо чувствовал себя нашкодившим третьеклассником. Эффект возымел место и на сей раз. Сергей Петрович робко процитировал классический фильм:

– А весь список огласить можно?.. Пиновская по-прежнему строго глянула на него и стала читать:

– Коктейль «Вещь в себе»... коктейль «Гидролизный Джо»... «Собачья радость»... «Скупая мужская слеза»... «Для непьющих»... коктейль «Девичьи слёзки»...

– Мне «Вещь в себе»... пожалуйста, – заискивающе попросил эгидовский шеф.

Марина Викторовна величественно кивнула Багдадскому Вору, и тот упорхнул к сервировочному столику у окна, чтобы вернуться с... пустым фужером. Ровно одно мгновение под хохот сотрудников Плещеев изумлённо разглядывал чистенькое вогнутое доньшко, потом до него дошло. Как и Пиновская, он принадлежал к поколению, ещё зубрившему в вузах диамат и истмат. Сергей Петрович широко ухмыльнулся, сделавшись уже точной копией Листьева, и стал ждать, какие сюрпризы достанутся остальным.

Кефирыч, возжелавший побрататься с «Гидролизным Джо», плевался и фыркал, вдыхая пары неразбавленного технического спирта: он не употреблял ничего крепче лимонада. Игорь Пахомов, решивший исследовать, что же такое на самом деле девичьи слёзки, подозрительно принюхивался к дистиллированной водичке. Осаф Александрович Дубинин сначала порывался утащить «Скупую мужскую слезу» к себе в лабораторию, но потом решил, что в родном коллективе его всё же вряд ли отравят, и перекрестясь дегустировал... купленный в аптеке хлористый кальций.

Один Лоскутков, избравший коктейль «Для непьющих», посмеиваясь, лакомился смесью цитрусовых ликёров. Сашина заместительница Катя Дегтярёва неприметно выскользнула за дверь, чтобы вскоре вернуться с двумя громадными служебными псами.

– Нам «Собачью радость», – заявила она. – На троих. Псы, Филя и Степашка, вопросительно и с предвкушением поглядывали на неё снизу вверх. По жизни они были звери гордые и преисполненные достоинства, но, как и вся остальная группа захвата, жуткие лакомки.

Багдадский Вор повозился у сервировочного столика, готовя и смешивая ингредиенты, и даже, отвернувшись от любопытных глаз, немного пожужжал миксером. После чего торжественно предъявил Кате поднос. На подносе стояли три пиалы с чем-то белым и взбитым. В белом и взбитом торчали аккуратные кубики булки. Филя и Степашка внимательно следили за тем, как Катя ставит угощение на пол, но делали вид, будто происходившее их совсем не касалось. Катя села между ними, чокнулась пиалой с одним и с другим, отведала, сказала «Будем!» и разрешила собакам. Те одинаково облизнулись и принялись лакать заправленное яйцом молоко. Алла Черновец с деланным безразличием смотрела на них из-за стола, ибо от собак пахло псиной, и Алле это не нравилось. Катю она про себя глубоко презирала, но к презрению временами примешивалась зависть. Экспериментировать с напитками и, вполне возможно, попадать в дурацкое положение у Аллы никакого желания не было, и по примеру Саши она заказала коктейль «Для непьющих». Быть может, Лоскутков это оценит.

Гигантский самовар тем временем наконец закипел, и из холодильника извлекли торт.

Совещание в узком кругу подразумевало присутствие Дубинина, Пиновской и Лоскуткова. А также запёртую дверь и включение системы, делавшей невозможным подглядывание и подслушивание.

– К нам едет ревизор! – кладя ногу на ногу, трагически произнёс Саша ритуальную фразу. Природа явно создавала Лоскуткова по принципу «кутить так кутить»; Плещеев помнил, как, познакомившись с ним, не мог заставить себя поверить, будто парень с наружностью голливудского супермена чего-то стоил как профессионал. Ничего: иллюзии и предрассудки быстро испарились.

Пиновская, расставшаяся с фартучком и наколкой, молча поблёскивала очками. Дубинин, не любивший сладкого вкуса во рту, задумчиво жевал маринованный огурчик. При этом он удивительно походил на неряшливого бомжа, закусывающего нехитрую выпивку. Имя, данное ему родителями, на слух иногда принимали за татарское и порывались писать его через «А»; на самом деле оно расшифровывалось как «Общество содействия армии и флоту». Время, братцы, было такое. Спасибо, что не Октябрём и не Красногвардом каким-нибудь...

Сергей Петрович выпустил на стол подаренного Кефирычем котёнка:

– Могу утешить вас, дамы и господа, уже тем, что «Эгиду» пока ещё не разгоняют. Впрочем... в зависимости от исхода грядущих событий...

Пиновская вздохнула.

– Я же говорю, – пробормотал Саша. – К нам едет реви...

– Хуже, – сказал Плещеев. – Существенно хуже. Кличка «Скунс» кому-нибудь в этом доме что-нибудь говорит?..

– Ого! – сказал Саша. – Да неужели сподобились?..

Плещеев кивнул.

– К нам в Питер? – настораживаясь, уточнил Дубинин. Плещеев снова кивнул, и Осаф Александрович задумался: – Интересно, кого ему...

– Скоро выясним, – усмехнулся Лоскутков.

– То-то Микешко вдруг взял и в Майами намылился – пробормотала Пиновская. – Бойтся?

– За новым крокодилом летит, – буркнул Плещеев.

Дубинин опустил огурчик на блюдце. Можно было не сомневаться, что там он его и позабудет.

– Или изо всех сил показывает, что не он Скунса в Питер зазвал, – сказал Осаф Александрович. И потребовал: – Подробности, пожалуйста!

Плещеев устало потёр лоб ладонью.

– Да какие подробности. Всё те же... у которых борода в Обводном канале тонет. Наёмный убийца. Кличка Скунс. Предположительно мужеска пола. Национальности предположительно русской...

– Появился на международной арене одиннадцать лет назад... Большой специалист по «естественным» кончинам... – мягко подхватила Пиновская. – Равно как, впрочем, и по всяким иным...

Осаф Александрович улыбнулся грустной улыбкой философа. Если информация источника была правдивой (а она, скорее всего, таковой и была), в скором будущем именно ему предстояло дотошно разбираться, где вправду естественная кончина, а где – очередное художество Скунса.

– В Ленинграде до сих пор не появлялся, – сказал наконец Дубинин. – Не делает ошибок. Не оставляет следов...

– ПОКА не делал и не оставлял, – уточнил Плещеев. При этом он скосил глаза на Пиновскую. Вот кому предстояло пускать в ход полную мощь логики и интуиции, делая противника всё более предсказуемым. Хотя... что касается Скунса...

– Я бы вообще не исключала возможности, что это чисто мифологический персонаж... – сказала Марина Викторовна.

– Мифический, Мариночка, мифический, – поднял палец Дубинин. – Мифологический – значит, имеющий отношение к науке о мифах, наш же персонаж непосредственно...

«Пиночет» вдруг запустила руку в карман и высыпала прямо на стол горстку подсолнушков. Эту привычку она приобрела много лет назад, когда бросала курить.

– Хотя бы в порядке бреда, – проговорила она. – Нет, правда, ребята, вполне жизнеспособная гипотеза! Хотя то же «Ливерпульское трио». Люди-то всё какие, а? Там и лазили чуть не с микроскопом, и ничегошеньки. Только шепоток по закоулочкам: «Скунс...»

– Другие киллеры как киллеры, – сказал Плещеев. – Ни тебе каких кличек, всё анонимно, зато хоть что-нибудь нам да оставят на память, хоть винтовочку какую-нибудь занюханную. С разбитым прикладом... А этот? Сплошное безобразие. Кличка есть, а человека нету. Может, правда пугало придумали друг друга и бизнесменов страшить?..

– И те мрут, бедные, прямо со страха, – фыркнул Дубинин.

– Как О'Тул в Лиможе, – противореча собственной гипотезе, подсказала Пиновская. – Или наш Ваня-Борода в Вашингтоне.

– Ага, – кивнул Осаф Александрович. – Вешаются у себя в офисах, залепив жвачкой скрытую камеру...

«Пиночет» погладила котёнка, скользившего по гладкой столешнице, и назидательно сообщила ему:

– Вот так, дружок, обретают плоть древние мифы...

– Не очень ясно как, зато почти всегда ясно почему, – вставил Саша. Он балансировал, поставив свой стул на две задние ножки, и глядел в потолок сводящими с ума сапфировыми глазами. – У тех ливерпульских, сколько я помню, у каждого во рту было по баночке. С тем самым детским слабительным...

– А кнопку вызова охраны не нажал ни один, – сказал Дубинин. – Хотя у каждого была под рукой. Плещеев хмуро предположил:

– Может, совесть загрызла?

Пиновская, не желая портить передние зубы, шелушила семечки пальцами.

– Кстати! – сказала она и пристально посмотрела на Дубинина. Тот встретил её взгляд, мгновение подумал и кивнул головой в растрёпанных остатках волос:

– Вот именно.

– А для простых смертных? – мрачно спросил Плещеев. Воспринимать обмен мнениями Дубинина и Пиновской было подчас не легче, чем следить за беседой размахивающих руками глухонемых.

Осаф Александрович потянулся к подсолнушкам:

– Вы, Серёженька, подали идею, которую Марина Викторовна сейчас же приняла к рассмотрению.

– И сделала вывод, – подхватила Пиновская, – что «клиенты» нашего общего друга, вы уж простите меня за цинизм, наш с вами послушной список тоже украсили бы...

Плещеев пожал плечами:

– Значит, такие заказы поступали...

– Или мы не всё знаем, – уточнил Дубинин.

– Или это вообще коллективный псевдоним, – продолжая рассматривать потолок, сказал Лоскутков. – Киллеры перешли на бригадный подряд. Кооператив чистильщиков основали. В моде, говорят, нынче такие идеи...

Котёнок подобрался к подсолнушкам и стал их заинтересованно нюхать. Марина Викторовна развернула любопытную мордочку в сторону блюда, где подсыхал забытый огурчик:

– Имеет репутацию экстрасенса... Любое внимание к своей персоне якобы регистрирует мгновенно и без промедления удаляется... либо принимает ответные меры... Сан-Фелипе, Анкоридж... Причём не упускает случая поиздеваться над слежкой... Нет, ребята, мне этот человек положительно нравится...

– Кстати о птичках!.. – вполглаза поглядывая на котёнка, вспомнил эгидовский шеф. – Последнюю бачку чуть не забыл рассказать. Две недели назад наши коллеги из Нового Орлеана

получили наводку, что, мол, такой-то, по некоторым непроверенным данным, имеет выход на Скунса. Стали они его осторожно окучивать...

– Доверенное Лицо? – с надеждой спросила Пиновская.

– А кто его теперь знает... Так вот, в день «Д» засело это Лицо или там не Лицо в уличном кафе, стало кушать салат из авокадо с креветками и кого-то между делом поджидать. Двое коллег наших, ясное дело, тише воды, ниже травы давятся кока-колой, боятся спугнуть...

– А пальмы на ветру ш-шух... ш-шух... – мечтательно прошептал Саша.

– Тут появляется неустановленный тип невнятной наружности, – продолжал Сергей Петрович. – Сейчас же каким-то образом определяет, что злополучное Лицо имеет компанию, и этак, знаете, демонстративно пугается, а потом с большим тарарамом даёт от сыщиков дёру. Те за ним... Красиво, говорят, удирал, даже не без некоторой элегантности... Заулками, переулками, через всякие там дворики, сметая бельё... и шашть напрямик в одно весёлое заведение. И тотчас, как по команде, вылетают оттуда штук десять стахановок любви и с визгом облепляют несчастных детективов с головы до пят. Пока те, чертыхаясь, из них выпутываются, преследуемого, понятно, уже ни слуху ни духу. Лица, естественно, тоже...

– Увёл, – констатировала Пиновская. Плещеев кивнул.

– Наводчика двумя днями позже нашли в мусорном ящике. Весьма, я бы сказал, мёртвого. Лицо бросило все дела и растворилось бесследно, а ещё через день прямо в пентхаузе грохнули Джулиуса Грегори. Причём, судя по вызывающей наглости исполнения...

– Там тоже отметился наш общий друг, – довершил Саша.

– Я только не совсем понял, – сказал Дубинин – какая корысть была девушкам...

– А очень даже прямая! – Сергей Петрович снял очки и, подышав, принялся протирать линзы платочком. – Самая бойкая мадемуазель, французская креолка, в участке охотно повела, как однажды приехала по вызову и нарвалась на садиста. Даже рубчики от хлыста показала... Так вот, еле-еле вырвалась и в чём мама родила сиганула в окошко. Второй этаж, вывихнула ножку, ползёт, плачет и ждёт, естественно, что клиент её сейчас за причёску обратно поволокёт. Тут подкатывает «Харлеище» поперёк себя толще, а на нём ну о-очень симпатичный, знаете ли, месье. И весьма учтиво так спрашивает, что же это, мол, за беда приключилось с мадемуазель и не может ли он быть ей чем-то полезен. Заметьте, на безупречном французском. Всё это посреди довольно глухой улицы в половине пятого ночи...

– Желтмен, – вздохнула Пиновская. – О Господи!..

– Девка сквозь слезы и кровавые сопли что-то лепечет, тычет пальчиком в сторону дома, – продолжал рассказывать Плещеев. – Месье выслушивает, после чего снимает кожаную куртку и даёт ей прикрыть срамоту а сам не спеша поднимается по лестнице. Что там происходит, мадемуазель, конечно, не видит, но вскоре клиент весом сто тридцать два кило без порток вылетает в то же окошко и втыкается башкой в газон, а месье этак хладнокровно выносит девушке её джинсики, доставляет бедняжку в ближайшую больницу и делает ручкой...

– Знай наших, российских, – проворчал Саша.

– Ну и после этого как же было не помочь такому замечательному месье, когда он сам угодил в стеснённые обстоятельства, – кивнула Пиновская. – Описания внешности от неё, естественно, не добились?

Сергей Петрович развёл руками:

– Естественно. Шлем был зеркальный, а мотоцикл ей и в голову не пришло запоминать...

И вообще было темно, больно и страшно...

– И как только узнала месье, когда он от сыщиков удирал, – фыркнула «Пиночет».

– Охранная грамота... – вздохнул Дубинин. Отогнав котёнка от блюда с огурчиком, он подозрительно оглядел «закуску», не нашёл ничего предосудительного и отправил огурчик в рот.

– Между тем сотрудничество с полицией... – продолжила Пиновская мысль коллеги.

– Как у певцов Тарантино, – снова подал голос Саша Лоскутков. – Помните? Тоже ни гу-гу. Дочка и та...

– Да помним, помним, – отмахнулся Плещеев. Ему не нравилось, какой оборот принимал разговор, но сердиться было не на кого: сам задал тон, рассказав дурацкую байку. – Если ты думаешь, что мне начальство велело при случае медаль ему от имени Итальянской республики передать, так ты ошибаешься!

– О Господи, – снова вздохнула Марина Викторовна, и Плещеев не мог определить, насколько притворным был её вздох. – Лишать преступный мир такого бриллианта, это, дорогие мои, кошунство. В скольких странах этого Скунса заочно к смертной казни приговорили? В шести, по-моему?..

– В семи, – мрачно сказал Сергей Петрович. – Теперь и у нас.

– А у нас-то за что? – спросил Лоскутков. – Неужели за Фикуса? – И усмехнулся: – Обиделись, дорожку перебежал?..

– Ему ещё Четвергова приписывают, – ответил Плещеев. – Начальника твоего бывшего. Саша пожал плечами и промолчал.

– «Приписывают»... – скривилась Пиновская.

– Физическое уничтожение при первой возможности, – поставил точку Плещеев.

«Эгида-плюс» была создана чуть больше года назад по инициативе энергичного молодого секретаря российского Совета Безопасности. Замаскированная под непритязательное охранное предприятие, она была питерской сестрой некоторых московских служб по неконституционному искоренению особо одиозных личностей в преступном и деловом мире. Костяк «Эгиды» составили люди, в разное время изгнанные со своих прежних постов кто за правдоискательство, кто за любовь к науке и новым методикам, мешавшую кому-то спокойно пить кофе. Теперь, собравшись в «Эгиде», они, как язвительно отмечала Пиновская, периодически напарывались на то, за что боролись всю жизнь...

Оставшись один, Плещеев взял на руки котёнка (Кефирыч клялся, что котик, но Сергей Петрович где-то слышал краем уха, будто такие симпатичные рожицы бывают исключительно у кошечек), подошёл с ним к окну и стал смотреть через скверик на Московский проспект. Ему не хотелось думать про Скунса, который и так уже испакостил день его рождения и обещал попортить немало крови в дальнейшем. Это было неизбежно, и скоро Плещеев – не в первый раз! – с головой уйдёт в хитроумные выкладки... но почему бы не дать себе минутную передышку, пока она ещё возможна?.. Не предаться простым человеческим размышлениям, как вон те люди, снующие взад-вперёд по проспекту? Нормальные люди, не озабоченные отловом и отстрелом выродка, взявшего кличку у омерзительно пахнущего зверька...

Когда-то давно, в детстве, Сереже Плещееву все время хотелось изобрести машинку для подслушивания чужих мыслей. Жизнь так сложилась, что детскую свою мечту он вспоминал чем дальше, тем чаще. То во имя профессии, то, как теперь, чтобы хоть на время от неё отрезиться.

Не думать о белом медведе оказалось, как всегда, тяжело. Он попробовал переключиться на приятное: на новую резину для автомобиля, уже облюбованную в фирменном магазине, на праздничные деликатесы, которые ему ведено было купить по дороге домой. На то, каким букетом умаслить любимую жену Люду, в отношениях с которой только-только наметилось хрупкое затишье после очередного шторма с дождём... А то как бы не отреагировала слишком бурно на дарёную киску...

Мысль о кисках была определённо лишней. Охота за наёмным убийцей обещала стать похожей на ловлю чёрной кошки в тёмной комнате, причём когда её там нет. Вся наличная информация о Скусе носила характер столь же легендарный, как и история с нью-орлеанскими шлюхами. Либо происходила от лиц, заинтересованных скорее в её преднамеренном искажении...

Плещеев снова снял очки, лишая законную жизнь мелких подробностей. Котёнок царапал коготками его голубую рубашку, целеустремлённо лез на плечо. Вот так оно всё и бывает в простой, ничем не приукрашенной жизни. Уж сколько ни петлял по белу свету предположительно русский Скунс, сколько ни водил за нос ФБР, Интерпол и прочие удивительно тупоголовые организации, а только приехал на историческую родину, как его чуть не у самолётного трапа цап-царап неприметная российская «Эгида» во главе с её скромным, но гениальным начальником...

Между прочим, до сего дня «Эгида» и он, Плещеев, действительно промахов не допускали. До сего дня. Как и Скунс...

Сергей Петрович отодрал от воротника вцепившегося котёнка, посмотрел в пыльные небеса за Московским проспектом и сказал вслух:

– К нам едет ревизор...

Мастер

Он ехал на электричке из Пушкина, равнодушно поглядывая в окно на майскую зелень. У него была ничем не примечательная наружность тридцатилетнего клерка, когда-то подававшего неплохие спортивные надежды, но от сидячей работы уже начавшего обростать нежным жирком. На коленях покоился деловой кейс, а сверху – заложённый пальцем журнал «Медведь» с суровым богатырём на обложке. Такие журналы «для крутых» любят читать тонкокостные молодые мужчины, комплексующие по поводу своей сугубой «одомашненности», но к реальной романтике отнюдь не стремящиеся. На Западе они покупают туалетную воду с запахом сидений престижного «роллс-ройса», в России – обходятся средствами подешевле. У него были яркие табачного цвета глаза и каштановые волосы, стриженные под канадскую польку. Лет через двадцать он обретёт имидж классического начальника: волосы поредеют, а лёгкий жирок оформится в солидную крепкую полноту. Его звали Валентин Кочетов, по отчеству Михайлович, и во внутреннем кармане его дорогой кожаной куртки лежал небольшой плотный конверт.

В городе Пушкине, на улице Ленинградской, жила одинокая пенсионерка, получавшая определённую ежемесячную мзду за то, что держала на почте абонентский ящик и никогда в него не заглядывала. Ей объяснили, что так требовалось для нужд какого-то акционерного общества. Бабушка в любом случае никакой ответственности не несла, а приварок к пенсии был по нынешним временам очень даже нелишним. Ключ от этого абонентского ящика Валентину передали возле книжного лотка на Невском проспекте. Он часто посещал теперь этот лоток. Когда продавщица первая здоровалась с ним и начинала усиленно сватать какие-нибудь книжки, это значило, что ящику пора нанести визит.

Внешность Кочетова, как уже говорилось, предполагала устойчивый семейный уют. Такие живут с родителями, не спеша менять мамину заботу на мели и подводные камни женитьбы. Вот тут начинались несоответствия: жил он в своей квартире один. Да и квартира, только что купленная, ещё не выглядела жильём. Просто помещение с начатками мебели, очень мало говорящее о своём обитателе... Закрыв дверь, Валентин вытащил и распечатал конверт. С фотографии смотрело энергичное лицо немолодой женщины. Кочетову оно показалось знакомым. Валентин увидел фамилию – Вишнякова – и узнал женщину окончательно, даже вспомнил её последнее и довольно скандальное интервью, недавно показанное по ящику. Он пробежал глазами короткую сопроводительную записку, отпечатанную на принтере. Вот, значит, как... На словах, стало быть, с нас хоть икону пиши, а на деле – мухломом с квартирами? Сносим ветхий гараж старика-инвалида, чтобы новый русский мог на этом месте отгрохать каменный дворец для своего «Мерседеса»?.. Валентин улыбнулся. Улыбка была добрая и располагающая.

Через неделю, когда в газетах и по телевидению уже прошли некрологи («Скоропостижно скончалась...» – и чуть не та же действительно классная фотография), разбитная лоточница почти уговорила его купить кулинарную энциклопедию.

– Специально для холостяков, – кокетничала милая барышня.

В тот же день он поехал в Пушкин опять. На сей раз конверт отличала приятная толщина: внутри лежал гонорар. Люди, снабжавшие Валентина работой, знали ему цену и всегда платили сполна. Он был мастером.

Родственники

По ступенькам главного подъезда Смольного неуверенно поднимался парнишка чуть старше двадцати. Он едва не споткнулся во вращающихся высоких дверях, а попав внутрь – довольно долго оглядывался, пока наконец не заметил слева на добротной двери табличку с надписью «гардероб». Там он вручил вежливой пожилой гардеробщице линялую камуфляжную куртку и подошел к постовому. Постовой неодобрительно взглянул на его шевелюру, очень не по-военному стянутую черной резинкой в длинный хвост на затылке. Взял паспорт... и неожиданно скомандовал:

– Распустите волосы!

– Да? – смутился парнишка. – А... а что?..

Постовой сделал непроницаемое лицо. «Белые» люди спешили мимо, показывая постоянные пропуска. Парень понял, что вразумительного ответа не дожждётся, и подчинился. Вдохнул, стащил резинку... волосы легли ему на плечи шикарной волной, густой и блестящей безо всякого «Пантина-прови».

Постовой еще раз сопоставил физиономию посетителя с фотографией в паспорте, нашел его фамилию в одном из списков, жестом показал, что нужно пройти через воротца с датчиками на металл, какие стоят в аэропортах (и с некоторого времени – в Эрмитаже), и, уже отпуская, сурово, недоброжелательно посоветовал:

– Чтобы не было проблем – постригитесь или фотографию замените!

Молодой человек поднимался по главной лестнице так же неуверенно, как и входил, и эта медлительность (плюс несерьёзная косица, вновь убранная под резинку) заметно выделяла его среди постоянной смольнинской публики, привыкшей снова по этажам и коридорам четко, быстро, по-деловому. В руке парень держал мятый листок с номером кабинета. По обе стороны от лестницы расходились длинные, кажущиеся бесконечными коридоры с огромным количеством дверей. Посетителей и сотрудников различных комитетов было не то чтобы ужасающе много, но жизнь кипела всюду: парня без конца обгоняли или проходили навстречу. То из одной, то из другой двери всё время появлялись люди – в одиночку и небольшими группами, когда пересмеиваясь, а когда со строгими важными лицами. Всё это смущало и путало парня, но наконец ему помогли найти нужную комнату. «Гнедин Владимир Игнатьевич, – гласила табличка. – Заместитель начальника юридического управления». Парень помедлил, потом постучался и робко вошёл.

Секретарша, сидевшая у столика с телефонами, указала ему на стул и доложила по громкой связи куда-то на ту сторону массивной двери:

– Владимир Игнатьевич, тут к вам Евгений Крылов, вы предупреждали... – Шеф в ответ то ли кашлянул, то ли буркнул что-то, и секретарша кивнула: – Проходите.

Паренек приходился Гнедину (согласно формулировке, данной лично Владимиром Игнатьевичем) примерно таким «родственником», какими считают друг друга владельцы щенков из одного помёта. Он был седьмой водой на киселе какому-то односельчанину его покойного папеньки. Гнедин о нем ни разу и не слышал вплоть до вчерашнего дня. Накануне по телефону «родственничек» назвал несколько двоюродных тёт и дядьёв, которых Гнедину хотя тоже не случилось когда-либо видеть живьём но по крайней мере их существование сомнению не подлежало. В том же вечернем звонке паренёк сообщил, что служил в Чечне, после ранения долго валялся по госпиталям, теперь его комиссовали вчистую и выдали за увечье богатую компенсацию: аж двести тысяч рублей. Доктора же прописали лекарства, которые в Питере вроде ещё есть, а у них в райцентре... Гнедин, слушая «родственничка», начал уже закипать, предчувствуя просьбу вполне определённого свойства. Однако ошибся. «Работать-то мне можно, дядя

Володя, – сказал Женя Крылов, – Если, например, шоферить... Может, посоветуете... какую-нибудь приличную фирму, где с жильём могут помочь?..»

Гнедину, едва разменявшему двадцать пять лет, неожиданно стало даже смешно. Ишь ведь – в Чечне воевал, кое-что видел небось, даже пулю поймал... а его – уважительно «дядей». Дярёвня, блин... И ведь никуда не денешься – лестно. Папашка, сходя в гроб, напряг-таки свои связи и умудрился забросить сыночка в святая святых города, на непыльную и вполне перспективную должность. Только вот чувствовал себя здесь Гнедин-младший до сих пор неудобно, и всё из-за возраста. А потому тогда ещё, в первые месяцы, даже бороду для солидности пробовал отрастить. И мучился дурью, пока его не встретил в нижней столовой первый помощник «Самого» и не приказал: «Бороду сбрить, усы можете оставить». Теперь-то и он пообтёрся в смольнинских кабинетах, и молодого народу здесь стало гораздо больше... но всё же, назначая встречу «племянничку», Владимир ощущал мальчишеское ликование. Пусть, пусть посмотрит. Будет что потом рассказать дядьям и тёткам, которые в Питере реже бывают, чем он, Гнедин, – в Нью-Йорке. Прежде сельская родня на папашку готова была Богу молиться, а он, спрашивается, чем хуже?..

– Ну и как, весь долг родине отдал? Сполна рассчитался? – спросил он слегка ироничным, но в то же время начальственным голосом, каким давно уже привык разговаривать с многочисленными просителями. Молодые чеченские ветераны, как прежде «афганцы», бывали ершистыми и на подобный вопрос зачастую отвечали пятиэтажными матюгами, после чего обещали вытрясти душу и с артиллерийским грохотом хлопали дверью. Женя Крылов оказался не из воинственного десятка.

– Мне бы на работу устроиться, дядя Володя... мне шоферить разрешено... – безропотно повторил он свою, вчерашнюю просьбу и стал суетливо доставать из карманов затрёпанные бумажки с печатями и штампами – не иначе как врачебные справки.

– Да убери ты свои филькины грамоты... – отмахнулся Владимир. – Сказал, помогу... Есть одна фирма на горизонте, но ты, парень, учти – работа серьёзная. Это тебе не дрова возить с лесопункта в райцентр...

– Я справлюсь, дядя Володя...

– Ишь, смелый какой... Аника-воин... Ну добро, попробую тебя порекомендовать, может, что и обрыбится. Хотя у нас, сам знаешь, в городе своих безработных до хреновой матери, а у тебя, гастарбайтера несчастного, даже прописки...

– Так я льготник, дядя Володя... Могу в любом пункте России, по указу Президента...

– Льготник? – искренне развеселился Гнедин. – Льгота у тебя одна, как у коммуниста в войну – без очереди под пули ложиться. Что в таких случаях в наших кабинетах говорят, знаешь? Кто указ подписывал, тот пусть и обеспечивает, а мы тебя туда не посылали. Ну да ладно, что с тобой делать...

В кабинет без стука вошла секретарша с папкой бумаг. Гнедин, не читая, стал их подписывать, но одну отложил, сказав девушке:

– С этой спешить не будем, пусть отлежится. С другими комитетами согласуем...

Секретарша уже собралась уходить, но приостановилась:

– А еще, Владимир Игнатьевич, через каждую минуту звонят, спрашивают, во сколько панихида?

– А я почём знаю? – удивился Гнедин. – Это как её родня скажет... Звонила ты им? Позвони прямо сейчас, во сколько назначат, во столько и сделаем... Вот так, племянник, у нас тут хоть и не Чечня... – сказал он, когда секретарша вышла, – Шефиню мою хороним. Вишнякову Полину Геннадиевну...

– А что с ней такое, дядя Володя? – осторожно спросил Женя, – Неужели и тут тоже... убивают?

– Скажешь тоже... убивают... – раздражённо поморщившись, отмахнулся Гнедин. – Приехал, понимаешь, всё тебе убийцы мерещатся... Сердце, врач говорит. Тётка-то немолодая уже была. Чего доброго, скоро в её кабинет перееду, тогда уже совсем небось от родственников отбоя не станет...

Секретарша едва успела закрыть за собой дверь, и тут же её голос раздался снова – по громкой связи:

– Владимир Игнатьевич, вы просили со Шлыгиным связаться. Я вас соединю?

– Ага! Он-то мне и нужен! – обрадовался Гнедин и многозначительно зыркнул на Женю: – Сейчас, племянничек, не отходя от кассы и утрясём твой вопрос.

Разговор длился минуты полторы.

– Всё понял? – спросил Гнедин сельского родственника, положив трубку. – Да погоди кивать, ничего ты не понял. Я тебя, лопуха, в такую фирму устроил – это тебе не в американской лотерее гринкарту выигрывать!.. Люди тебе прямо сразу комнату покупают! Сколько стоит комната в Санкт-Петербурге, ты хоть знаешь? Я год работай, и то не хватит, а тебе за красивые глаза... Дошло наконец, лопата, куда дядя Володя тебя забабахал? Но учти, чтобы мне никаких рекламаций. А то по-родственному-то портки спушу да ремнём...

Он оторвал крошечный лоскуточек бумаги и написал на нём всего одну фразу: «М. Ш.! Это Женька Крылов, от меня. В. Г.»

– Не потеряй смотри, эта бумажка тебе не президентский указ... А будешь писать письмо, передавай привет всем родным.

Вниз Женя Крылов спускался куда уверенней, чем поднимался полчаса назад.

Человек трудной судьбы

Уже надев куртку и взявшись за ручку двери, Борис Благой услышал настырный телефонный звонок.

– Нет в жизни счастья!.. – простонал он и схватил трубку. – Благой!..

Одно добро – второй аппарат он давно уже поставив в прихожей. Поскольку звонки вроде нынешнего – в самый момент выхода из дома, причём когда надо уже не то что идти, а натурально бежать, – заставляли его далеко не впервые, и мчаться в уличной обуви назад в комнату...

Голос был женский, вроде бы незнакомый. Но нет бы ошибиться номером – всё по тому же закону стервозности спрашивали Бориса Дмитриевича.

– Я – Борис Дмитриевич, – отозвался Благой не очень дружелюбно. И через мгновение понял, что зря.

Звонила учительница сына, причём, видимо, непосредственно из учительской – Благой отчётливо слышал и другие громкие голоса.

– Да-да, очень приятно... – пробормотал он, с омерзением чувствуя, как превращается из известного на весь город журналиста-разоблачителя в самого заурядного обывателя. Того самого, который «без бумажки ты какашка». Родителя непутёвого сына. Которому полагалось беседовать со школой не просто дружелюбно, а всячески подчёркивая рабскую от неё зависимость...

– С мамой я уже разговаривала, а теперь и с папой поговорю... – Благой неслышно вздохнул. Начало ничего хорошего не предвещало. «Скажи, скажи ему всё, что думаешь!» – услышал он другой голос в трубке. – Извините, у нас тут шумно... – вновь заговорила первая учительница. – Я бы не стала звонить, но мы сейчас Диму видим в окно. В классе его опять нет, а около школы – вот, прямо сейчас видим, пожалуйста, слоняется. Что будем делать, дорогой папаша?

Так хотелось послать их всех подальше, а вместе с ними и собственного сына, который накануне весь вечер вроде бы сидел при включенной настольной лампе и делал уроки. А может, только вид делал, а не уроки...

– Да? – всё-таки удивился Благой. И решил не выдавать своих сомнений врагам: – Он вчера готовил уроки, я сам проверял...

Ему хотелось крикнуть: «Всё! Ни минуты больше нет, и так уже опоздал, важная деловая встреча!» Ну действительно, тоже называется, педагоги. Чем любоваться на сына в окно и кляузничать домой, открыли бы форточку и рывкнули на троечника как следует... А вот ничего не поделаешь – приходилось тянуть дурацкий разговор, с тоской думая о потерянных минутах.

– Я знаю, вы человек очень занятой, мы ваши статьи даже в учительской обсуждаем, и я так надеялась, что ваш сын тоже... но вот и другие учителя говорят: с плохой компанией ходит... Знаете, они там все чего-нибудь курят... Просто чтобы вы понимали.

Благой наконец увидел шанс закруглить разговор и воспользовался им, постаравшись соединить в голосе отцовскую решимость и родительское заискивание перед школой:

– Очень хорошо, что вы позвонили, спасибо большое. Я разберусь, я обязательно с ним разберусь. Больше прогуливать Дима не будет, я вам обещаю.

Трубка водворилась на место. Борис Дмитриевич поспешно захлопнул за собой дверь (пока, тьфу-тьфу-тьфу, ещё кто-нибудь не позвонил...) и торопливо нажал кнопку вызова лифта. Время было уже, так сказать, в минусах...

Фирма, куда он спешил, называлась женским именем – «Инесса». Находилась она в конце Московского, где-то между самим проспектом и Варшавской улицей. Через весь город тащиться. Точнее, под городом, в метро, потому что у редакционной машины аккуратно нынче утром полетел диск сцепления, а собственные «Жигули» Благого, облезлые от жизни на улице,

не прошли техосмотр, и он боялся гаишников. *И вообще, думать надо было, прежде чем высмеивать их на весь Питер в той передаче, так ведь если бы знать, где соломку стелить...* Путь от дома до метро, полтора квартала, он почти пробежал, и при этом не переставая думал о школе, о сыне и о том, как нескладно последнее время всё происходит. Пороть – поздно, а разговоры не помогают... Благой даже пробовал советоваться со знакомым детским психологом. Тот углубился во фрейдистские дебри, но никаких конкретных советов не дал. Хотя Благой и сам понимал, что полезного совета, пожалуй, не дали бы ни Фрейд, ни Фромм, ни Песталлоцци. *«Это наш самый смелый теоретик», – сказал учёный корреспонденту, показывая коллегу, увлечённо рубящего под собой сук.* Ничего не поделаешь, нужно выкручиваться самому...

Уже несколько лет в транспорте его узнавали. С тех пор, как после серии громоподобных статей в «Петербургских ведомостях» его позвали в постоянные ведущие воскресной телевизионной передачи «Прошу к барьеру». Стоило ему войти в вагон метро, в трамвай, троллейбус, как он ощущал на себе чей-нибудь любопытный взгляд. Особенно если пассажиров было не слишком много. Иногда с ним даже здоровались, не скрывая улыбку – полужастенчивую, полусчастливую. И Благой представлял, как вечером эти люди воодушевлённо рассказывали домашним: «Сегодня еду в метро, а рядом – сам Борис Благой стоит». САМ...

В этот неудачливый день случившееся узнавание прошло по худшему варианту. Еще на эскалаторе к нему повернулся человек с узким, удивительно скучным лицом, типичный зануда.

– А ты, извиняюсь, Борис Благой, точно ведь? – осведомился зануда.

И хотя Благой постоянно твердил себе, что в таких случаях нельзя признаваться, а надо вежливо и настойчиво твердить что-нибудь типа: «Вы ошиблись, а кто это вообще такой?», в этот раз, занятый своими мыслями, он согласно кивнул. Зануда тут же к нему прилип, точно банный лист к заднице. Вошел следом в вагон, встал у дверей и принялся, стараясь перекричать шум движения, рассказывать бесконечную, как зубная боль, историю про то, как его «кинул» собственный брат.

Благой старался не вслушиваться. Но Зануда постоянно спрашивал: «Ведь точно?», и приходилось, изображая профессиональное внимание, поддакивать, с тоской мечтая о пересадке.

– Так ты всё скажешь там, по телевизору? – не отставал Зануда, когда Благой двинулся к двери. – Ведь точно?

– Скажу, скажу, – и Благой выскочил на платформу. Нет, всё-таки об энергетических вампирах пишут не только сплошной бред...

Его ждали. Молодой охранник в камуфляже дисциплинированно вскочил со стула, запихнул журналчик с яркими обнажёнными дивами под газеты, лежавшие на подоконнике, и принялся внимательно вглядываться в журналистское удостоверение. У него самого на груди висел «бэдж», гласивший: ВЯЧЕСЛАВ... Разобрать фамилию Благой не успел. Вячеслав нажал на кнопку, и из соседних дверей появился охранник постарше, этакий шкаф, но зато в цивильном. Имидж несколько портила только застрявшая в зубах «беломорина».

– К шефу? – спросил он и тоже вежливо улыбнулся а потом повел Бориса Благого на другой этаж. Здание было отделано по евростандарту: ровные белые стены, нарядные двери из алюминия и тонированного стекла, на полу – светло-голубые ковровые дорожки. И, естественно, всюду чистота, блеск и добротность. Благому случалось здесь бывать ещё во времена, когда эти помещения занимала администрация Авторемонтного завода, и цепкий глаз журналиста отметил контраст между днём минувшим и нынешним. Денег на ремонт «Инесса» явно не пожалела.

Благой вспомнил многочисленные подобные заведения тоже начинавшие очень резво – и тоже, что характерно, с дорогостоящего ремонта. Кончалось всё пшиком. Посмотрим, как будет здесь...

В принципе, интервью было самым обыкновенным, каких Борис Благой за свою журналистскую жизнь сделал сотни. Хотя имелся один небольшой пунктик. Фирма, насколько ему было известно, делала определённый упор на благотворительность; Благой надеялся, что сумеет ненавязчиво вытрясти из Шлыгина кое-какие деньги в виде спонсорской помощи на свою воскресную передачу. Телевидение беднело, денег не хватало постоянно, особенно на новую технику. И как раз на днях главный режиссёр умолял всех авторов и ведущих подсушиться в смысле поисков спонсоров. Вот тут и появилась у Благого светлая мысль об «Инессе», о которой он услышал, что интересно, в Смольном. А как лучше всего подвести мосты к бизнесмену? Взять интервью и дать доброжелательную публикацию...

Мелких и крупных начальников, которые в последние годы все сплошь стали зваться генеральными директорами и президентами. Благой повидал немало. Чего уж там! Борис Дмитриевич и сам когда-то побывал в начальниках, а точнее, в инструкторах райкома комсомола. Так сказать, постоял одной ногой на первой ступеньке советской номенклатурной лестницы. Одно время он об этом старался не вспоминать, а теперь, наоборот, вспоминал всё чаще со странной смесью иронии и удовольствия. Во всём есть плюсы – Благой неплохо знал и старорежимных тёртых хозяйственников, и бизнесменов новой волны. Среди них мог безошибочно отличить тех, кто прошёл добротную выучку и заработал свой капитал, так сказать, заслуженно, а кто попросту пересел из бандитского джипа в импозантный кабинет, но вести себя среди шикарной обстановки так и не научился...

Шеф «Инессы» Михаил Шлыгин Благому понравился. Помимо прочего, он был потрясающе молод: Борис Дмитриевич сразу подумал, что в застойную эпоху его собеседнику едва ли довелось бы руководить даже захудалым участком на производстве, не говоря уж о фирме с многомиллионными капиталами. А в очереди обратились бы даже не «мужчина», а «парень». Как, однако, меняются времена!.. Шлыгин вышел навстречу гостю из-за стола, широко улыбаясь, в элегантном костюме от хорошего портного, который он к тому же весьма умело носил. От молодого бизнесмена так и веяло доброжелательностью, доброй энергией и деловитостью – но не нахрапистой и жлобоватой, как часто бывает, а какой-то интеллигентной. Не иначе, с отличием закончил престижный экономический вуз, а то и западные курсы менеджмента...

Они сели за небольшой столик, и тут же зазвонил телефон. Благой внутренне помрачнел, вспомнив, как его самого «прихватили» в самый ненужный момент, и приготовился к бесконечным помехам в разговоре – «Так на чём мы остановились, напомните?.. Ах да...» Шлыгин, извинившись, действительно взял трубку, но вместо того, чтобы углубиться в деловые проблемы, коротко сказал кому-то:

– Прости, милый, у меня журналист. – Потом нажал кнопку и попросил секретаршу: – Я занят... да, чтобы не беспокоили.

Открылась боковая дверь, и на ворсистый палас неслышно ступила ухоженная молодая красавица с подносом в руках: кофе, печенье, конфеты, коньячные рюмочки. Она гостеприимно улыбнулась Благому, а Шлыгину – так, как улыбаются только очень близкому человеку.

– Моя супруга, – представил её Шлыгин. – Инесса Ильинична. Жена, друг и первый советник... Вам коньяк или водку? – спросил Шлыгин.

– С утра только кофе, – ответил Благой.

Инесса одарила его ещё одной тысячедолларовой (без преувеличения) улыбкой и удалилась. Она была действительно очень хороша. А на шлыгинском столе стояла в рамочке фотография очаровательного бутуза.

– Вы очень похожи на себя на экране, – проговорил Михаил Иванович, подвигая Благому печенье. – Слежу за вашей передачей, и статьи тоже читал... если я правильно понял по телефону, вы собираетесь сделать о нас именно статью, а не передачу?

– Интервью или очерк, как получится. – Благой уже выставил свой маленький японский диктофон. – Не смущает? – спросил он как бы слегка извиняясь. – Я давно так работаю. На

карандаш сколько ни бери, какие-то оттенки, нюансы пропадают... Так вот, чтобы попусту не тратить ваше время... нам необходим материал о положительном герое. Точнее, о положительном примере.

– Спасибо за честь, – легко пошутил Шлыгин и продолжил уже серьёзнее: – Я готов. С чего начнем?

– С самого начала: как дошли до жизни такой, – ответил Благой шуткой на шутку. – Как вообще рождаются современные бизнесмены? Особенно такие, как вы? Благотворительный фонд «Тёплый дом»... Детский дом для сирот из бывших республик... – Он передвинул вынесенный микрофон, расположив его между Шлыгиным и собой. – Согласитесь, такого скорее следовало бы ожидать от человека с обширным и горьким жизненным опытом...

– А с чего вы взяли, что у меня такого опыта нет? – Михаил посерьёзnel и невесело усмехнулся углом рта. – Думаете, мне всё это, – он обвёл рукой кабинет, – Дед Мороз в подарок принёс?.. Я ведь сам разные университеты прошёл... Да-да, можете так и написать. Жил с отцом-алкоголиком, мать дворничихой работала, был трудным подростком... Чуть в колонию не загремел...

Шлыгин встал с кресла и заходил по гасящему шагу ковру. Благой слушал внимательно и с сочувствием.

– Был в нашей компании один отморозок, дошёл до убийства. С женщины в подворотне золотишко снимал... Загребли чуть не всю пацанву во дворе, дело шить начали... Хорошо, правосудие тогда было не то, что теперь, – разобрались. Хотя душу помотали и мне и мамаше – на всю жизнь хватит. Вы, может, скажете, другие больше страдали. Правильно. Но мне как-то хватило... Понял, в общем, что такое беда. Своя, чужая... Тонкокожий я, наверное...

Он замолчал, отвернувшись к окошку. Было видно, что давние события в самом деле нешуточно ранили его и рана ещё не зажила.

– По-моему, Солженицына однажды спросили, кто на каторге больше страдал, он или Достоевский, – подал голос Благой. – Александр Исаевич, помнится, довольно резко ответил в том духе, что говорить следует не о количестве страданий, а о качестве их воздействия на душу. По-моему, это именно ваш случай.

Шлыгин глубоко вздохнул и отошёл от окна.

– Вот поэтому мы отремонтировали дом для детей, чьи родители погибли в Грозном, приобрели мебель, одежду... Подыскали персонал, и если заметим, что крадут кусок у сирот...

– Все за счет фирмы? – Благой покосился на красненький глазок диктофона и попробовал вспомнить. заправил ли он, как собирался, свежую батарейку. Ещё не хватало, чтобы на ленте вместо осмысленной речи осталось лишь дурацкое кваканье.

– Сначала только за свой, теперь связались с европейскими фондами, они нам кое в чем помогли. Присылают машины с одеждой, медикаментами, оборудованием...

Неожиданно на столе опять включилась громкая связь.

– Я же просил... – недовольно обернулся Шлыгин.

– Михаил Иванович, извините, это из Смольного... – виновато пояснила секретарша.

– Простите уж, – Шлыгин развел руками. – Смольный – дело святое... – И подошел к аппарату: – Шлыгин слушает!

– Мишка, привет! Как жизнь удалая? – сам того не желая, разобрал Благой. Фамильярный тон звонящего сперва удивил его, но профессиональная память тут же сработала, и голос из Смольного показался ему удивительно знакомым.

«Да это же Гнедин!» – сообразил журналист. Гнедин был заместителем начальника юридического управления, и его звонок тоже мог немало сказать об уровне фирмы. В захудалую контору просто так из Смольного не звонят. И «Мишкой» её шефа не называют...

– Здоров, корешок... – в том же дружеском тоне отозвался бизнесмен. – Одноклассник, – шёпотом пояснил он Благому. – Да-да, я на проводе, тут просто у меня человек из газеты,

статью пишет... Ты ещё не забыл тот базар про дельного парня после Чечни? Вторую неделю место держу...

– Так ведь я поэтому и звоню. Нашёл одного, уже к вам отправил, скоро придёт. Погребуха – Крылов, Женя.

– Замётано! – обрадовался Шлыгин. – Тачку водит? Ксива есть?

– Всё есть, только одна сложность: сам он из Лодейного Поля, а «колёса» ему после госпиталя глотать прописали, каких там не видели. Потому в Питер и просится, а хаты – сам понимаешь... Сделаешь?

– Был бы парень конкретный... а так без проблем. Квартиру подождать придётся, а комнату купим.

– Ну давай. Инке привет...

Шлыгин положил трубку и скупно улыбнулся Благому:

– Ну, что вам ещё рассказать?

От «Инессы» до редакции Бориса Благого подбросил на «Вольво» тот самый охранник-шкаф. Когда они садились в машину, к ним, резко тормознув, подрулил «Мерседес». Благой не обратил бы на него внимания, если бы оттуда не выскочили два телохранителя. Один из них распахнул дверцу, и из недр автомобиля неуклюже выбрался человек, чьё лицо показалось Благому смутно знакомым. Борис Дмитриевич попытался напрячься, но так и не вспомнил. На сей раз профессиональная память срабатывать не спешила. Наверное, мешал текст, почти сложившийся в голове. Одно было ясно – интервью он у него не брал, иначе точно вспомнил бы. И всё равно – где-то он уже видел это слегка одутловатое лицо в очках за толстыми стеклами... И оно опять-таки смутно будило некие малоприятные эмоции. Когда он последний раз видел его, то думал о чём-то нехорошем. Факт.

Борис Дмитриевич улыбнулся про себя и по-мальчишески утешился тем, что нынче расстроенный и даже встревоженный вид был у очкарика. Он-то, Благой, возвращался в прекрасном настроении. Даже маленький эпизод, случившийся в конце разговора со Шлыгиным, не испортил общего впечатления.

Они уже прощались, когда из-за дверей неожиданно послышался глухой топот, а потом громкая грубая матерщина.

– Ты забудешь, в натуре, как на меня наезжать! – кричал кто-то. – Порву, с-сука драная!..

– Опять! – Шлыгин досадливо покачал головой. – Служба безопасности у меня очень уж... простосердечная. Всё Чечнёй бредят, не отойдут никак, бедолаги... – Он на мгновение выглянул из кабинета, что-то тихо сказал, и матерщина немедленно стихла. – Хорошо, начальник толковый, справляется с ребятами, – вернувшись, пояснил Михаил. – Тоже, кстати, мой одноклассник. Сами понимаете, в наше время и пропасть недолго, если за друзей не держаться...

...Материал для «Ведомостей» складывался сам. Шлыгин помогал одарённым детям, спонсировал выставку юных художников, которая поехала теперь по разным странам, поддерживал конкурс старшеклассников-программистов, а двум талантливым мальчикам из неимущих семей только что купил по компьютеру...

Ну, и само собой – едва Благой позволил себе намекнуть о финансовой помощи в адрес своей передачи, как Шлыгин мгновенно всё понял.

– Камеру? – спросил он. – А у вас какая сейчас?.. Господи, ну что за срам, такие передачи и на таком старье!.. Значит, так. Завтра я к вам пришлю человека с машиной...

Колокольчик из прошлого

Еле заметный ветерок шевельнул облачко белого пуха, в который годы превратили некогда роскошные чёрные завитки. Ощувив дуновение, Эсфирь Самуиловна Файнберг задумалась было, не сходить ли в комнату за шерстяным платком. Однако летний ветерок был таким упоительно тёплым, что пожилая женщина решила рискнуть. Уж очень не хотелось покидать матерчатое кресло, в котором она сидела на балконе и наслаждалась покоем.

Просто сидела на балконе и наслаждалась покоем. Какое счастье!

Софочка должна была вернуться из Израиля ещё через неделю, а значит, тётё Фире предстояло целых семь дней (и восемь ночей! – добавила она про себя) роскошного одиночества в отдельной квартире подруги. Когда стало можно ездить туда и сюда и Софочка на старости лет взялась путешествовать, тётя Фира сделалась охотным и неизменным сторожем Софочкиной однокомнатной. Той самой, куда она последние тридцать лет регулярно сбегала от бесконечных скандалов в своей коммуналке. Милой такой маленькой квартиркой возле парка Победы, в доме с башенками и шишечками, что когда-то, по слухам, строился для реабилитированных. С балконом во двор, на котором можно хоть целый день дремать в уютном шезлонге, читать книжку или просто следить за жизнью, происходящей внизу...

Годовалый котик Васька, большой исследователь и свободолюбец, и тот в кои веки раз угомонился на тётя-Фириных коленях, свернувшись лохматым серо-бурым клубком. А поскольку свобода в Васькином понимании, как у всех подростков, означала право в любой момент исчезать в неизвестном направлении и расшибаться, прыгая за птичкой с седьмого этажа, – из середины клубка тянулась жёлтая капроновая ленточка шлейки.

Ветерок дохнул снова, и тётё Фире показалось, будто он стал холоднее.

– Московское время – шестнадцать часов, – приглушённо донесли откуда-то сигналы точного времени. Васька немедленно проснулся и начал зевать. Потом соскочил на балконный цемент и заскрёбся в дверь, вопросительно оглядываясь на хозяйку. Тётя Фира поняла, что имеет благовидный предлог капитулировать перед ветерком. В четыре часа она обычно вынимала из холодильника Васькины субпродукты и подогревала их в Софочкиной микроволновке, и кот отлично это усвоил. Уцепившись для верности за перильца, тётя Фира нехотя поднялась и стала складывать кресло. Уже открывая застеклённую дверь, она оглянулась и увидела человека, шедшего через двор. Благо он как раз шагал через детскую площадку, хорошо видимую между кронами клёнов.

Она обратила на этого человека внимание, потому что за спиной у него был ярко-красный рюкзак, а в руках – большой букет цветов. И ещё, наверное, потому, что направлялся он как раз к тётя-Фириному, то есть к Софочкиному, подъезду. Да ещё поднял голову и посмотрел прямо на неё, стоявшую на балконе креслом в руках. Или ей показалось, что посмотрел. А может, не показалось.

Тётё Фире, конечно, не было совершенно никакого дела до незнакомых мужчин с букетами и рюкзаками, идущих в гости к кому-то по этой же лестнице. Ну то есть совсем никакого, даже самомалейшего дела. А зохн вэй агицен паровоз! Да пускай себе идёт, куда хочет!.. Кухня в Софочкиной квартире непосредственно примыкала к прихожей, зато дверь на лестницу была двойная, и тётя Фира заранее отперла внутреннюю, чтобы ненароком чего-нибудь не пропустить.

Кот Васька, избавившийся от шлейки, немедленно припал носом к порожку и совсем было собрался заорать, требуя фундаментальных прав личности. Но в кухне знакомо пискнула, отработав свои двадцать секунд, микроволновая печь, и кот с невнятным «ур-р-ра!» ринулся из прихожей.

Едва не сшибив с ног свою хозяйку, уже спешившую в противоположном направлении.

От греха подальше тётя Фира накинула дверную цепочку (видела, видела в американских фильмах, как ловко их перекусывают очень большими и очень страшными ножницами, но тем не менее...), отвела рычажок замка и стала смотреть в щёлку, не обращая никакого внимания на сквозняк.

Ей повезло. Мужчина, оказывается, имел интерес непосредственно на их этаже. Он уже стоял перед дверью соседской квартиры и почему-то медлил, не торопясь звонить. Рюкзак у него был высокий, поэтому тётя Фира только слышала, как шуршал целлофан, но не видела, чем именно занимался мужчина. Может, адрес по бумажке сверял, а может, охорашивал нарядный букет. Или просто волосы приглаживал перед тем, как войти в дом. И зачем, спрашивается, тётя Фире нужны такие подробности? Совсем даже ей такие подробности ни к чему...

Мужчина наконец поднял руку, ещё немного помедлил, кашлянул и позвонил в дверь.

Тётя Фира знала, что соседнюю квартиру последние несколько лет по очереди снимали всякие разные люди. В данный момент в ней обитала интеллигентная работающая семья с сыном-школьником. Вот этот второклассник, добротнo натасканный родителями по части бытовой безопасности, и подошёл к двери, чтобы решительно пропищать:

– Кто там?..

Тётя Фира неслышно переступила с ноги на ногу и затаила дыхание, желая не только всё видеть, но и ни в коем случае не упустить ни единого слова. Мужчина снова помедлил, кашлянул ещё раз и спросил:

– Скажите, пожалуйста, а Кира дома?.. Кира!.. Для Эсфири Самуиловны это имя прозвучало хрустальным колокольчиком из прошлого. Милого, невозвратимого прошлого... Для соседского мальчика оно не значило ровным счётом ничего.

– Здесь такая не живёт! – заявил он безапелляционно. – Вы квартирой ошиблись!

Внутренняя дверь клацнула: разговор был окончен. Мужчина остался в замешательстве стоять посередине площадки. Тётя Фира торопливо сбросила цепочку (в кои веки раз не застрявшую) и приоткрыла дверь:

– Молодой человек!..

Он обернулся. И в этот же миг, воспользовавшись моментом, мимо тёти-Фириных ног из прихожей на лестницу кинулся Васька.

Мужчина – как был с рюкзаком и букетом – нагнулся и поднял кота свободной рукой. Чтобы вот так подхватить с полу маленький мохнатый вихрь, требовался совсем особенный глазомер. И совсем особенное движение. Поэтому для тёти Фиры всё выглядело просто. Наклонился и поднял. Самое обычное дело.

– Здесь раньше Кира жила... – как-то беспомощно проговорил мужчина, подходя и вручая хозяйке трепыхающегося беглеца. – Кира Андреевна... Лопухина...

На вид ему было лет тридцать пять. Или сорок (тётя Фира не сильна была в определении возраста). Надо лбом торчал короткий ёжик волос, то ли пепельно-светлых, то ли седых – поди разбери в вечных лестничных сумерках. Серые глаза смотрели вопросительно и с надеждой.

– Кира Андреевна... – запинаясь, повторил он. – Лопухина... вот в этой квартире... Вы не в курсе случайно?..

Эсфирь Самуиловна часто заморгала, принимая кота. О, шма-Исраэль!.. У неё и так-то всякий раз в горле першило, когда она проходила мимо бывшей Кирочкиной двери...

– Вы, молодой человек... – еле выговорила она наконец. – Вы... она же... шестой годик пошёл...

Он смотрел на тётю Фиру, улыбаясь растеряннo и как ей показалось, глуповато.

– Уехала? – спросил он затем и даже кивнул. – Кира... уехала? А куда, не подскажете?.. Она... в Петербурге?..

Тётя Фира закинула кота внутрь квартиры, вытащила носовой платок и сердито высморкалась.

– Совсем нету!.. – сказала она. – Ой вэй!.. Умерла!.. Мужчина промолчал. Спрятав платок, тётя Фи́ра снова посмотрела на незнакомца и удивилась, почему это его глаза вначале показались ей светло-серыми. А вот совсем даже и нет: они были чёрными. Навылет чёрными, словно две дыры в космическую пустоту. Когда он двинулся с места, старая женщина успела мимолётно пожалеть, что отстегнула дверную цепочку. Но мужчина просто прошёл мимо неё и стал спускаться по лестнице. Тётя Фи́ра недоумённо проводила его взглядом. Мог бы, по крайней мере, спросить, что такое с Кирой случилось... хотя слава Богу, что не спросил... Или полюбопытствовал бы, где похоронена... Тётя Фи́ра даже окликнула его:

– Молодой человек!..

Он не отозвался. Злополучный букет висел на перилах, застряв в старинной щели кудрявой красненькой ленточкой. Тётя Фи́ра хотела ещё раз покричать парню, мол, цветочки забыл, но внизу гулко бухнула, закрываясь, дверь подъезда. Тётя Фи́ра немного подумала, потом пожалела букет. Хоть в вазу поставить, может, вспомнит, вернётся...

Кот Васька сидел в прихожей на коврикe, и вид У него, против всякого обыкновения, был виноватый. Тётя Фи́ра поспешила к балконной двери и увидела, что весьма вовремя эвакуировалась под крышу: невесть откуда успели напозлти тучи, и по листьям старого тополя, росшего возле угла, звонко щёлкали капли. Уже задёргивая тюлевую занавеску, тётя Фи́ра увидела внизу своего недавнего собеседника. Он удалялся через двор размеренной походкой робота. И не обращал никакого внимания на усиливавшийся дождь.

Тётя Фи́ра вздохнула и почувствовала себя совсем дряхлой, немощной и никчёмной. Скорее бы уж, что ли, на тот свет, вдруг подумалось ей. К Кирочке и Господу Богу. *Изгада́л изгада́ш и́мей рабо́ бетлмо́ дивро́ хирхеи́ веячлихь малхусей..*² Про себя тётя Фи́ра была твердо уверена, что Господь Бог един и для русских, и для евреев, и вообще для всех хороших людей... *Омейн...*

---

² Иудейская молитва.

Долг платежом красен

Виталий Базылев про Курск знал не особенно много, зато самое главное. А именно: особой силой тамошняя братва не блистала. То есть рядовые бойцы – если судить по тем четверым, что набились вместе с ним в неприметный старый «Уазик», – были весьма даже ничего. А вот сильный лидер не появлялся. То ли потому, что в далёкой и нищей (по мнению Базылева) провинции совсем не на чем было приподняться, то ли головастые ребята, как знаменитые курские соловьи после войны, по какой-то причине перевелись. По большому счёту Виталия эта проблема не волновала, тем более что такое положение дел его очень даже устраивало. «Гастролёры», сидевшие у него в машине, для своего уровня были ребята конкретные и с мозгой в голове. Сами придумали довольно дерзкий план, ради которого они и мотались теперь по купчинским улицам. Базылев похвалил их за сообразительность, и ребята расцвели. Они страшно гордились, что работают с самым пулковским лидером. Отлично, отлично... Шеф инессинской безопасности даже прикидывал, не напустить ли курян на «Василёк», но по здравом размышлении передумал. Незачем: только зубы без толку обломают.

Заезжие братки ещё плоховато ориентировались в городе, и вожак по имени Дима, сидевший рядом с Виталием, страховался по карте. Предусмотрительный Базылев всех одел в камуфляж, а на потрёпанный «Уазик» навесили военные номера. Кому придёт в голову останавливать такую машину?

Когда показался серебристый ангар, принадлежавший должнику, Базылев на всякий случай отодвинулся в глубину кабины, пряча лицо в тень. Бережёного, известное дело. Бог бережёт... «Уазик» как ни в чём не бывало проехал мимо сетчатого забора с воротами, свернул за угол и спокойно покатил прочь. Водитель по паспорту приходился вожаку тёзкой, и ради отличия все звали его Митей. Он невозмутимо крутил руль, покидая Купчино заранее вызубренным маршрутом. Дима изредка помогал ему советами, на что Митя каждый раз недовольно ворчал.

Когда выехали на Обводный, Базылев посмотрел на часы.

– Пять баллов! – удовлетворённо сообщил он курянам. – Ну, до ночи!

Пересел в «Вольво», ожидавшую его у поребрика, и укатил к себе на Московский проспект. «Уазик» развернулся и поехал в противоположную сторону.

Одному Богу известно, каким местом думают некоторые коммерсанты, когда обустривают охрану принадлежащей им собственности. Наверное, каким-нибудь «центром скупости», если таковой имеется в организме. Бизнесмен по фамилии Каминский, совладелец компании «Эсперанца», задолжал одному из базылевских подопечных семьсот тысяч долларов (это не считая процентов) и, естественно, знал, что противоположная сторона на него порядком сердита. Надобно полагать, он принял кое-какие меры относительно безопасности своей драгоценной особы. Нанял телохранителей, а то и за границу свалил. Святая, в общем, простота. Не таких людей брали под белы ручки где-нибудь у Звёздного рынка и среди бела дня увозили неведомо куда к полному недоумению вооружённой и накачанной «крыши». То есть дай Базылеву волю, Каминского уже сейчас по полной программе принимали бы в одном живописном местечке возле посёлка Мельникове, что на Карельском. Там имелась чудесная возможность побеседовать по душам, а потом спокойно ликвидировать труп. Так Виталий и сделал бы, но Мишка Шлыгин в который раз попридержал бывшего одноклассника. На бизнесе, вишь ты, может сказаться. Это ведь не хухер-мухер, а похищение известного коммерсанта. Чего доброго, прослышит господин Моде, сочтёт Питер городом небезопасным для ведения дел и вообще раздумает приезжать, это же какой контракт пропадет!..

Благодаря Мишке паршивец Каминский мог спокойно поглаживать задницу, в которую ему не воткнул горячий паяльник. Но вот останутся ли на этой заднице штаны было далеко не

бесспорно. Ибо ангар, в котором хранилась уйма дорогостоящей электроники, охранял единственный стражник, вооружённый газовым пистолетиком. Он, правда, по телефону гордо представлялся «службой безопасности» и созерцал вверенный объект с помощью аж двух телекамер, но суть от этого не менялась. Охранное предприятие, на котором остановил свой выбор Каминский, было известно дешёвизной. То, что дешёвизна услуг может сказаться на их качестве, ушлому бизнесмену, похоже, в голову не приходило.

В три часа ночи у ворот остановился пыhtящий и весьма запылённый «КамАЗ». Из кабины выпрыгнул водитель в жёлтой шапочке и ярко-красной рубашке и что-то неразборчиво закричал, размахивая бумагами. Охранник никаких ночных прибытий не ждал и поначалу не двинулся с места, но шофёрюга оказался настойчив. Даже подёргал звякнувшие ворота:

– Э-эй!.. Внутри!.. Есть кто живой, мать вашу разэтак.

Минут через пятнадцать охранник не утерпел и вышел наружу.

– Етить твою в корень! – сказал он водиле. – Чего орёшь?

– О, браток!.. – обрадовался шофёрюга и присмотрелся к бумажке: – Вот тут они мне чегой-то нацарапали, на углу Софийской и Малой Карпатской... Мотаюсь, мотаюсь, ни хрена не...

– Чего-чего?.. – удивился охранник. – На каком, блин, углу?..

– Да этих, ежа им в рот. Софийской с Малой Карпатской...

– Ну вы, на фиг, даёте! Они ж не пересекаются. А чего тебе там? Куда фуру-то гонишь?

– А на склад шараги одной, название ещё дурное такое... без пол-литры не выговоришь... чуть ли не «Засранца» какая-то...

– «Засранца»!.. – развеселился охранник. – Сам ты «Засранца»! «Эсперанца» небось?

– Во, во! – обрадовался водитель. – Она самая, блин.

– Так это ты прямо к нам и попал, – утешил его охранник. – В фуре что? Электронику небось приволок?

– А то! – Шофёр с гордостью похлопал по пыльному синтетическому брезенту. – Тарелки эти самые, со спутника чтобы лабуду всякую принимать. Рекламу видал небось? «У твоего соседа уже СТОИТ...»

– Ну, заводи! – распорядился охранник и начал отпирать ворота, чувствуя себя чуть не родственником словоохотливому водиле. – Утром брякнем в контору, пускай разбираются, куда чего...

Водитель забрался в кабину и ловко развернул здоровенный грузовик в узком проезде, запячивая задом в ворота. Если бы охранник был повнимательнее, он мог бы заметить, что тяжело нагруженные машины так проворно не двигаются. Но представитель дешёвой службы не обратил на это внимания, а потом стало слишком поздно что-либо замечать. Когда передок машины был уже в створе ворот, из-за него возник подтянутого вида малый и влепил ничего не ожидавшему охраннику шикарнейший аге-цки в нижнюю челюсть.

– Извини, браток... – сказал он, когда тот с закатившимися глазами сполз по решётке на холодную землю. – На-ка тебе за беспокойство...

Наклонился и сунул бесчувственному стражу двести долларов в нагрудный карман.

«КамАЗ» между тем подъехал к ангару вплотную, и некому было присмотреться к его заляпанным грязью номерам. Полетел наземь замок, открытый конфискованными у охранника ключами, со скрипом отворились металлические двери... Отключённая сигнализация равнодушно безмолствовала. Прибывшие внутри пустого фургона курские бандиты проворно выскочили наружу и сразу взялись за дело. В крепких руках поплыли наружу большие ящики, объёмистые картонки и полиэтиленовые упаковки с маленькими бумажными коробочками. Электронная компьютерная начинка, программные диски, лазерные принтеры, восемь моделей сотовых телефонов, бухточки бешено дорогого кабеля – всё это богатство на сумму, далеко превосходившую долг Каминского, в считанные минуты перенеслось со складских

полок внутрь фургона. Не зря, видно, не спали ночей научные гении, трудившиеся над уменьшением размеров и веса приборов.

А потом «КамАЗ» отчалил в светлую питерскую ночь, удалившись в неизвестном, как в таких случаях пишут, направлении. Возле опустошённого склада остался только охранник, начинавший понемногу шевелиться под фонарём.

Когда же стали смотреть, не зафиксировали ли чего на телекамеры, на всех кассетах оказались грудастые девки из передач ночного канала «НТВ».

Хозяин «Василька»

Саша Лоскутков сидел в голубой «девятке» Плещеева глядя на растущий впереди шпиль. Сергей Петрович жил совсем в другой стороне, на проспекте Тореза, но от Смоленской улицы до Бассейной не расстояние, и вообще, для милого дружка серёжку из ушка.

– По-моему, это на весь Питер единственный такой дом, – сказал Саша. – Я как-то слышал от одного архитектора, их сначала хотели выстроить два, второй напротив, через проспект...

– Кошмар!.. – поёжился Плещеев, медленно передвигая машину в вечной пробке возле «Электросилы». – Ну и слава Аллаху, что не построили. Вот уж была бы безвкусица!

– Почему? – удивился Саша. Он никогда не притворялся, будто что-то понимает в архитектуре, просто, по его мнению, торжественные «ворота» из двух одинаковых шпилей смотрелись бы очень красиво, и кому какое дело до стиливых заморочек. Сергей Петрович повернулся к нему, собираясь, кажется, просвещать, но тут их машину нахально подрезали грязно-зелёные «Жигули», и Плещеев ругнулся, в последний момент ударив по тормозам. Двигатель заглох. Сзади тут же принялись истерично сигналить.

– Дуди громче, а то не все поняли, что ты на кладбище опаздываешь, – заводя мотор, пробурчал эгидовский шеф. – И почему у меня ровно на этом месте всегда что-нибудь происходит?.. То провод от трамблёра отпал, то вот...

«Девятка» ожила и послушно тронулась с места, чтобы сразу остановиться на красный свет. Саша не торопясь полез в карман за сотовым телефоном.

– Анатолич? Ага, я... Привет, дорогой, – сказал он, когда трубка откликнулась голосом знакомого гаишного офицера. – Спасибо, всё в порядке, а как... Ох ты, бедненький, где ж это тебя угораздило?.. На рыбалке?.. И что, неужели ещё рыба где-то клюёт? Не всю уморили?.. Ты «Колдрекс» купи, правда, я сам пробовал, прямо как рукой... Да нет, ничего, мы тут с шефом по Московскому на машине катаемся... Я к тому, что если твои за что-нибудь тормознут зелёную «шестёрку», номер такой-то... ага, сто лет не мытая, на правом крыле «помой меня» пальцем написано... Мужик помоложе меня, ряшка семь на восемь... Как-как? Новомосковских? Валентин?.. Да Господь с ним, ничего страшного, просто шефа внаглую подрезал, чуть не... В общем, повод если будет, уж пускай мораль ему почитают... Ага... ну спасибо, пока! Супругу от меня поцелуй!..

– Кляузная ты душа, Сань, – сказал Плещеев, когда Саша нажал отбой и спрятал трубку в карман. – Нету в тебе прощения христианского.

Командир группы захвата поёрзал на сиденье, вытягивая ноги.

– Так ведь... – сказал он. – Каков поп... На Бассейную с Московского не было левого поворота: пришлось ехать до Фрунзе и там разворачиваться довольно хитрым способом, причём Плещеев всё время ворчал, словно не сам вызвался подвезти младшего сослуживца, а тот на коленях умолил его об услуге да ещё и втравил во всяческий дискомфорт. Саша слушал воркотню шефа, косился на его голубую рубашку и знал, что всё хорошо. Вот когда Серёжа держится корректно-задумчиво, а рубашка, к примеру, коричневая, тут бей тревогу. Плещеев обожал голубые рубашки и притом надевал каждый день чистую. Смена цвета и настроения означала, что Плещеев опять, мягко говоря, засмотрелся «налево» и его жена Людмила (стиравшая эти рубашки) в очередной раз навсегда хлопнула дверь. Плещеев был мужчина азартный и любил жизнь во всех её проявлениях, а посему подобное происходило как минимум однажды в квартал. Спустя неделю супруги трогательно воссоединялись, некоторое время Сергей Петрович ходил добрый и просветлённый, а потом всё шло по кругу. Злые языки утверждали, будто в своё время его выставили из Прокуратуры ещё и за это.

Почти у самого шпиля красовалась нарядная вывеска: на жёлтом поле синее солнышко. Присмотревшись внимательнее, можно было разглядеть, что это не солнышко, а цветочек и что составляет он эмблему фирмы «Василёк», торгующей всякой сложной техникой и компьютерами. Здесь Плещеев остановил машину, и Саша выбрался наружу.

– Может, зайдёшь со мной? – нагибаясь к дверце, спросил он начальника. – Обрадуешь...

Сергей Петрович посмотрел на часы и виновато развёл руками. У них с Людмилой как раз был медовый месяц после пятисот восемнадцатого трагического разрыва, а это означало, что задерживаться определённо не стоило. Саша закрыл дверцу, «девятка» взяла с места и красиво вписалась в общий поток.

Антон Андреевич Меньшов, хозяин «Василька», возник как крупная фигура в самом начале эры частного предпринимательства, когда в учреждениях начали появляться незабвенные «IBM XT» и «AT». Компьютеризация осуществлялась традиционными российскими методами: расходные материалы мгновенно попали в разряд страшнейшего дефицита, дискеты в лабораториях выдавались строго по списку, и тот, кому нужно было попользоваться принтером, являлся с собственной лентой. Вот тогда специалисты и начали по великому благу переписывать друг у друга телефон «Василька», безотказно поставлявшего всё требуемое за наличный и безналичный расчёт и притом по вполне умеренным ценам. А ещё там умели починить что угодно, не взимая с клиента цену автомобиля за транзистор в блоке питания. Ну то есть ничего удивительного, что фирма быстро окрепла и в девяносто втором уже вовсю торговала компьютерами, начав с дешёвых подержанных двести восемьдесят шестых, привезённых из Швеции. Сперва васильковцы держали прилавочки то в «Ригонде», то в «Энергии», то в «Канцтоварах». А там и собственный магазин завели...

Саша потянул упруго качнувшуюся дверь, шаркнул кроссовками по синтетическому половнику и вошёл в кондиционированную прохладу. Охранник, гулявший по залу, узнал Лоскутова и подошёл поздороваться.

– Андреич здесь? – спросил Саша.

– Сейчас освободится, – ответил охранник. – Клиентов убалтывает.

Рослый парень с удивительно добродушной физиономией выглядел увальнем, но Саша знал, чего тот стоил в действительности. До «Василька» в этом помещении не задалась жизнь у круглосуточного продуктового, ещё раньше здесь запаршивел фирменный трикотажный и уж вовсе при мамонтах захирела непопулярная булочная. То есть нашествие энергичных меньшовцев вызвало самое пристальное внимание. В торговом зале ещё кончался ремонт, когда со двора заглянули два вежливых молодых человека и, в натуре, попросили хозяина. Как гласило предание, беседа происходила очень спокойно. Антон Андреевич заверил гостей, что защита от возможных обидчиков ему отнюдь не нужна, поскольку он ни с кем не враждует, а в случае каких-то эксцессов надеется обойтись своими силами. На том и распростились.

Эксцесс, предсказанный молодыми людьми, случился через несколько дней. Аккурат перед официальным открытием, когда в кладовках уже лежали факс-модемы, дисплеи и карманы для оптических дисков: всё очень хрупкое и жутко боящееся ударов лома и дубинки. Четверо молодцов в масках подогнали фургончик, сноровисто взломали заднюю дверь магазина... и – блин! – угодили прямо в гостеприимные объятия охраны, соскучившейся без настоящего дела. Далее легенда гласила, будто трепещущих от пережитого ужаса и обделавшихся с головы до пяток грабителей даже не потащили в участок. С тех пор вокруг «Василька» царила тишь и гладь: по крайней мере, мелкие и средние хищники Антону Андреевичу не докучали.

Что касается крупных...

Саша прошёлся по залу, присмотрелся к мощным дорогам «ноутбукам», постоял за плечом у продавца, выводившего на экран сообщения, пришедшие по сети. Продавец показывал их какой-то девице с малиновым ботиночным шнурком в волосах. Оглянувшись, она заметила Лоскутова и подвинулась, чтобы ему было удобней смотреть на экран. Сообщения оказались

отзывами на последний роман в жанре героической фэнтези, в основном ругательными. Посетительница читала их, временами хихикая.

Саша отозвал молодого продавца в сторонку и, улыбнувшись, тихо спросил:

– Симпатия?

Парень кивнул на яркий завлекательный томик, лежавший на стуле охранника:

– Автор...

– ... Ну а министерство хоть как-то вам помогает? – раздался из коридорчика знакомый голос, и в зале, сопровождая двоих клиентов, появился Меньшов.

– А, да какая с них помощь, – отмахнулся пожилой, маститого вида учёный. – Как раздобудем денежный договор, так вздохнём... Да и то... Начинаем вроде работать, а заказчикам самим денег не платят!

– Знаете анекдот? – остановился его более молодой долговязый коллега. – Докладывают нашему богоспасаемому Президенту, мол, в Академии Наук пятый месяц зарплату не выдают, а эти ненормальные всё ходят на работу и ходят, что делать будем? Президент подумал и отвечает: а если с них плату за вход попробовать брать...

Со стороны директорского кабинета наплывал аромат хорошего кофе, и Саша понял, что заказчики при всём том были солидные и разговор в кабинете шёл взаимно приятный. Меньшов увидел эгидовца и дружески кивнул ему, а проводив гостей – сразу позвал Сашу к себе.

– Кофейку хочешь?

Тридцативосьмилетний Антон Андреевич вполне соответствовал имиджу «загадочного молодого миллионера», который так любят обыгрывать в Голливуде. Это был подтянутый рослый красавец с очень спокойными глазами и характерными мозолями на костяшках, совсем не похожий на вечно озабоченного кабинетного бизнесмена. Он не держал никаких телохранителей, виртуозно водил мощный серо-стальной «БМВ» и, по непроверенным слухам, фантастически метко стрелял. Саша знал, что он держал в столе фотографию милой молодой женщины и двух девочек, и это не было данью американскому стилю. Саша знал про Меньшова ещё много всякого разного и интересного. Но он был не из болтливых.

– Да я ненадолго, – проговорил он, усаживаясь в мягко вздохнувшее кресло. – Есть информация..

– Информация – дело хорошее, – кивнул Антон Андреевич. – Полезное.

Голос был абсолютно нейтральным. Требовалось знать Меньшова так, как знал Саша, чтобы уловить истинный смысл сказанного. А сказано было примерно следующее: «Спасибо, что заехал предупредить. У меня теперь возможности, сам понимаешь, не те, так что вдвойне спасибо. Ну, я слушаю, продолжай».

– Из-за границы ждут киллера, – коротко сообщил Лоскутков. – Кличка Скунс. Слышал про такого? Антон Андреевич кивнул:

– Как же не слышал... Крупная птица...

– Кто зазвал и на кого хотят напустить, пока неизвестно, – продолжал Саша. – По нашим данным, мужик насквозь отмороженный, склонный к личным инициативам...

Меньшов снова кивнул.

– Кто предупреждён, тот вооружён. Плещею от меня спасибо передавай...

– Как младшенькая? – спросил Саша. – В самом деле личного коня ей купил или всё врут?..

Проводив Лоскуткова, хозяин «Василька» вернулся в кабинет и долго молча смотрел в большое окно, сквозь которое ничего нельзя было увидеть снаружи. Потом провёл рукой по лицу, и его отражение в оконном стекле внезапно постарело сразу на десять лет.

– Скунс... – пробормотал он, словно примериваясь к имени, и тяжело вздохнул. – Что ж, с возвращением тебя... Скунс...

Плещеев и Лоскутков поистине дорого дали бы за то, чтобы видеть его в этот момент, ибо знали они о нём хотя и очень многое, но не всё. Увы, они были далеко. Плещеев стоял в пробке перед Троицким мостом, а Саша спускался в метро. Когда же через минуту Антон Андреевич вышел в торговый зал, он был совершенно прежний: доброжелательный, уверенный, невозмутимый.

Искусство и жизнь

На телестудии ждали бандита.

– Неужели он, как все, предъявит паспорт и прямо так и пройдёт?.. – удивлялась редактор Светочка, работавшая на телевидении всего третий месяц. Именно она выписывала пропуск сегодняшнему гостю эфира.

– А ты хочешь, чтоб он в окно прорвался с «Калашниковым»? – хмыкнул режиссёр Герман Степанович. – Бандит – он тоже человек и паспорт имеет...

Многоопытный режиссёр тоже слегка волновался. Хотя в других обстоятельствах и любил пересказывать всевозможные истории, которые несколько лет назад происходили с мрачными экзотическими личностями, проникавшими на телевидение по пропускам от Невзорова...

Был спокоен лишь автор и ведущий передачи Борис Дмитриевич Благой. Сказать точнее, он даже испытывал лёгкое разочарование, которого, правда, старался не показать. Так давно он продумывал передачу с участием настоящего уголовного авторитета, с такими трудами выходил на него, уговаривал... А потом созвонился со знаменитым Константиновым, думая получить консультацию по некоторым второстепенным вопросам. «Плечо?.. – узнав, в чём дело, захохотал Константинов. – Ой, нашли авторитета... Понтыра самый заурядный, крутой, как хвост поросёнок!»

Известие приятностью не отличалось, но Благой поверил. О Константинове среди журналистов ходили легенды; утверждалось, в частности, что его одинаково сильно уважают как службы безопасности, так и бандитский Петербург.

Ну да что же теперь поделаешь: поезд ушёл...

– Только не забудьте: лица быть не должно, – в последний раз напомнил операторам и режиссёру Благой. – Я ему слово дал!

Передача шла, как обычно, в живом эфире, и уже за час до её начала в студии номер два всё было готово – поставлен столик, два кресла к нему, воздвигнуты фанерные щиты, изображавшие стены. Операторы, примериваясь, подъезжали с камерами к столу и отъезжали. Наконец, Светочка, волнуясь, побежала к выходу за бандитом. Перед этим она раза три переспросила и Благого и режиссёра:

– Ну так как же мне всё-таки его называть?..

– Да как нормального человека, – отвечал Герман Степанович. – По имени-отчеству.

Бандит и в самом деле оказался совершенно нормальным молодым человеком. Трепещущая Светочка привела его в студию, и передача началась.

– Расскажите что-нибудь о семье. У вас ведь есть семья? – спросил Благой для затравки.

– Конечно, есть...

В первые минуты тихвинский авторитет держался немного деревянно, но умения разговаривать собеседника перед камерой Благому было не занимать.

– Сын у вас подрастает, я слышал. Он учится?

– А как же... во втором классе, в лицее.

– То есть изучает языки, музыку, что там ещё..?

– Этикет, – подсказал бандит.

– Этикет, – повторил за ним Благой. – Стало быть, вы не хотите, чтобы он унаследовал вашу профессию?

– Да кто же захочет. Небось с головой дружим... У нас у всех дети учатся... кто в лицее, а кто постарше – и в Кембридже...

– То есть нельзя исключать, что дети ваших соратников станут интеллектуальной элитой страны?

– Ну, – с удовольствием согласился бандит. – Для того и стараемся.

Он постепенно разговорился и, когда Благой попросил его рассказать какой-нибудь случай из недавней практики, – поведал съёмочной бригаде и телезрителям историю про то, как их группа аккуратно на этой неделе отыскала «Линкольн», угнанный злодеями пулковскими у очень хорошего человека. Крови, по счастью, не пролилось, но случилась короткая перестрелка, по ходу которой пулковские сразу наложили в штаны и вообще выглядели мокрыми курицами, а «Линкольн» был отбит и с торжеством доставлен владельцу.

– Значит, восстановили справедливость? – улыбнулся Благой.

– А то!.. Мужик этого «Линкольна» сам в Штатах выбирал, сюда пёр, растаможивал... У нас на весь город, может, две-три такие тачки и есть. А какой-то бай из Чуркестана про него узнаёт и себе заказывает, как в магазине? Не по понятиям....

– Но ведь это представительская машина, для миллиардеров?

– Да кому какое дело, если нравится и в лопатнике бабки шуршат...

– А ещё говорят, будто угнанные машины практически не находят!

– Так смотря кто и какие... Человек попросил, ну, мы немножко поспрашивали и нашли... Милиция – тыр-пыр, десять дыр... а мы – пожалуйста. И если ещё кто за ней сунется – не поймём, – добавил бандит с угрозой.

Пожалуй, это было то самое, о чем на всякий случай предупреждал Константинов: «Только не позволяйте им у вас в эфире разборки устраивать! Иначе сами наплачетесь...»

– У вас бывает отпуск? Где вы любите отдыхать? – спросил Благой. Разговор надо было срочно увести в сторону.

– Зимой на Канары смотался, а недавно в Индии побывал... Вот где белого человека уважают! – произнес Плечо с удовольствием. – И перестрелок нет... А если кто за «Линкольном» ещё полезет – тот сразу покойник!

– Он едва это сказал, та-акие звонки начались, мат сплошной! – Светочка во время передачи сидела на телефоне и, когда эфир кончился, а бандит был препровождён съёмочной бригадой до выхода, она сразу стала рассказывать. – Ужас, ужас какой-то!..

Девушка чуть не плакала.

– И что они вам такого страшного наговорили? – допытывался режиссёр. – Ну, например?.. Кроме мата?

– Ну, что всем нам ноги повывёртывают... Это самое мягкое... Ой, мамочки, что же теперь будет-то...

– Это поговорка такая, Светочка, детская страшилка. – Со дня появления молоденькой редакторши на работе режиссёр Герман Степанович опекал её, как родную дочь. – Нужно знать фольклор своего народа. И, ради Бога, не бойтесь... А в целом получилось неплохо. – Режиссёр повернулся к Благому: – Настоящий разговор по душам, как бы с разных сторон барьера. Умешь же ты, Боря, отыскивать людей!

В студии уже царил полумрак, сменивший ослепительное освещение, помощники режиссёра убирали антураж, выставленный для передачи, и они на минуту задержались в проходе, там, где массивные двери отделяли съёмочное пространство от внешнего мира.

Благой тоже был доволен. Хорошее настроение не покидало его до самого дома. Но только открыл дверь, как его встретила испуганная жена.

– Слава Богу, наконец-то!.. Я уже и не знала, что думать...

– А что такое? – удивился он.

– Позвонил какой-то мужчина, спросил тебя, я ему – мол, ещё с телевидения не вернулся...

– А он? – спросил Благой и ощутил нехорошее предчувствие.

– Он говорит, передай своему: Плечо домой не доехал, какому-то Юрану шею сломали... И если доктора его не поправят, они и с тобой разберутся... Господи, Боря, кто хоть это такие?..

– Одно время, после нескольких громких убийств журналистов, Благой любил повторять: «Я знаю, я давно уже на мушке...» У него вправду имелись недоброжелатели, но испытать, что ощущает человек, действительно оказавшийся на мушке, судьба дала ему только теперь. Чувство полной незащитности было ошеломляюще унижительным и по-настоящему страшным. Хотелось что-то немедленно делать, куда-то звонить, но куда?..

Борис Дмитриевич обвёл взглядом знакомую обстановку прихожей, и ему показалось, будто всё это неминуемо вот-вот исчезнет. Как же бrenно и хрупко на самом деле было вроде бы прочно устоявшееся благополучие...

– Да ну, Настенька, что за чепуха, – услышал он свой собственный голос. – Нормальные отклики на передачу, мы ведь сегодня тихвинского уголовного показывали... Давай лучше обед грей, есть хочу. Да, а из школы больше не звонили?

– Н-нет, – начала успокаиваться жена. – Нет вроде бы...

– Ну вот и хорошо, – усмехнулся Благой. – Этих звонков я, честно говоря, гораздо больше боюсь.

Заходя иногда в Публичку, Борис Дмитриевич любил останавливаться в длинном коридоре на втором этаже у каталога журнальных статей. Там в ящике от «Бен» до «Бос» стояли карточки, на которых были написаны фамилия, имя и отчество его жены – Благая Анастасия Сергеевна. С каждым годом их становилось больше. Анастасия Сергеевна работала в Зоологическом институте на Стрелке Васильевского острова и писала статьи о хордовых рыбах. Как можно всю жизнь изучать рыб, а при этом даже в самую жару заходить в воду лишь по колено и ни разу не быть на море, Благой не понимал.

«Чтобы узнать, как варится борщ, не обязательно самому лазить в кастрюлю, – отвечала обычно жена на ухмылки Благого. – Если бы я изучала Юпитер или атомное ядро, ты бы меня и туда погнал?»

У неё был отец – известный профессор-ботаник, мать – учительница истории, да и сам Благой, между прочим, тоже был не в поле обсевок...

А сын! «Мне в твоём возрасте всё было интересно!» – время от времени прорывало Бориса Дмитриевича. Как-то он прочёл наследнику полную страсти лекцию о развитии человеческого разума, о цели и смысле существования мыслящей материи, о том, как она получает знания от Вселенной... Ему казалось, он тактично и незаметно подвёл тринадцатилетнего парня к необходимости эти знания приобретать уже с детства. Но тот, выслушав, только ухмыльнулся: «Так ты мне эту лапшу сейчас на уши вешал, чтобы я уроки учил?..»

– Где ты был вчера днём? – начал прямо с порога Благой.

– Кто, я? – спросил сын.

– Да, ты. Я тебя спрашиваю. Где ты был вчера?

– Когда?

Эта манера сына переспрашивать страшно бесила Благого.

– Когда все были в школе. Где ты был в это время?

– В школе, – ответил сын, немного подумав.

– В школе тебя не было, а вот около школы ты был.

– Кто, я? – снова переспросил сын.

– Ты, ты!

– Да был я в школе, вот, четвёрку по географии получил...

Сын порылся в школьной сумке, вытащил дневник. Там и в самом деле стояла четвёрка, а рядом с нею – росчерк учительницы. Не иначе, под занавес учебного года парень взялся за науки!

«Ну, дела!.. Может, это не его видели из учительской?..» – безоруженно подумал Благой и... вдруг вспомнил человека на «Мерседесе», с которым они разминулись возле «Инессы». Это был Микешко. Банкир Микешко собственной персоной.

Одутловатое лицо его в толстых очках уже давно не мелькало в газетах и на телевидении: после шумной истории с фондом «Надёжность, Нравственность, Благородство» финансист благоразумно держался в тени. Но, видимо, по-прежнему процветал, раз уж ездил на! «Мерседесе» с охраной...

Знать бы ещё, почему у него был такой испуганный вид?..

Борис Дмитриевич решил не отвлекаться от педагогического процесса и сурово спросил:

– А сейчас чем ты занят?

– Уроки делаю! – В ответе сына был даже оттенок праведного возмущения.

– Ну ладно... делай. – И Благой удалился на кухню искренне полагая, что по крайней мере одно недоразумение счастливо разрешилось.

Он не подозревал, что сын решил не отставать от многих нынешних контор, ведущих двойную бухгалтерию. Недавно у него появился второй дневник, куда от имени учителей он сам себе ставил отметки, раписывался... А вместо нудных уроков запоем глотал приключенческое чтиво с книжных лотков. Вот и теперь, как только за папашей закрылась дверь, он сунул руку под стол и вытащил томик в броской суперобложке. Книга называлась «Журналистское расследование» и повествовала о похождениях отважного репортёра, бросившего вызов криминальному миру. Благой-сын открыл томик на заветной странице и погрузился в красочный мир опасностей и любви, столь мало похожий на скучную реальность с её школьной мутотой и занудством родителей...

Второе пришествие

До Софочкиного приезда оставалось ещё шесть упоительных дней...

Дождь, зарядивший накануне, то прекращался, то вновь начинал моросить, и тётя Фира, собравшись на улицу для ритуального обхода ларьков, вооружилась большим чёрным зонтом. Помимо прочего, зонт давал старой женщине некую иллюзию защищённости. Будет всё же чем отбиваться, когда в парадном к ней пристанут грабители.

Вдоволь и со вкусом поужасавшись ценам в торговом городке возле метро, тётя Фира напоследок заглянула в дорогой круглосуточный магазин. И напрасно, ибо там её подстерегло искушение. Под стеклом морозильного контейнера синела коробочка с надписью «Треска Espersen Bordelaise». Устоять перед таким названием не было решительно никакой возможности. Тётя Фира приняла независимый вид и, мысленно крича от ужаса, отсчитала молодому продавцу нужное количество тысяч.³ Сопоставление цены четырёхсотграммовой коробочки с размерами тёти-Фириной пенсии вызывало тихую панику, но она осталась тверда. Может она, в конце-то концов, на закате жизни своей хоть разочек побаловаться заморским деликатесом?.. А зохн вэй агицен паровоз!.. Естественно, может, и пускай никто ей даже не смеет перечить! Тётя Фира засунула драгоценную покупку на самое дно объёмистой сумки и устремилась домой, твердо решив: когда в тёмном парадном на неё таки насядут грабители, пусть что угодно другое, а треску Bordelaise она им нипочём не отдаст.

Она шла в Софочкину квартиру, как на конспиративную явку, и ей повезло. В подъезде никого не было. Поспешно сложив зонтик, тётя Фира заскочила в лифт, нажала кнопку и почувствовала, что спасена.

Она благополучно поднялась на этаж, вышла из лифта и достала ключи. У Софочки была необходимая по нынешним временам железная дверь, открывавшаяся сразу двумя длинными ригельными ключами. Тётя Фира аккуратно вставила их в отверстия, и тут нелёгкая дёрнула её оглянуться.

Вчерашний мужчина с рюкзаком очень тихо сидел на лестничных ступеньках по другую сторону лифтовой шахты. И молча, не мигая, смотрел на дверь, за которой больше не жила несчастная Кирочка. От неожиданности и испуга тётя Фира выронила ключи. Он не вздрогнул и не повернулся на дрызг. Тётя Фира подобрала ключи и громким шёпотом окликнула его:

– Молодой человек!..

С таким же успехом она могла бы окликать дерево. Да и то, говорят, деревья всё понимают и чувствуют. Не дождавшись реакции, тётя Фира осторожно подошла к нему и повторила:

– Молодой человек!..

Он обратил на неё внимание и медленно поднял голову, только когда она попыталась трясти его за плечо.

Рубашка на нём, кстати говоря, была мокрая. Тётя Фира посмотрела в чёрные – сплошной зрачок – пустые глаза и внезапно всё поняла.

Много лет назад, во время большой войны с немцами, тогда ещё не тётя, а просто юная Фирочка успела побыть на фронте санитаркой. С тех пор, конечно, всё изменилось, но отличить, если человека необходимо было срочно спасать, она умела по-прежнему. И какая разница, что на тогдашних раненых сидевший на ступеньках мужчина был не слишком похож...

– А ну вставай, парень! – приказала тётя Фира и начала решительно тащить его за руку. – Вставай немедленно, говорю!

Он повиновался, когда по всколыхнувшейся фронтовой привычке она помянула его почтенную матушку. Всё так же молча, медленно и неохотно, но повиновался. Тётя Фира

---

³ Речь в нашем повествовании идёт о временах бурной инфляции, перед самой деноминацией денег.

открыла хитроумные Софочкины замки и без малейших колебаний повела чужого человека в квартиру, которую ей было поручено сторожить, и лихорадочно отключила сигнализацию:

– Заходи, заходи... Замёрз небось...

Котик Васька по обыкновению сидел под дверью, в полной боевой готовности ожидая момента, когда хозяйка потеряет бдительность и «зевнёт» его на вожаемую лестницу. Тётя Фира слишком поздно заметила мохнатого сорванца и успела прийти в ужас, заранее вообразив всё могущее произойти... чумка, дикие коты, что ж делать-то, Боже мой!.. Но случилось чудо: кот остался смирно сидеть, озадаченно глядя на гостя. То ли был слишком удивлён зрелищем необычного посетителя, то ли что-то припомнил и решил, что шанса не будет.

Тётя Фира заставила мужчину снять рюкзак и уже раскошегаривала в ванной газовую колонку:

– Вот... погорячее... забирайся давай. Мыло, полотенце... у тебя там в вещах сухое что-нибудь есть?

Не Софочкин же махровый халат ему, действительно, предлагать.

Незнакомец посмотрел на тётю Фиру и опять ничего не ответил, расстёгивая одежду заторможенными движениями лунатика. Её слова то ли доносились к нему с другой планеты, то ли не доносились совсем. «Не жилец», – мелькнуло у неё в голове, ибо состояние парня ей не нравилось категорически. Таких она тоже достаточно повидала. И знала, чем дело кончается, когда человек по какой-то причине перестаёт быть на этом свете за своего. Она вернулась в прихожую и решительно расстегнула рюкзак. Гладкие лавсановые ремни легко скользнули в зажимах. И пускай, если больно охота, подозревает бедную старую тётю Фиру хоть в каком воровстве!

Ей повезло: прямо под крышкой лежал прозрачный пакет с тельняшкой и спортивными штанами. Тётя Фира отнесла пакет в ванную и побежала на кухню соорудить чай. Из хозяйственной сумки, лежавшей на полу в коридоре, торчал Васькин хвост, пышный, как страусовое перо. Эсфирь Самуиловна схватила сумку и вытряхнула сначала кота, потом злополучную треску Bordelaise. Ничего! Как-нибудь в другой раз...

Кухонная техника, купленная Софочке давно уехавшими сыновьями, была суший восторг. Всё, что надо для счастья пожилому одинокому человеку. Даже оладий можно нажарить сразу много и положить в морозильник, а потом разогревать в микроволновой печи и кушать, как только что испечённые. И благородный белый электрочайник закипал почему-то гораздо быстрее древнего алюминиевого, что она у себя дома грела на плитке... Когда в ванной перестала шуметь вода и мужчина вышел наружу, у тётю Фиры уже всё было готово. Она собралась идти за своим гостем, но против её ожиданий он сам явился на кухню. Ей даже показалось, что от горячего душа в нём чуть прибавилось жизни.

– Тебе с сахаром? – спросила она, наливая в чашки пахучий дымящийся чай.

Сначала ей показалось, будто он опять пропустил её слова мимо ушей. Однако потом он посмотрел на неё и кивнул.

У Софочки на кухне была мощная люминесцентная лампа, так что тётя Фира смогла наконец поподробнее рассмотреть своего гостя. Худое лицо, незапоминающееся и невыразительное. Сильные мужские руки, обтянутые полосатыми потрёпанными рукавами. И короткий ёжик густых волос. Как теперь отчётливо видела тётя Фира, никаких не пепельных, а совершенно седых. Она вдруг подумала, спустил ли он в колонке горячую воду, прежде чем закрывать кран. Софочка всегда велела так делать, чтобы не портились трубы. И ещё, куда, интересно, он побросал мокрую рубашку и грязные джинсы?.. Тётя Фира спохватилась и решила: раз уж ей приходили по поводу этого человека подобные мысли, значит, дела были не совсем безнадежны. Он бесцельно болтал ложечкой в чашке.

– Ты пей, пока горячее, – сказала тётя Фира. – Оладьи бери, сметану, варенье...

Она боялась, что он так и просидит над нетронутым чаем, забыв, как с ним поступать. Гость поднял на неё ничего не выражающий взгляд и неожиданно попросил:

– Расскажите про Киру.

Голос был чужой и сипловатый – голос человека, сутки не открывавшего рот. Кажется, он вправду начинал оживать, и тётё Фире показалось неудобным продолжать говорить ему «ты».

– Я Кирочкиных друзей всех вроде знала, а вас что-то не помню, – сказала она. – Вы ей, наверное, сослуживец? Вас как звать?

– Алексеем.

Васька чуял на столе множество вкусных вещей и тёрся у ног, выпрашивая кусочек. Он бы с удовольствием вспрыгнул и всё изучил сам – но на стол, тем паче в чужом доме, хозяйка его не допускала. Гость смотрел, и старая женщина скомкала на коленях передник:

– А меня – Эсфирь Самуиловна... Кирочка всё больше тётёй Фирой звала... Ну что ж вам рассказать... Убили её ведь, Кирочку нашу. Осенью, в октябре... шесть лет будет уже... двадцать седьмого числа...

– Кто? – медленно и как-то тяжело спросил Алексей.

Тётя Фира не сразу догадалась, что он говорит об убийцах, а когда догадалась, то безнадёжно махнула рукой:

– Да их на другой день задержали, всё молодые ребята, жили в том же дворе... Пьяные были... Хотели, говорят, обручальное колечко взять и с шеи цепочку, там у неё второе колечко висело, от мужа осталось... она не сняла, отбивалась, ну и... Лучше бы отдала, милиция бы, может, вернула...

Алексей неподвижно смотрел в стынувший чай. Руки оставили в покое ложечку и просто лежали на цветастой клеёнке.

– Они где сейчас? – проговорил он. – Сидят? Тётя Фира невесело засмеялась:

– Таких разве достанешь... С такими фамилиями... Упекли одного из той же компании, так он Кирочку даже не трогал. Заступиться некому было, адвоката нанять, вот на него и свалили.

– А остальные? – всё тем же бесцветным голосом спросил Алексей.

– У меня тут как раз газетка отложена, – засуетилась тётя Фира. – Вот. Сами читайте.

Порылась на подоконнике и протянула ему «Ведомости» со статьёй Бориса Благого. Газета была довольно затрёпанная – чувствовалось, не ему первому тётя Фира её давала читать.

«... Но гораздо больше сверкающих в гараже „Вольво“ и „Мерседесов“ потрясает другое, – гласил последний абзац. – То ДРУГОЕ, что, будем надеяться, скоро во многом определит лицо нового российского предпринимательства. Я уже видел это в „Инессе“, и имя этому – ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ. Допускаю, читатель, что вы скептически улыбаетесь. И я прятал усмешку, пока у меня на глазах молодой бизнесмен не снял трубку и не позвонил прямо в Смольный такому же молодому политику. „Володя, – сказал он, – есть там у тебя дельные ребята после Чечни? Есть? Немедленно присылай. Что? Жить негде?.. Да всё сделаем, и комнату купим, без проблем...“ Вы уж простите меня за прекрасные сантименты, читатель, но когда после этого разговора я вышел под хмурое петербургское небо, мне показалось, что в нём вот-вот выглянет солнце. Большие дела всё же вершат эти ребята, которых мы совсем недавно называли бы просто мальчишками. Они, вероятно, и в самом деле ещё не изжили в себе некоторого мальчишества, но как тут не вспомнить, что во время войны их ровесники вели в бой роты и батальоны! Так, может быть, и сегодня настала пора оказать им побольше доверия?..»

– Вот они где сидят, – подливая Алексею в чашку горячего, сказала тётя Фира. – Один в «Мерседесе», Другой в кабинете начальником. И третий тоже там где-то при них... на тёплом местечке...

Алексей промолчал. К её некоторому удивлению, он очень внимательно прочитал всю статью от начала и до конца. А потом аккуратно положил газету и – вот уж чего она никак не ждала – отхлебнул чаю и потянулся к оладьям. Так, словно у него появились на этом свете дела.

– Хорошо хоть, нашлись хорошие люди, – вздохнула тётя Фира. – Сразу взяли дочку в семью, ни про какой детский дом даже говорить не позволили... Жуковы – да вы их, наверное, знаете... Нина с Валериком... У Кирочки своей родни один отчим был, да и тот в Казахстане, даже на похороны не приехал...

Алексей перестал жевать. Тётя Фира посмотрела и увидела, что глаза у него из чёрных опять сделались нормальными. Блёклыми, неопределённо-серыми, как зола. Но всё же нормальными. Он глухо спросил:

– Дочку?..

– Ну да, – кивнула тётя Фира. – Стасеньку. Хорошая девочка, а на Кирочку как похожа...

Гость молча взял ещё одну оладью и стал её есть. Тётя Фира подумала, а не предложить ли ему чего посушественней... и вот тут гениальная догадка озарила её. У Кирочки ведь был не то чтобы муж – ухажёр. Парень моложе её, с которым она встречалась всего-то неделю и даже не приводила знакомиться: то ли не успела, то ли застенялась, полагая, что всё совсем несерьёзно. Потом он уехал в Африку с экспедицией и там, как сказали Кире, погиб, а у неё родилась дочь. И вот – шма-Израэль! – через тринадцать лет является некто. С цветочками. Вполне подходящего возраста. Явно приезжий. И от известия о Кириной смерти начинает, простите, вести себя так, словно поседел бы в этот самый момент, если бы уже не был совсем седым. Тётя Фира знала, что несчастная покойница записала дочь «Константиновной», но Боже ж ты мой! Иные вон аж в Афганистане находятся, после многих лет плена, семейные уже, принявшие магометанство. У старой женщины ликующе засветились глаза, она подалась вперёд, готовая произнести вслух заветное слово...

...И, как на стену, натолкнулась на взгляд Алексея. Он смотрел ей в глаза и молча, медленно качал головой. *Не задавай этого вопроса, тётя Фира. Не надо. Не задавай. А то больше никогда не увидишь меня и больше ничего не узнаешь...*

И вместо того, чтобы торжественно обнародовать своё озарение, тётя Фира просто спросила:

– Вы, Алёша, я так понимаю, откуда-то прибыли? У вас есть где остановиться?..

Васька, отчаявшись привлечь внимание, встал «сусликом» и издал не слишком кошачий звук, всего более похожий на тьяканье.

Как выяснилось, податься Алексею в Питере было некуда, и нежелание расставаться пробудило у тёти Фиры свойственную её народу практичность. В коммуналке на Кирочной (так теперь называлась улица Салтыкова-Щедрина) у неё были две крохотные комнатки, одну из которых вполне можно было сдать. Алексей обдумал предложение и ответил согласием.

За окошком тем временем повисли мокрые сумерки, и тётя Фира взялась устраивать гостя на ночь.

– У меня спальник есть, – сказал Алексей.

Она последний раз имела дело со спальниками лет сорок назад и потому слегка удивилась, не видя объёмистого ватного свёртка, притороченного к рюкзаку. Она даже попробовала вспомнить, был ли при нём такой мешок накануне – не мудрено, если потерял, – но вспомнить не удалось. Пока она размышляла, он вытащил из рюкзака невесомую крохотную колбаску синтетической ткани и заодно принёс паспорт – выдавший виды и далеко не новенький (как тётя Фира почему-то ждала), выданный аж в семьдесят восьмом году, во время обмена. Паспорт, в частности, гласил, что ленинградец Алексей Снегирёв почти всю жизнь жил в Киргизии, потом сбежал оттуда в период «событий» и с тех пор мыкался, не имея собственного угла. Всё это плохо согласовалось с тёти-Фириными догадками, но она решила помалкивать. Тем более Алёша успел ей понравиться. Ну там, мысли читает и лишних вопросов как бы не стоит

ему задавать – дальше-то что? И какое ей, спрашивается, до всего до этого дело?.. И вовсе даже никакого дела ей до этого нет!

О вреде сухого закона

Если кто не знает, что на Карельском перешейке есть совершенно дивные места, тот просто никогда там не был или у него атрофировалось чувство прекрасного. Душа же нормального человека не может не прийти в состояние возвышенного благорастворения при виде прозрачного соснового леса, поросшего вереском. А огромные гранитные валуны, а заросли малины, а узкие и длинные ледниковые озера с прозрачной водой, а холодная как лед Вуокса!

Особенно хорошо уехать подальше от города. Если по Выборгскому направлению, то за Каннельярви. Просто рай на земле.

Так думает не только простой смертный, вылезая из электрички с корзинкой в руках, так рассуждает и новый русский, и даже вор в законе. Они, в конце концов, тоже люди.

Поэтому не следует удивляться, с чего бы это вокруг одного из домов в небольшом поселке со славным названием Ясное, на самом берегу озера, внезапно вырос забор. Вскоре произошли и другие изменения: дом заново перекрыли, выкрасили нарядной импортной краской и пристроили большую светлую веранду. Вряд ли всё это явилось делом рук или кошелька самой Валентины Петровны, владелицы дома. На её пенсию можно было починить разве собачью будку, да и то – с грехом пополам. Однако факт оставался фактом, и на жгучие вопросы односельчан, кто же учинил этакое диво, пенсионерка отвечала: «Дачники...»

Действительно, уже в мае, когда окончательно распустились деревья и зацвела черемуха, в обновленном доме Валентины Петровны появились дачники.

Все немногочисленные жители поселка Ясное, разумеется, живо ими интересовались.

– Там дамочка такая вся из себя модная, – рассказывала тётка Нюра, которая сподвиглась проникнуть за высокий забор, потому как носила туда молоко. – И девчоночка у них, прям что твоя куколка, лет пять-шесть. А при ей нянька, или, как это сейчас говорят, гувернантка, и знай всё не по-нашему сыпет...

– Ну и чего? И с тобой не по-нашему? – спрашивали любознательные односельчане.

– Да она со мной и не говорила. Она с девчушкой всё лопотала. А та и отвечает... Я прям чуть не обхохоталась – такая козявка, а уже по-нерусски малякает!

– Вишь ты, – удивленно качал головой дед Кирюша.

– Мучают ребенка почему зря, – сказала Леонтьевна. – А потом удивляются, отчего нервы у всех.

– И охрана расхаживает. Два бугая... – тётка Нюра огляделась, ища, с чем бы сравнить. – Ну вот. Маринка, взять хоть твоего Ваську, только в плечах в два раза пошире и ростом на две головы выше... Вот такие!

– Ну-у, будя врать-то! – не поверил дед Кирюша.

– А вот и не вру! – настаивала Нюра. – Сам поди посмотри, костыль только не потеряй!

Скоро один из охранников, Мишаня, появился в поселковом магазине, и жители сами убедились, что он был именно таков, каким его описывала молочница. Парень отоварился сигаретами, пепси-колой, консервами, купил две колоды карт. Водки же, хоть её и было семь видов – выбирай любую, – почему-то не взял, и это несказанно всех удивило.

Потом поползли слухи, что на даче живет то ли жена с дочерью, то ли дочь с внучкой какого-то очень важного человека, а потому у охраны строжайший сухой закон. Это было понятно, неясным оставалось другое – как ему, этому важному человеку, удалось добиться, что такой-то закон ещё и выполнялся!

– Вызвать бы, да Президенту письмишко... – посмеивался дед Кирюша. Он иногда слушал радио и был очень сведущ в делах государства. – А то сколько законов приняли и всё плачутся, что выполнить не заставишь...

Все было тихо и мирно, пока девочка, гуляя вокруг озера, не заинтересовалась у своей бонны:

– Les arbres là, pourquoi ne sontils verts?⁴

И действительно, там, вдалеке, где местное озеро соединялось протоками с двумя другими, стоял по-зимнему черный лес. Даже сосны пожухли. Никто как-то не обращал на это внимания, – мало ли может быть причин для гибели леса! Однако прошло несколько дней, и Мишаня стал жаловаться, будто бы его всё время преследует запах какой-то дряни. Другие ничего подозрительного унюхать не могли и решили, что У Мишани «поехала крыша», сиречь приключились обонятельные глюки. «Это из-за сухого закона», – решил второй охранник. Сева. Хлопцы были конкретные, сказано – сделано: той же ночью Мишаня тайком слазил через забор к бабе Нюре и угостился самогоном её собственного изготовления. Однако глюки продолжались, об этом сообщили в Питер, приехала машина и увезла Мишаню в город, а на его место прибыл новый охранник. Должно быть, с более крепкими нервами.

Вскоре, впрочем, запах стал мерещиться и другим, в том числе гувернантке. Когда же в озерце вдруг сдохла рыба и поплыла к берегу брюхом вверх, а следом поплыли не в меру жадные чайки, – до всех вдруг дошло, что происходит экологическая катастрофа районного масштаба.

Молодая женщина позвонила по сотовому телефону, и часа через два в Ясное, взметая пыль, влетели громадные серебристые джипы. Они промчались мимо магазина, где коротал время дед Кирюша, и свернули в сторону дачи за высоким забором.

– Вона как! – восхищенно сказал старик. – Прямо что твой носорог!

– Где ты носорогов-то видел, дед? – со смехом спросила Маринка.

– Как где? – обиделся Кирюша. – А что ж, по-твоему, совсем темный? Уж и телевизор не смотрю? Носорог – он в Красную книгу занесён. Это вы, молодежь, ничем не интересуетесь...

Маринка была самой молодой из коренных жителей Ясного, было ей всего-то сорок четыре года.

Они ещё стояли и разговаривали, когда джипы показались опять. За тёмными стёклами промелькнули расплывчатые силуэты – девочка, её мать, нянька и гувернантка, оба охранника...

– Да никак уехали?! – всплеснула руками Маринка. – Лето-то едва началось!

– У них, у богатеев, всегда так, – таким тоном, словно всю жизнь только и вращался в обществе этих самых богатеев, сказал дед Кирюша.

– А Нюра-то губы раскатала, молоко каждый день носить!

Новость быстро облетела поселок. Начали спрашивать Валентину Петровну, но та только пожимала плечами: запах им, видите ли, не понравился.

А ещё через пару дней приехал необычного вида фургон, из которого вышли люди, по виду вроде геологи, только очень уж мрачные и молчаливые. Они облазили берега всех трёх озёр, брали пробы воды, почвы, воздуха. В конце концов дед Кирюша подошёл к одному из «геологов»:

– Нефть, что ли, ищите?..

– Скоро тут не то что нефть – вся таблица Менделеева фонтаном забьёт, – загадочно ответил «геолог». – А вообще уноси-ка ты, дед, отсюда ноги, если не хочешь их раньше времени протянуть!

Потом он всё-таки разговорился и пояснил: пробы, мол, показали увеличенное в тысячи раз по сравнению с нормой процентное содержание солей тяжелых металлов, аммиака, ядовитых веществ и всякой прочей дряни.

---

⁴ Почему вон те деревья не зелёные? (фр.).

– А, так вы вона про чё! – махнул рукой дед. – Так бы сразу толком сказали. Это ж с Бездонного тянет.

Бездонным называлось глубокое озеро по соседству, и протока из него вела не простая – подземная.

– А ну-ка, дедуля, проводи нас туда!

Все это происходило в начале июня, и дед Кирюша никак не думал, что за лето он не раз будет водить самых разных людей к большим сараям, между которыми был вырыт глубокий котлован, сейчас кое-как присыпанный.

– Мы-то думали, строительство затевают какое, – радуясь вниманию, без усталости рассказывал дед Кирюша. – Дорогу ведь провели, грунтовку. Экскаватор пригнали, рыли чегой-то, сараи эти поставили. Быстро всё, мы и мигнуть не успели... А потом грузовики стали ездить – шасть туда, шасть обратно! Мешки привозили, плотная такая плёнка, хорошая. У нас бабы думали, можа, цемент или чего полезное... Открыли один, от вони чуть не задохлись...

– Кто ж это всё делал?

– А кто их знает? – пожимал плечами дед Кирюша, – Нам ведь не сказывали...

Смерть мецената

Две недели назад, опять-таки в центре, у передвижного металлического ларька Валентин Кочетов угостил гамбургером голодную женщину. Женщина была давно не мытым существом в равномерно-бурых обносках – из тех, у кого любой разговор хрестоматийно начинается с протяжного: «Мы сами нездешние...» Она униженно благодарила и порывалась целовать ему руку, которую он, естественно, брезгливо отдёргивал. Тем не менее в результате этой сугубо случайной встречи он сидел сейчас в пустой квартире на улице Солдата Корзуна, терпеливо глядя с десятого этажа на белое здание бани и прилегающие территории. Возле бани располагалась удобная автостоянка, на которой в данный момент бок о бок стояли две одинаковые иномарки да поодаль, в углу, притулилась тускло-жёлтая «Таврия». Возле иномарок возился чернявый парнишка. Он пшикал из аэрозольного баллончика чем-то, наверняка стоившим безумные деньги, потом полировал мягкой тряпочкой и без того сверкающие кузова. Не подлежало никакому сомнению, что на тряпочке тоже где-нибудь красовалась фирменная этикетка.

Часы Кочетова бесстрастно отсчитывали время, и вот наконец у дверей обозначились признаки жизни. С полдюжины крепких молодых людей вышли наружу и начали бдительно озираться по сторонам. Из-за одинаковых костюмов они выглядели близнецами; единственное исключение составляла светловолосая женщина. Появление охраны сказало Валентину, что ждать осталось недолго. Он передвинулся, устраиваясь удобнее, и взял в руки изящную небольшую винтовку. Квартира, в которой он находился, официально как раз меняла владельца; давно не мытые окна были очень естественно пыльными, а небольшое отверстие, вырезанное в стекле, маскировала покосившаяся кормушка для птиц. Плавным, отработанным движением Валентин поднял винтовку и прицелился к оптическому прицелу. Сердце билось не чаще и не реже обычного. Солнце светило из-за угла дома: фасад, обращённый к улице, ещё оставался в тени, зато площадка перед баней и ступени к дверям были отлично освещены. Угол для стрельбы получался, правда, весьма неудобным, но всё сразу хорошо не бывает. Валентин знал, что справится.

И вот из дверей появился человек, чьё лицо Кочетов узнал бы и без фотографий. Это был мужчина лет пятидесяти пяти с характерной внешностью кавказского уроженца. Сквозь редеющие волосы просвечивала смуглая кожа, и полное лицо казалось довольно-таки заурядным, если смотреть анфас. Но вот он повернулся, весело обращаясь к кому-то... профиль был, каких поискать: орлиный, величественный. Захира Эльхан оглы Керим-заде легко было представить во главе роскошного и торжественного застолья, произносящим полный мудрости и поэзии тост. Он в самом деле был большой любитель дружеских застолий, этот питерский азербайджанец, родившийся в сорок первом году на Выборгской стороне. С тех пор он стал большим человеком и приобрёл немало друзей. Но не только друзей. И потому-то сидел на десятом этаже дома напротив молчаливый человек с небольшой компактной винтовкой, и его палец на спусковом крючке уже начал движение.

Собеседник Керимова не сразу понял, что произошло, когда на третьей сверху ступеньке тот поперхнулся на полуслове, а потом нечаянно споткнулся и тяжело осел наземь, неуклюже подвернув правую ногу. Двое телохранителей бросились поднимать principala и увидели, что по его белой рубашке расплываются багровые пятна. Когда же ему приподняли голову, оказалось, что чеканный профиль непоправимо изуродован выстрелом. Белокурая женщина отреагировала хладнокровнее всех: выдернула из кармана рацию и коротко произнесла несколько слов. Остальные ошетинились стволами, запоздало прикрывая Керимова собой, кто-то пытался оказывать уже бесполезную помощь... Валентин аккуратно поставил у стены винтовку, на которой не было никаких отпечатков, побрызгал вокруг специальной жидкостью от

собак, вышел на лестницу и защёлкнул за собой дверь. Потом бесшумно спустился несколькими этажами ниже.

Подоспевшим органам правопорядка не пришлось долго мучиться, выясняя, откуда стреляли: это было довольно-таки очевидно. Бабушки, сидевшие во дворе, рассказали, что из всех шести подъездов в последние четверть часа выходили разные люди, но был ли среди них кто незнакомый, уверенно припомнить не смогли. Пустую квартиру и оставленную винтовку обнаружили быстро. Когда пошли по квартирам, ничего не понимающие жители испуганно показывали паспорта, а когда испуг проходил, убеждали милиционеров посетить пятый этаж. Там, в семидесятой квартире, со вчерашнего дня ужасно шумели. Сущее безобразие.

На звонок никто не ответил, хотя изнутри в самом деле доносился шум и возбуждённые голоса пополам с музыкой. Делать нечего, пятеро в масках заняли позицию перед дверью. Рослый командир вежливо позвонил ещё раз, потом кивнул квадратному, метр в плечах, великану. Тому понадобилось лёгкое нажатие ладони: раздался скрежет и треск, сопливая дверь обрушилась внутрь вместе с рамой и петлями. В лица «маскам» пахнуло замечательной смесью остывшего табачного дыма, алкогольных паров и женской косметики, приправленной запахом недоеденных салатов. Ворвавшуюся пятёрку встретила немая сцена: посреди гостиной замерли танцующие, подняла головы парочка, устроившаяся в сторонке... только музыкальный центр продолжал греметь танцевальной эстрадой. Великан неторопливо подошёл к нему и ткнул пальцем в сетевую кнопку.

– Всем лечь на пол, – не видя попыток к сопротивлению, нормальным голосом велел командир. – Милиция.

В прорезях чёрной маски поблёскивали глаза, ярко-синие, как сапфиры. Люди в комнате начали загипнотизированно опускаться на жёсткий палас, изрядно попорченный окурками и разлитым вином.

– Так!.. – единственный из всех подал голос молодой темноволосый мужчина, целовавшийся с девушкой на диване. Его рука скользнула к поясной сумочке, но прежде, чем он успел что-либо оттуда извлечь, к нему как по воздуху подплыл самый маленький и хрупкий с виду член группы захвата. Дальше произошло нечто непередаваемо жуткое. Мужчина с невнятным воплем взвился на цыпочки, кривясь от боли и беспомощно размахивая свободной левой рукой. Его правая, та, что так неосторожно лезла в сумочку, была вывернута самым жестоким и противоестественным образом. Кудрявая девушка, от которой столь драматично оторвали ласкового партнёра, вскинула ладони к щекам и истерически завизжала.

– А ну заткнись!.. – рывкнула «маска», обращаясь сразу к обоим, и для доходчивости воткнула мужчине в рёбра небольшой крепкий кулак. Удар был отлично поставлен. Жертва болезненно охнула, захлебнулась и рухнула на колени, спасая ещё не повреждённые части тела.

Девушка перестала визжать и только всхлипывала. До неё, видимо, вдруг дошло, что голос, доносившийся из-под маски, тоже был женским. А значит, на снисхождение, которое ещё могли бы проявить затянутые в серый камуфляж мужики, в данном случае рассчитывать не приходилось. Она тихо сползла на пол и отважилась лишь поёрзать, одёргивая юбочку.

Следом за группой захвата уже вбегали другие сотрудники. Девушка в маске весьма неохотно выпустила своего подопечного, со стоном кусавшего невкусный палас, и тот получил наконец возможность показать содержимое своей поясной сумки. Милиционеру пришлось лезть туда самому, поскольку жертва произвола могла только бережно разминать правую руку и шёпотом материться, с ненавистью косясь в сторону мучительницы. В сумочке оказалось удостоверение на имя Валентина Михайловича Кочетова, причём столь грозное, что молодой лейтенант проникся невольным почтением. Командира группы захвата впечатлять оказалось трудней, но в дальнейшем Кочетова опознали жители квартир на первом этаже и напротив. Как выяснилось, он прибыл на вечеринку ещё накануне, притом забыв бумажку с адресом в другом пиджаке: номер дома кое-как вспомнил, а вот квартиру – хоть тресни. Он и спраши-

вал жильцов, где найти Столяровых, а сосед напротив, указавший ему нужную дверь, видел и слышал, как в семидесятой радостно встречали опоздавшего гостя. Само по себе это никому железных алиби не давало, но удостоверение было уж очень солидным и оказалось вдобавок подлинным, так что Кочетова отпустили раньше других.

Вечером он сидел дома недовольный и злой и смотрел новости. Телевизионщик нынче пошёл разворотливый: новопреставленного, правда, запечатлеть не успели, но милицейскую беготню застали в самом разгаре. Хмурый офицер морщился, как от зубной боли, рассказывая, что на Эльхана оглы напустили явно киллера высокого класса.

– Высшего! – ревниво пробурчал Валентин. – Высшего!

Действительно, стрелял он под очень неудобным углом, и тем не менее каждая мастерски посланная пуля – в голову, шею и грудь – была смертоносной. Причём два из трёх выстрелов делались по уже падавшей, то есть движущейся, мишени, и это значило, что промежутки были невероятно короткими.

– Работал, как в тире, – сквозь зубы прокомментировал офицер.

– А то как же, – смягчаясь, согласился с ним Валентин.

Увидев крупным планом кровь на ступеньках, он усмехнулся. Ещё приклеили бы к ней стодолларовую купюру, и метафора была бы полная. Хотя и двусмысленная. Цена жизни в нынешние благословенные времена. А что? Нравится это кому или нет, а неоценимого действительно не бывает. Закон природы. Глупые пишут против ветра, умные подставляют ему паруса. Такая, братцы, игра.

Валентин потянулся за соком, необдуманно пустив в ход правую руку, и локоть очень нехорошим образом ёкнул, выстрелив болью. Кочетов ругнулся и опустил руку обратно в тёплое гнездо, устроенное на коленях. Он сам был далеко не дурак в рукопашном бою, но из баб, когда они берутся не за бабское дело, почему-то получаются сущие монстры.

Операция прошла без сучка и задоринки, как это всегда и бывало в делах, подготовленных для него «Эгидой», но, чёрт побери, можно было бы обойтись без членовредительства! Низкий поклон Лоскуткову за прикрытие и страховку, только хорошо бы он ещё попридержал свою ненормальную Дегтярёву: сволочная девка на полном серьёзе чуть не оторвала Валентину конечность. Она не знала, кто он такой, но легче от этого не становилось. Он уже студил руку под краном, а теперь обмотал её грелкой, но запястье и локоть ныли по-прежнему. Съесть бы анальгин, но таблетки, даже обезболивающие, он принимать не любил.

А кроме того, боль в руке помогала глушить неизбежный в таких случаях «отходняк». Валентин не был суперменом. Желудок сводило мнимым голодом, в голову так и лезла мысль о припасённой в холодильнике твёрдокопчёной колбаске. Не помни Дегтярёва ему руку, он бы дёргался сейчас ещё вдвое сильнее. Грызла бы мысль: больно уж чисто-гладко всё состоялось, кабы в следующий раз не...

– И, как всегда, киллера не поймали... – сокрушался тележурналист.

– Конечно. А ты как думал, – усмехнулся Валентин.

– ... Но зато сорвали злость на участниках безобидной вечеринки, не имевших никакого отношения к случившемуся...

В кадре возникли возмущённые и обиженные лица злополучных гостей. Некоторые были украшены полновесными «бланшами».

– Итак, Фонд помощи имени легендарного Якова Львова осиротел, – рассказывал молодой репортёр. Он стоял на фоне знакомого беловатого корпуса, по-летнему тёплый ветер сдувал волосы ему на глаза. – Осиротела детская футбольная команда «Бьеф», которая, не секрет, в самые трудные годы пользовалась финансовой поддержкой Керим-заде, выросшего на Кондратьевском проспекте. Никогда больше на некогда могучем Турбинном заводе не услышат его жизнерадостного «Ахмах, да?». Остались без дружеской опеки как многие молодые спортсмены, так и ветераны, уже завершившие свою карьеру на помостах и рингах...

– А то ведь у государства денег на них, естественно, нет, – сказал Кочетов телевизору. – Вот такие ребятки разворовали, потом чуток поделились – и уже благодетели!

На экране возникла врезка: известный спортивный комментатор, юная гимнастка, прикованная к инвалидному креслу, и популярный исполнитель с неразлучной гитарой. Все они клеймили убийц, оборвавших жизнь замечательного человека. Гимнастка, вот уже два года без жалоб борющаяся с последствиями травмы спины, не прятала слез. Она говорила о том, как уходит желание жить, когда некому защитить Захира Эльхановича и подобных ему от взрыва и пули.

– Ага, – проворчал Валентин. Он до сих пор со смешанными чувствами смотрел передачи, сюжеты которых ему приходилось, скажем так, создавать. Он надеялся, что это скоро пройдет.

– В день, причинивший столь многим искреннюю и глубокую скорбь, очень не хотелось бы вспоминать некие слухи, витавшие последнее время вокруг имени Захира Керим-заде, – продолжал комментатор. – Увы, из песни слова не выкинешь. Вот здесь, – он поднял свежие «Ведомости», – опубликована статья, где в корректной и мягкой форме задаются некоторые неизбежные вопросы. А именно. Куда конкретно была направлена основная часть средств, полученных от продажи за рубеж цветных металлов из госрезерва, выделенных по указу Президента при самом создании Фонда? Как возникла фотография, где с покойным по-свойски чокается авторитет уголовного мира Иван Бородинский, он же Ваня-Борода, недавно, кстати, убитый в Америке? И что, наконец, за таинственный недуг в одночасье скосил четверых высокопоставленных руководителей Фонда – молодых мужчин, никогда не жаловавшихся на здоровье? Между прочим, автор упомянутой мною статьи говорит, что ещё до её публикации поступило несколько телефонных звонков с откровенными угрозами в его адрес...

Боль не унималась. Валентин разматал эластичный бинт, откупорил тёмную бутылочку с китайским снадобьем и стал втирать в покрасневшую кожу оранжевое пахучее масло. Масло быстро впитывалось и приятно щипало. Бутылочка стоила девяносто три тысячи. Бумажка, составленная на чудовищном подобию русского языка («При головной боли употреблять путём понюхивания...»), возводила рецепт аж к Шаолиньскому монастырю. Вряд ли Валентин купил бы эту притирку, если бы до сих пор работал, как предполагалось, исключительно на «Эгиду». Смешно теперь вспомнить, но ведь два года назад, когда всё начиналось, он был такой же идейный бессребреник и святая душа, как Плещеев и остальная команда. По счастью, довольно скоро судьба (или, верней, не судьба, а длинная и тщательно подобранная цепочка знакомств) вывела его на «дядю Кемаля» – Кемаля Губаевича Сиразитдинова, обитавшего в Пушкине. Получив вполне конкретное предложение, Валентин сначала отнёс его как полностью неприемлемое. Однако некую струнку в его душе оно, как выяснилось, зацепило, и толчок размышлениям был дан. Спустя некоторое время его посетила забавная мысль об искоренении криминалитета за его же собственную капусту. Вскоре он убрал для дяди Кемаля владельца подпольного заводика, выпускавшего отраву в бутылках, получил десять тысяч долларов и решил, что следовало, пожалуй, мыслить шире, чем это удавалось Плещееву. Потом наступил черёд чиновницы Вишняковой; к десяти тысячам прибавилось ещё двадцать и встал вопрос, как употребить эти деньги на что-то приятное и душеполезное, не возбудив нежелательного внимания. Зато сегодняшнее дело мало принесло ему, кроме боли в руке. Если бы в «Эгиде» ему платили столько же, сколько он зарабатывал у дяди Кемаля!.. Обидно же, ведь там и там он делал фактически одно дело. Он подумал о том, что следовало бы съездить на Невский и посмотреть, не появились ли на знакомом лотке новые книги.

Натуральный притон!.

Это была совсем молоденькая девчущка, розовый бутончик только что из-за парты, и для того, чтобы перешагнуть эгидовский порог, ей понадобилось не на шутку собраться с духом. Толкнув наконец стеклянную дверь, она пугливо остановилась и начала оглядываться. По её разумению, сразу за дверью должен был бы находиться стол с телефоном и при нём – внушительный, но вежливый и гостеприимный секьюрити. Ничего подобного! Маленький холл, не слишком, кстати, презентабельный, был безлюден. Даже звонок не отозвался в глубине помещений. Тоже, называется, охранное предприятие! Сапожники без сапог. Справа – голая стенка, прямо по курсу – лестница наверх, а налево – широкая открытая дверь. Заглядывать в эту дверь Наташе сразу же расхотелось. Оттуда неслись не всегда цензурные возгласы, хохот и топот ног, а время от времени – тяжёлые глухие шлепки, как будто в большом помещении роняли на пол мешки с мокрым бельём. Наташа вздохнула и поняла, как чувствовали себя вынужденные эмигранты в свой первый день на чужбине. Словно в ответ на её вздох, под лестницей произошло движение, и стало ясно, что секьюрити при входе сажать было излишне. На девушку молча и по-деловому надвигались два больших пса.

В первый момент Наташа здорово перетрусилась и решила: вот оно, закономерное окончание всей её неудавшейся жизни. Она не кинулась обратно за дверь только потому, что где-то слышала, будто бегать от собак самое последнее дело: лучше просто стоять. Овчарки, однако, рвать её не спешили. Спокойно подошли и начали сосредоточенно обнюхивать. Явился чужой человек, надо же познакомиться...

Оправившись от испуга, Наташа рассмотрела в дальнем углу глазок видеокамеры. Надо полагать, за ней наблюдали, а стало быть, на съедение псам не отдадут. Если, конечно, сапожник вправду не был сам без сапог...

Тут из спортзала выглянул молодой человек. Если Наташа вообще что-нибудь понимала, это был как есть самый отъявленный бандюган: бритая голова, потная рожа со сломанным носом, шрамом на лбу и азиатскими скулами. Дополняли картину потасканные армейские брюки на кривоватых ногах и тельняшечная маечка, не скрывавшая синих татуировок по мускулистому торсу. Ну то есть мама была на сто процентов права, когда отговаривала её от похода сюда. Натуральный притон. И почему мама всегда оказывалась права?..

– Здравствуйте! – весело и душевно поздоровался с ней «бандюган». – У вас всё в порядке? Кто вас обидел?..

Наташа запоздало сообразила, что, видимо, внешне не тянет ни на бизнесменшу, пришедшую заключать договор, ни даже на торговку-единоличницу, выступающую от лица своих товаров, обиженных уличным рэкетиrom. Ну а зачем бы соваться в охранное агентство небогато одетой девчонке с внешностью школьницы, как не в поисках защиты от каких-нибудь пристава? И улыбающийся парень попросту спрашивает: «Миленькая, ты скажи только, кому за тебя морду набить?..»

– Я... Здравствуйте, – вконец смутившись, пролепетала она. – Я... я бы хотела... если возможно... на работу устроиться...

– Тогда вам наверх, – авторитетно сказал бритоголовый. Она не видела, какую команду он подал собакам, но те сразу отстали и убрались обратно под лестницу. – Это вам к Сергею Петровичу. Он как раз у себя... самая первая комната.

– Спасибо, – поблагодарила Наташа и стала подниматься по ступенькам.

Таинственный Сергей Петрович был, похоже, начальником, потому что «самая первая комната» представляла собой типичный предбанник важного кабинета. Наташа успела их повидать, пока сопровождала маму в её хождениях по инстанциям. Здесь присутствовал почти весь джентльменский набор: светло-кремовые стены, диван, столик с журналами «Оператив-

ное прикрытие» и «Soldier of Fortune», шкаф, хорошо сделанные моющиеся растения и длинный стол с включённым компьютером (второй, только наверняка никогда не включавшийся, пылился небось у самого начальника в углу кабинета). За столом колдовала над кофеваркой белокурая красавица секретарша. Наташа сразу узнала в ней ту самую Аллочку, чей разговор с такой же холёной подругой она случайно подслушала вчера на автобусной остановке. Вот только на лице у девушки было совсем не то презрительно-ленивое выражение, с которым она жаловалась на низкий интеллект большинства сотрудников, не соответствовавший её уровню: из-за этого-то несоответствия она, мол, и подумывала устроиться в более приличную фирму. Сейчас перед Наташей был совсем другой человек. Сама нежность, забота, внимание и ещё многое, – о да, ещё многое-многое. То, для чего не хватало выразительных средств лица, успешно высказывали гибкие стройные бёдра, облепленные потрясающим мини («Никто не может дать ответ, то ль юбка есть, то ль юбки нет...»). Возле кофеварки стояли две чашечки. Девушка собиралась угощать кофе очень красивого черноволосого парня, сидевшего в кресле напротив. И делала это так, что в казённом директорском предбаннике словно бы сам собой уже сгушался интимный полумрак и начинала звучать тихая музыка, а на столе готова была неярко затеплиться пара свечей...

Наташа молча замерла на пороге и с упавшим сердцем поняла, что можно спокойно разворачиваться и уходить. Никуда эта Алла, естественно, не уволится. А вторая секретарша занюханной конторе уж точно нужна как собаке пятая нога.

Принять окончательно решение она не успела. Две огромные руки, без предупреждения возникшие сзади, чуть приподняли её и переставили на полметра в сторонку, причём сделали это с такой мягкой лёгкостью, словно она была невесомым пластмассовым пупсом. Наташа ощутила лишь краткий миг взлёта и даже не испугалась, а впереди уже замаячила спина неслышно подошедшего великана. Голая, потная и необозримая в своей мощи. И сплошь покрытая рыжим вьющимся пухом.

Пока Наташа силилась что-то сообразить, Алла, стоявшая наклонясь к кофеварке, обернулась через плечо, увидела вошедшего и сделалась весьма похожей на себя вчерашнюю – ленивая Багира, готовая шарахнуть когтями, – а великан встал в картинную позу и шаляпинским басом продекламировал:

Милка во поле трудилась,
К травам плавно наклонилась.
У быка, что позади,
Сердце ёкнуло в груди...⁵

С секретаршей произошла ещё одна метаморфоза: царственная Багира превратилась в дворовую кошку, политую из окна кипятком. Сквозь чудеса косметики проступила свекольная краска, из глаз брызнули слезы. Девушка схватила стоявший на столе графин и с криком запустила им в оскорбителя. После чего вылетела за дверь и вихрем умчалась по коридору. Не иначе, рыдать в туалете.

Наташа проводила её глазами и подумала, что мама была права даже не на сто процентов, а на все двести. Не просто притон. Ещё и форменный гадюшник...

Между прочим, черноволосый красавец и не подумал вступаться за девушку. Лишь смешливо сощурился и укоризненно покачал головой:

– Ну-у, Сень... уж так-то зачем... Великан Сеня поставил на стол совершенно целый и даже не расплескавшийся графин, щёлкнул каблуками и вытянулся:

– Оберегаю любимого командира от сексуального домогательства...

⁵ Частушка А.А.Шевченко.

Пока Наташа раздумывала, уж не сам ли Плещеев этот «любимый командир» (ну ни фигя себе шеф!), он повернулся в её сторону:

– Здравствуйте. Вы к кому?

– Я к Сергею Петровичу... – пискливо от волнения пояснила Наташа. – Мне сказали, надо к нему... я по поводу работы...

Вот никогда не думала, что в синие глаза так трудно смотреть. Мало того, что они кажутся ненастоящими; невозможно отделаться от мысли, будто слишком красивый человек плевать хотел на все остальные вопросы и только думает о собственной красоте.

– Сейчас посмотрю, как там шеф, – кивнул «командир», оказавшись совсем не Сергеем Петровичем. – Подождите секундочку.

Приоткрыл дверь, хотя вполне мог бы нажать кнопку селектора, заглянул внутрь и обернулся к Наташе:

– Заходите, пожалуйста.

К этому моменту она уже откровенно надеялась, что с трудоустройством ничего не получится, но привычка взяла своё. Сделала шаг, так уж иди до конца. Иначе нечего было и затеваться. Она ступила через порог.

Она собиралась разговаривать с лысеющим пожилым дядькой, вросшим в кресло и даже в летнюю пору облачённым в шерстяной официальный костюм. Конечно, он будет либо раздражённо бежать куда-то по неотложным делам, либо, наоборот, равнодушно смотреть сквозь неё в стену. Вместо этого... с ума сойти! – ей навстречу вдоль длинного стола шёл призрак Влада Листьева. И приглашал побеседовать в удобных креслах возле большого окна, выходявшего на Московский проспект. Окно, как сразу заметила Наташа, было суперсовременное вакуумное, не пропускающее холода и жары. Она видела такое дома у состоятельной одноклассницы.

– Я вас слушаю, – сказал Сергей Петрович.

«Любимый командир» неслышно возник рядом с ними и поставил на столик две чашечки с кофе. Не иначе, те самые, что так любовно варила себе и ему бедная Алла.

– Мне бы, если можно, на работу устроиться... – несчастным голосом повторила Наташа. – Я компьютер знаю... и машинопись... и английский... Французский и немецкий со словарём, но тоже могу...

Она протягивала ему свои документы. Сергей Петрович раскрыл паспорт, прочёл фамилию, улыбнулся и повторил вслух:

– Поросёнок?..

– ПорОсенкова! – поправила Наташа и почувствовала, что краснеет, причём очень некрасиво и зло. Ей вдруг захотелось выдернуть у него из рук и паспорт, и аттестат, и медицинскую справку, приготовленную для Университета... И – бежать, бежать, бежать подальше отсюда... Плещеев понял, что обидел девчонку. Надо было сразу спросить, как правильно произносится. Он снял очки и посмотрел на неё.

Без очков вид у него (как он сам отлично знал) делался щемяще-трогательный и беззащитный, и зачастую это срабатывало. Будь Наташа закалённой жизнью тридцатилетней воительницей, она без труда раскусила бы нехитрый приём. Однако она лишь подумала, не слишком ли резко оборвала его, поправляя фамилию, и виновато решила, что впору хоть извиняться. Надо было сразу самой произнести вслух...

Плещеев снова надел очки, внимательно изучил Наташин аттестат и закономерно спросил:

– А что ж вы, Наталья Борисовна, с золотой-то медалью решились к нам, а не куда-нибудь... на филфак, например?

Он опять наступил на весьма большую мозоль, но тут уж обижаться следовало не на него. Она опустила голову:

– По семейным обстоятельствам...

Сергей Петрович желал знать, по каким именно. Специфика работы и всё такое прочее. Наташа не принадлежала к тем людям, которые при каждом удобном случае со вкусом выкладывают все свои семейные тонкости, но Плещеев определённо внушал доверие, да и специфика работы, ничего не попишешь, присутствовала. И он узнал, что Наташа выросла без отца, а старший брат – талантливый программист, основной кормилец семьи – в ночь её выпускного бала угодил под милицескую машину, вылетевшую на пешеходный зелёный. Виновников, естественно, не нашли и даже не очень поверили, что машина была милицеская, зато Коле вряд ли светит теперь даже ездить в инвалидной коляске, поскольку всё ниже шеи у него не работает, хорошо хоть, сам может дышать. А если учесть, что в маминой школе только и разговоров, что о возможной забастовке из-за зарплаты...

– Так, – сказал Плещеев. – Откуда же вы узнали о нас?

Наташе нечего было терять, и она ответила правду:

– Вчера на остановке услышала, как ваша сотрудница... Алла... говорила, платят у вас вроде неплохо... Я умею с компьютером... и английский...

Она мучительно покраснела.

– А местоположение? – спросил Плещеев. «Эгида» ни в каких петербургских справочниках не фигурировала, это он знал точно.

– Ну... – Наташа пожала худенькими плечами. – Она сказала, возле «Здоровья»... Я приехала, бабушек поспрашивала, и вот... нашла...

– Значит, так, Наташечка, – сказал Плещеев. – Во-первых. Алла сейчас отксерит ваши документы, и вы дадите нам денёк на раздумье. Алла вручит вам нашу визитную карточку, чтобы завтра часика в три вы могли позвонить и узнать результат. Во-вторых. Даже если всё пройдёт к обоюдному удовольствию, мы не сможем сразу платить вам те же полтора или два миллиона, о которых, видимо, упомянула при вас наша опытная и очень квалифицированная сотрудница. Постарайтесь как можно быстрее достичь её уровня, и всё будет хорошо. Ещё кофе хотите?

Новый жилец

В ту первую ночь, устроив Алексея Снегирёва на диване в уютной Софочкиной кухне, тётя Фира до самого утра почти не спала. То есть временами она ненадолго погружалась куда-то и видела, что характерно, своё военное прошлое, но большей частью лежала с открытыми глазами и прислушивалась. В кухне царила тишина, но тишина была некоторым образом живая, совсем не та, что в действительно пустом помещении.

Когда совсем рассвело и на деревьях под окном подняли гам воробьи, тёте Фире стало окончательно не до сна, а часов в шесть, ничего не попишешь, пришлось вставать и отправляться с визитом в Софочкины удобства. Это лишний раз напомнило старой женщине о скором возвращении в коммуналку, и напоминание было не из приятных. То, что в этой квартире было приятным утренним ритуалом, на Кирочной больше отдавало вылазкой во вражеский лагерь. Обитатели коммуналки просыпались в разное время, часто непредсказуемое, и сразу начинали бурно торопиться на работу: пенсионеры, бездельничающие круглые сутки, могли подождать. Тёте Фире случалось и вздрагивать от буханья в сортирную дверь могучего кулака, и выслушивать всяческие поношения, если ей доводилось не вовремя сунуться в коридор со своим несчастным горшочком, обрисовывающимся под накинутой тряпкой. Валя-Витя – молодая пара из комнаты напротив – считали такое поведение верхом неприличия, хотя горшок их трёхлетнего сына порой по полдня стоял в том же коридоре, причём со всем содержимым. Сын, он ведь маленький, у него «не считается». А вот некоторые старухи...

И уж вовсе не стоило говорить, что Софочкины удобства просто сияли чистотой и комфортом, а оборудованы были на сумму, далеко превосходившую всю тёти-Фирину личную собственность. Да! Совсем не стоило про это даже упоминать. Ибо перед глазами сразу вставал шаткий и вечно несвежий унитаз с его оплакивающим кого-то бачком, да всё это на фоне грязно-синих стен, с тусклой крохотной лампочкой под пятиметровым потолком... Очередь по уборке давно умерла естественной смертью: чистоту наводили только тётя Фира, Оленька Борисова да Патя Сагитова. Остальные ни под каким видом не желали себя утруждать. Они рассматривали своё житьё в коммуналке как меру сугубо вынужденную и временную, необходимый шаг перед вселением в многокомнатные апартаменты. О квартире предоставлялось заботиться тем, у кого здешняя прописка обещала стать вечной...

Причесавшись, тётя Фира тихонько заглянула на кухню – как там вчерашний доходяга, живой ли?.. Снегирёв лежал поверх спального и гладил кота, усевшегося ему на живот. Заслышав хозяйкины шаги, котик повернулся в её сторону и поздоровался, издав ленивое «кр-р-ру!», после чего снова запрокинул головку и сощурил жёлтые с зелёными ободками глаза, подставляя чешущим пальцам горло и подбородок. Тётя Фира посмотрела на эту идиллию и сразу вспомнила про треску Bordelaise, которую можно будет скушать на завтрак, но тут Снегирёв негромко спросил, обращаясь к коту:

– Тебя как звать-то, приятель?

– Васькой, – сказала тётя Фира.

– Понятненько... – по-прежнему не глядя на неё, проворчал Алексей. – «Абрам, назовём котика Изей?» – «Что ты, Сарочка, это же человеческое имя, пускай будет Васька...»

От такого махрового антисемитизма тётя Фира вначале потеряла дар речи.

– Доброе утро, тётя Фира, – совершенно неожиданно сказал он на неплохом идиш, и она обнаружила, что её гость, оказывается, умеет и улыбаться. – Я вас не слишком стеснил?..

Наверное, они выглядели несколько странной парой: два седых человека, старый и молодой, он – навьюченный своим рюкзаком и её сумкой, она – с лохматым серо-полосатым котиком на руках. Идти от «Чернышевской» было недалеко, только приходилось давать крик, проникая под арку и дальше двором довольно длинного дома. Подъезд вообще-то исторически

был сквозной, но дверь, выходящую на улицу, ещё при царе Горохе закупорили для удобства дворников и уборщиц. Прожив здесь десятки лет, тётя Фира парадным входом пользовалась считанные разы, когда под домом лопались некие трубы и дверь временно открывали для удобства рабочих. Согласно последним слухам, подъезд собирались вскорости разгородить и в той части, что выходила на Кирочную, поселить продовольственный магазинчик. Коммерсанты уже обходили жильцов, собирая подписи «за» и суля лестничным аборигенам торговые льготы.

Тётя Фира и Снегирёв шли по двору, когда её окликнула Наталья Фоминична из соседнего дома, и она остановилась перекинуться словечком, отправив Алексея вперёд. От дождя, прошедшего накануне, осталась единственная на весь двор лужа – как он позже выяснил, вообще практически не высохавшая в выбоине асфальта. Но это потом, а пока Алексей как раз проходил между лужей и бетонными надолбами помойки, когда сзади послышался надсадный рёв мчащегося автомобиля. Алексей обернулся... Ширина проезда позволяла маневрировать большегрузному «КамАЗу» с прицепом, но грязно-зелёные «Жигули» прошли левыми колёсами точно по луже, подняв в воздух половину воды. Пулемётная очередь брызг густо оросила Снегирёву все джинсы. Пока он додумывал человеколюбивую мысль о чьей-то жене в роддоме и иных экстренных обстоятельствах, могущих превратить нормального человека в безумного лихача, «Жигули» сбросили скорость, подкатили к той самой парадной, куда тётя Фира велела ему подойти, и остановились, взвизгнув плохо отрегулированными тормозами. Открылась дверца, наружу неторопливо вылез крупный молодой парень, отпер багажник и стал опять-таки очень неспешно вытаскивать связку картонных коробок.

Снегирёв переложил из руки в руку тёти-Фирину сумку (он инстинктивно спрятал её за собой от потопы) и продолжал идти. Достигнув подъезда, он остановился у двери. Парень между тем закончил выгрузку и потащил коробки в дом.

– Чё встал на дороге?.. – рявкнул он на мешавшего ему Снегирёва.

Тот свободной рукой оттянул насквозь мокрые джинсы:

– Тряпочки не найдётся?

Откуда ему было знать, что к Вале Новомосковских с утра пораньше придрался на площади Победы невозмутимый гаишник и битых полчаса растолковывал ему всю глубину его заблуждений, после чего заставил отогнать машину в тихий проезд, вызвал коллегу и затеял всестороннее изучение технического состояния автомобиля. Валя и так-то ангельским характером не отличался, а в данный момент, опоздав в четырнадцать разных мест, был попросту взрывоопасен.

– Отвали на хрен, блин, говно!.. – выдал он так несказанное проклятым ментам.

Опыт всей предыдущей жизни Снегирёва требовал уступить и ни в коем случае не связываться. Он с удивившим его самого безразличием послал этот опыт примерно туда же, куда только что послали его самого. Снимать рюкзак было лень; он не спеша оторвал от земли правую ногу, и короткий удар взорвал замызганную фару машины. Ему было, собственно, всё равно, кто такой этот малый и что у него за друзья.

Валя обернулся и увидел причинённый ущерб. Коробки полетели на асфальт, он живо оказался у водительской дверцы и выдернул из-под сиденья монтировку.

– А ты, значит, крутой? – зловеще поинтересовался он, идя на сближение с Алексеем. – Крутой, значит, да?..

Тётя Фира заметила неладное и бежала к ним старческой шаткой рысцой, схватив под мышку кота. Васька со жгучим интересом таращил жёлтые глазки, пышный хвост развевался. Снегирёв держал в руках тёти-Фирину сумку и равнодушно смотрел на Валу Новомосковских. Когда тот пообещал включить разом все счётчики и замахнулся, придавая весу словам, в блёклых глазах возникло подобие интереса, но и только, и разгневанный Валя – сто шесть кило добротного мяса – необъяснимо смутился. Он привык к несколько иной реакции на свои габа-

риты да с монтировкой, занесённой наотмашь. При таких обстоятельствах на него редко взирали с задумчивым любопытством сытого удава, повстречавшего ещё одного кролика...

– Мальчики, мальчики!.. – бесстрашно бросилась между ними подоспевшая тётя Фира. – Ой вэй, Валечка, познакомьтесь, это Алёша, у нас жить будет, он у меня комнатку снял!..

Валя Новомосковских ещё с полминуты тряс монтировкой и порывался отпихнуть тётю Фиру с дороги, но про себя был почти благодарен старой «жидовке». Снегирёв молча ждал, пока он заткнётся, и думал о том, что был всё же не прав. Не стоило связываться.

Тётя Фира обитала в двух комнатках, отделённых от коридора крохотным тамбуром. Изначально комната была одна, возникшая из куска гигантской гостиной, разгороженной на коммунальные закутки, и присовокуплённого к нему закоулка для горничной. Лет через десять проживания тётя Фира восстановила историческую справедливость, возведя переборки, и очень этим гордилась. В одной комнатке, побольше, было полукруглое окно чуть не во всю стену, от которого зимой наверняка безбожно сквозило. На окне сидели в горшочках четыре узамбарские фиалки (Алексею доводилось видеть, как они растут у себя в родных горах) и маленький жасмин. Что касается мебели, то примерно так выглядят небогатые старые дачи, куда хозяева годами свозят всё то, что делается ненужно в городской квартире. В данном случае, видимо, у кого-то не было дачи, зато имелась подруга не то дальняя родственница в коммуналке.

Другая комната оказалась узкой и длинной, «чулком», Похоже, до появления Снегирёва это было что-то вроде кладовки; тётя Фира собралась было перетаскивать вещи, но, к её большому облегчению, жилец отмахнулся:

– Пускай... Мне не мешает...

Она только никак не могла решиться выговорить цену, которую сама успела счесть грабительской для человека приезжего и явно притом не слишком богатого. Снегирёв понял её замешательство и сам назвал подхваченную где-то цифру: сто долларов.

– Вам как лучше? – поинтересовался он, – Зелёными или деревянными?

Невинный вопрос вверг тётю Фиру в глубокие размышления. С одной стороны, доллар последнее время не дешевел, но как знать, что там на уме у правительства: ещё возьмёт его да вовсе отменит... По Софочкиному примеру она всё-таки остановилась на долларах.

Вечером Снегирёв отправился погулять и прошёл до Владимирской площади, узнавая и не узнавая места. В хозяйственном магазине продавался резаный поролон с липким слоем – затыкать на зиму рамы. Алексей сразу вспомнил полукруглое окно в комнате своей хозяйки, но по летнему времени дело было определённо не спешное. Он купил в «Бабилоне» (поймать бы того, кто додумался до подобной транскрипции...) беленький электрочайник. Он помнил, как тётя Фира лелеяла точно такой же в квартире на Кузнецовской.

Вернувшись, он терпеливо дождался, пока она снимет с полки алюминиевого ровесника мамонтов и направится с ним за водой, и только тогда с хитрым видом раскупорил свою сумку. Тётя Фира изумлённо повертела в руках неожиданный подарок и расчувствовалась почти до слез:

– А мне знаете чего уже соседи во дворе наговорили? Ещё пустишь, мол, какого-нибудь жуткого типа...

Жуткий тип, сидевший нога на ногу в продавленном кресле, согласно кивнул и заверил старушку, что хороших людей на свете всё-таки значительно больше, чем плохих. Против этого не возражал даже кот. Он вспрыгнул Снегирёву на колени и замурлыкал, напрашиваясь на ласку. Тётя Фира посмотрела на них и умилённо подумала, что человек, знавший Кирочку, ну никак не может быть злым или жестоким. Это же очевидно.

Левый поворот

Сергей Петрович Плещеев был в прекрасном расположении духа. Повод для этого сегодня был более чем веский: прошла первая информация от сотрудника, выполнявшего очень важное поручение. И Плещеев, как всегда, когда в воздухе повисал запах удачи, на время преобразился в неотразимого супермена, которому все по плечу и море по колено. Он сам сознавал собственное мальчишество, но ничего поделать не мог. Ярко светило солнце, мотор голубой «девятки» работал, как часы, и даже бесконечные светофоры, натканные по всему Литейному через каждый квартал, против обыкновения не раздражали его.

Впереди замаячило стеклянное здание «Академкниги», и в голове мелькнула весьма своевременная идея заскочить посмотреть пятый том Карамзина. Людмила давно просила заехать, да всё как-то не получалось. Людмила... Сергей Петрович слегка виновато улыбнулся своему отражению в зеркальце заднего вида. Увы, он был далеко не безгрешен перед женой. Что ж, простим себе старое, но на будущее воздержимся от соблазнов... По крайней мере, попробуем...

Он вышел из машины, закрыл её и легко взбежал по высоким ступеням книжного магазина. Две девушки, попавшиеся навстречу, оглянулись ему вслед. Сегодня он и вправду был суперменом.

Прежде чем подняться на второй этаж в «Подписные издания», Плещеев решил заглянуть в «Академкнигу»: вдруг да есть что-нибудь новенькое. Пропустишь – покупай потом у лоточников втридорога... Он вошел в небольшое помещение магазина, и с первого же взгляда понял, что заглянул сюда зря. О-о, совсем, совсем зря...

Ибо у книжного прилавка, где продавалась, литература по истории, философии, этнографии и смежным наукам, стояла Она.

Снова мелькнула, тускнея, виноватая мысль о жене, но Сергей Петрович, как и тысячу раз прежде, решительно отбросил её. Кто посмеет сказать, будто он совершает по отношению к Людмиле какое-либо предательство? Какой гнусный ханжа усмотрит нечто скверное в том, что женатый мужчина восхищённо рассматривает красивую девушку?.. Так можно дойти до того, чтобы запретить созерцание статуй в Летнем саду. Вот и для него прекрасная незнакомка – всего лишь объект эстетического наслаждения. И ничего: больше!

Плещеев подошел к прилавку и, сделав вид, будто его страшно интересуют названия книг (на самом деле Карамзин был давно забыт и вычеркнут из списка приоритетов), боковым зрением профессионально изучал свой «объект». По правде говоря, девушка того стоила. На ней была узенькая чёрная юбочка, подчёркивавшая безупречную линию бедра и очень тонкую талию; стройные загорелые ножки обуты в простые, но очень изящные итальянские лодочки... Взгляд Плещеева переместился выше. Чёрная маечка открывала стройную шею и плечи, точёный маленький подбородок... Завершался «объект» чудесными белокурыми (не крашеными!) на это у Плещеева был наметанный глаз) волосами.

Да-а-а... Вот уж грех не использовать свои умения иногда и вне службы...

...Правильные некрупные черты, красиво очерченные губы... А выражение глаз!.. Не дурочка, далеко не дурочка, сразу видно. Не из тех, кто пришел купить умную книгу, чтобы перед приходом «культурных» гостей поставить её на самое видное место в шкафу или, прочитав предисловие, покорять интеллектуальную компанию эрудицией...

– Покажите, пожалуйста, «Критику способности суждений», – попросила незнакомка, указывая на книгу в неброской жёлтой обложке.

Плещеев аж присвистнул про себя: философия!.. Он ощутил, что наметившееся приключение обрело последний штрих, последнюю крупинку приправы, сообщающую ему должную пикантность и остроту.

И с чего он прежде считал, будто женщина, интересующаяся философией, тем более стариком Иммануилом, должна быть непременно мымрой в очках с толстыми стеклами, в бесформенном серо-коричневом балахоне и с ядовито дымящей папиросой в зубах?..

– Двенадцать тысяч! Всего-то! – вслух изумилась незнакомка. – Таких денег не бывает!

Раскрыла кошелёк и принялась отсчитывать нужную сумму.

– Платите в кассу, – равнодушно сказала продавщица.

– Извините, – слегка смутившись, улыбнулась девушка. – Привыкла к лоткам...

Она отправилась в кассу, и Плещеев незамедлительно обернулся, чтобы как следует рассмотреть «объект эстетического наслаждения» сзади. И скоро признал, что тыл производил не меньшее впечатление, чем вид сбоку.

Девушка вернулась, отдала чек, взяла книгу, положила её в сумку (не этакую изящную фитильку, куда влезает лишь пудреница, помада и носовой платок; в руках у неё был настоящий дамский портфель, где можно носить доклады и диссертации), и не спеша вышла из магазина. Плещеев остался в рассеянности стоять у прилавка, тупо глядя на книги.

– Вас что-то интересует? – любезно спросила продавщица.

– Да я так... – опять не вспомнив о Карамзине, ответил Плещеев. – Просто смотрю...

Увы, увы!.. Пора было выкинуть «прекрасный объект» из головы и возвращаться к повседневности. Сергей посмотрел новинки в других отделах, постоял в компьютерном закутке, облизываясь на ноутбук самой последней модели, потом не торопясь вышел на улицу. Ещё минута – и голубая «девятка» влилась в поток машин на Литейном.

Он уже пересёк Невский и проворно двигался по Владимирскому, когда перед светофором его руки вдруг сами собой включили поворотник и крутанули руль, заставив машину виртуозно перестроиться в левый ряд.

Ибо через пешеходный переход, прямо перед капотами пыхтящих автомобилей, на другую сторону Владимирского шествовала белокурая девушка в черной юбочке и итальянских лодочках, с большой деловой сумкой, содержащей в себе третье по счету из главных сочинений великого немецкого философа Иммануила Канта.

Воистину, есть предел человеческой твёрдости и воздержанию!.. Крепость под названием «Сергей Петрович Плещеев» пала без единого выстрела.

Девушка неторопливо перешла проспект и стала удаляться по перпендикулярной Владимирскому улочке. Загорелась стрелка, и Сергей ринулся следом так, будто от этого зависела его жизнь.

В несколько секунд он обогнал свой «эстетический объект», и послушная машина замерла перед небольшим кафе с милым названием «Эльф». «Действительно, эльф... эльфа... эльфийка? Как там у Толкина эльфийских девушек называли? Фея?..»

И вот, когда до плещеевской «девятки» ей оставалось пройти ровно пять шагов, Сергей открыл дверцу, выпрыгнул наружу и направился прямо к девушке.

По части неожиданных эффектов он был признанный мастер.

– Извините, – улыбнулся он, поправляя очки. – Понимаете... я только что видел вас в книжном магазине и хотел бы спросить кое о чём.

Девушка подняла глаза, и он отметил, что она совсем не испугалась его.

– Вы меня не заметили, хотя я рядом с вами стоял, – Сергей Петрович дружески улыбнулся. – Хотите, докажу? Вы купили «Критику способности суждений» за двенадцать тысяч рублей. И порывались заплатить продавщице, потому что привыкли к лоткам!

– Верно, – помедлив, согласилась девушка, и Плещеев понял, что начало положено.

– И вот я надумал выяснить у умного человека...

Вы позволите?

– С-слушаю вас... – все еще немного настороженно ответила «философиня».

– Видите ли... я хотел спросить, что вы думаете об антиномиях Канта? Моему поколению с пеленок внушали... ну, помните, три источника марксизма, немецкая классическая философия... Гегель, Кант... А теперь я где-то вычитал, что на самом деле в системе Канта все иначе!

Девушка наконец улыбнулась:

– Так с ходу этого не объяснишь...

– Зачем же с ходу? – не растерялся Плещеев, – Давайте зайдём в кафе, вот оно, кстати, тут рядом... и за чашечкой кофе вы всё мне расскажете. Я вас приглашаю как консультанта по философии Канта... Господи, уже и стихами заговорил...

– Ну, раз так... – девушка тоже засмеялась. – Честно говоря, я вовсе не возражаю. Я очень люблю это кафе.

«Эльф» действительно оказался очень милым – небольшое, уютное, тихое заведение. Сюда не ходили ни молодцы в малиновых пиджаках, ни валютные путаны, ни юная поросль в косухах и банданах... разве что время от времени нарушали общее благолепие косматые художники с Пушкинской, 10. Но сейчас не было и их, только чинно сидели за угловым столиком мама, папа и сынок-дошколёнок, с аппетитом уписывавший за обе щеки пирожное.

– Что желает дама? – спросил Плещеев. – Кстати, я забыл представиться. Сергей.

– Даша, – просто ответила девушка.

Они разместились за столиком у окна. Даша маленькими глотками прихлёбывала кофе, время от времени откусывая крохотные кусочки от пирожного.

– Вы обещали мне про Иммануила Канта... – прервав любование, напомнил Плещеев.

– Он был человек очень нетривиальный, – начала рассказывать Даша. Чувствовалось, что предмет свой она любила и знала. – Никуда не уезжал из Кенигсберга и преподавал в университете географию, причем рассказывал о городах и странах так красочно, как будто видел их своими глазами. Жил один в маленьком домике...

Скоро Даша перешла к тонкостям философской системы, и в какой-то момент Плещеев перестал следить за её рассуждениями, поскольку не понимал, чем «трансцендентное» отличается от «трансцендентального», и быстро запутался. Она же плавала во всей этой зауми, как рыба в воде. Золотая рыбка, легко и непринуждённо ткущая вязь изысканных слов...

– К примеру, мы проводим эксперимент, но сами условия влияют на вещь, которую мы изучаем. То есть мы получаем некоторый результат, но в познании самой вещи не продвигаемся. Даже так: вы смотрите на предмет, и он меняется от того, что вы на него смотрите. Поэтому вы никогда не можете увидеть его таким, каким он бывает, когда вас нет.

– То есть я смотрю на вас, и от этого вы изменяетесь? – спросил Плещеев.

– Конечно, – засмеялась Даша. – Ну, разумеется, если бы на меня сейчас смотрела бабушка или папа, я была бы другой. Да и вы, наверное, выглядели бы не так, если бы на вас смотрела жена...

Сергей Петрович едва не вздрогнул. Жена!.. Он повернул руку, и на пальце блеснуло обручальное кольцо.

– Вы очень проницательны, Дашенька. Наверное, учитесь в Университете на философском? Заканчиваете?

– Писать диссертацию, – улыбнулась Даша.

– Вот это да!.. А на вас глядя, не скажешь... студентка... И всё-таки – откуда такое рвение к научной стезе?

Она пожала тонкими плечами:

– Гены, наверное... Мой дедушка был академиком. Слышали, может быть, – Дмитрий Васильевич Новиков? Папа тоже ученый, физик-теоретик, правда, до таких званий и не дошел... Тяжёлая, в общем, наследственность...

– Тогда с вами все понятно, – ответил Сергей Петрович и огорчённо подумал, что тут ему вряд ли что светит. Без пяти минут кандидат философских наук, дедушка – академик... Они вышли на улицу.

– Я вас подвезу? – спросил Плещеев с остатками надежды, но увы, увы!.. Она жила в двух шагах, всего-то за угол завернуть.

...Сергей сел в свою «девятку» со сложными чувствами и заметно поникшим павлиньим хвостом суперменства. С одной стороны, оно и к лучшему, что всё кончилось пшиком, – он ведь зарок давал, больше налево от Людмилы ни-ни. И в то же время... Ах, несбывшееся, несбывшееся!.. Он завел мотор и собрался развернуться, чтобы вновь выехать на Владимирский.

Взгляд, брошенный, в зеркало заднего вида, был судьбоносен. В следующий миг Плещеев вылетел из машины и бросился обратно, не позаботившись даже прихлопнуть дверку, не то что выключить двигатель.

Ибо неизвестно откуда взявшийся питекантроп в красной выцветшей футболке и неописуемых джинсах, выделявая по тротуару пьяные вензеля, вместе с тем вполне определённо теснил Дашу – его Дашеньку!.. – в сомнительную подворотню. Даша беспомощно пятилась, сисаясь как-то урезонить наседавшее на неё существо...

– Ты, ё..! – сказала оно, заметив налетающего Плещеева. И замахнулось синей от татуировок рукой. Сергей Петрович действовал не размышляя: специальным приёмом увёл Дашеньку к себе за спину, постаравшись при этом не сбить девушку с ног, заблокировал несшийся ему в лицо волосатый кулак... И его тренированные пальцы впились в потную рожу питекантропа классической, хорошо поставленной «кошачьей лапой».

Удар вполне достиг цели. Человекообразное рухнуло на асфальт и стало корчиться, как залитый нефтью тюлень из экологической передачи. Ему было действительно хреново: слезы и сопли текли ручьём, воздух едва достигал лёгких, он разевал рот и не мог даже как следует закричать. Даша стояла возле стены, прижавшись к пыльному камню, и широко раскрытыми глазами смотрела на Сергея Петровича.

– Он... – выдавила она. – Он...

Вот так-то вот. Гегель, Кант, диссертация... И пьяный ублюдок, сметающий всё это примитивным: «Бабу хочу!»

Плещеев, опять-таки не рассуждая, обнял девушку. Как он хотел успокоить её, утешить, укрыть ото всех зол мира!.. Дашенька доверчиво прижалась к нему и, почувствовав себя в безопасности, запоздало расплакалась.

– А говорили, не подвозить, – тихо проговорил он, вдыхая запах её растрепавшихся тёплых волос. – Теперь видите, как... В общем, подвезу и до двери провожу. Маме так маме, любовнику так любовнику... Провожу и с рук на руки сдам...

Проверка характера

Вертящийся стул поскрипывал при каждом движении и шумно вздыхал какими-то внутренними подушками, так что Наташа на всякий случай старалась ёрзать поменьше. Она не помнила, скрипел ли стул, когда на нём сидела Алла, и очень боялась, как бы её не сочли толстой и неуклюжей. Наташины пальцы проворно бегали по клавишам, вводя в память машины новый типовой бланк договора. Кому понадобилось сначала писать его от руки, она, убей Бог, не понимала. Если новую форму породило стоявшее над «Эгидой» начальство, могло бы оно выслать образец по факсу. Или – того лучше – как белые люди подключиться к электронной почте и всё переправить прямо на диск. А если бланк создал Плещеев... В то, что Сергей Петрович не умел обращаться с машиной, Наташе не верилось. Но тогда почему?..

Алла, надобно сказать, не переломилась, натаскивая возможную конкурентку. «В „Виндах“ работала? В „Ворде“? Садись набирай...» – и упорхнула куда-то по неведомым Наташе делам. Её не было уже долго. Наверное, она думала, что новенькая провозится до самого вечера. Однако Наташа уже почти всё кончила, несмотря даже на то, что вместо привычного «Кирвина» работала встроенная опция и некоторые символы пришлось поискать. К тому же на Аллином компьютере стояла русскоязычная версия «девяносто пятых». Наташа не любила её. Коля говорил, не все программы с ней запускались.

Через каждые две-три строки она отправляла текст в память. Коле довелось как-то работать в здешнем районе: он рассказывал, кругом были заводы, то есть электросеть выкидывала разные фортели, а непрерываемого источника питания ни на столе, ни под столом не было видно. Наташа в очередной раз щёлкнула мышью и опять подумала, как медленно работал мощный вроде бы «пентиум». Она окончательно проверила бланк и распечатала его уже начисто. Алла по-прежнему блистала своим отсутствием. Пользуясь безнаказанностью, Наташа расхрабрилась и решила заглянуть в программные недра.

– Фу-у... – не сдержавшись, вскоре произнесла она вслух. Оперативная память машины оказалась забита редко используемыми резидентными программами и оболочками, а также бесчисленными фенечками и мулечками типа всяких хитрых скринсейверов и анимированных курсоров.

Руки зачесались – Наташа продублировала командный файл и долго со вкусом перелопачивала его по своему разумению. Надо будет распечатать: пускай брат сначала опытным глазом... Хотелось запустить машину по новой и посмотреть, что получится, но она не осмелилась и вместо этого решила ползать по директориям. «Пентиум» чем дальше, тем больше казался ей слишком мощным для канцелярской работы. Деньги им тут, по-видимому, карман прожигали.

– Убивать надо таких старушек, – пройдясь по жёсткому диску, опять-таки вслух выдала Наташа любимую Колину фразу. Бездонный винчестер был сплошь замусорен какими-то играми и древними неработающими версиями программ, которые кто-то не то пожалел, не то поленился стереть. Зато полезные файлы были, прямо скажем, свалены в кучу, да ещё и засунуты в редакторскую директорию, так, словно на всех полутора гигабайтах более подходящего места для них не нашлось. Похоже, Алла действительно считала работу, которой занималась, абсолютно не соответствующей её интеллектуальному уровню. Наташа поймала себя на том, что с азартом прикидывает перестановки, улучшения и замены.

Больше всего она боялась, кабы вдруг не заверещал телефон. Она была ещё не вполне уверена, что и как отвечать.

Алла явилась за десять минут до прибытия ездившего куда-то Плещеева и сразу принялась звонить. Звонки были сугубо деловыми. Вошедшее начальство, таким образом, застало напряжённую трудовую активность. Сергей Петрович рассеянно поздоровался с девушками

и скрылся за дверью кабинета. Вскоре, однако, он вновь вышел наружу переодетым в старые джинсы и обратился прямо к Наташе:

– Наташечка, хватит глазки портить! Пойдёмте, пора косточки разминать.

Вид у него был как у хитрого кота, затеявшего набег на кладовку. Наташа послушно вылезла из-за клавиатуры и заметила краем глаза, как Алла скривила губы, сверкающие розовым перламутром.

– А вы, Аллочка? – повернулся Плещеев.

– Сейчас подойду, Сергей Петрович, – ответила та. – Только проверю, что она тут натюкала.

Наташа возмутилась и хотела сказать, что она не «тюкала», а работала, притом вполне грамотно, грамотнее некоторых, разведших в машине бардак... но не сказала, конечно.

– Есть у нас, знаете ли, обычай, – пояснил Плещеев, пока спускались по лестнице. – Коллектив, сами видели, небольшой, работа достаточно специфическая, мало ли что может случиться. Вот и решили добиваться полной уверенности друг в друге. Новеньких, конечно, в первую очередь касается...

У Наташи сразу встала перед глазами сцена с графином. Да уж. Классический случай взаимовыручки и понимания. Хотя... всякое ведь приключается в повседневном быту, мало ли кто кого недолюбливает. Но зато когда придётся встать спиной к спине...

– И поэтому, – продолжал Сергей Петрович, – мы договорились, что каждый вновь поступающий член коллектива должен принимать бой против уже принятых сотрудников. Чтобы сразу проверить характер и в критической ситуации знать, кто на что способен...

– П-понимаю, – чуть не споткнувшись на ступеньке, выдавила Наташа. Во рту предательски пересохло, она поняла, что мама была права аж на все триста процентов, и собралась было вякнуть, мол, поступала всё-таки в секретарши, а не в группу захвата, по крышам и чердакам за преступниками гоняться... Она вовремя прикусила язык. Принимая на работу, Сергей Петрович не экзаменовал её по рукопашному бою, но, может быть, это подразумевалось? Чтобы в случае чего даже секретарши могли отстоять офис от бандитского нападения?.. Она вообразила себя в камуфляже за пулемётом, потом беспомощно подумала про свою старшую напарницу Аллу. Та не производила впечатления какой-либо крутизны, но... почём знать... обещала же подойти, значит...

Силовая группа в составе четырёх мужчин и одной девушки поела большой брикет подтаявшего мороженого, рассевшись вокруг него на полу. Всех пятерых Наташа уже как бы знала, со всеми как бы здоровалась, но в тот миг лица слились для неё в сплошное пятно, Полтора миллиона, напонила она себе. Полтора миллиона. Может, и не убьют...

При виде начальства крутая команда свернула импровизированную пирушку. Бритоголовый Багдадский Вор позвал собак и отдал им мороженое, оставшееся на фольге.

– Нет бы шефа любимого угостить, – проворчал Плещеев. И тут же улыбнулся с выражением законченного садиста: – Кого первого, Наташечка, бить будете?..

Ей натуральным образом «поплохело» при виде поднимавшихся на ноги мужчин, и она, сглотнув, жалобно обратилась к Кате:

– Можно мне... с вами...

Та безразлично пожала плечами и сделала приглашающий жест – становись, мол. Катя Дегтярёва вовсе не напоминала этакую карикатурную амазонку, гору мышц с огрубелым мужеподобным лицом. Обычная молодая женщина, лет на десять старше Наташи, не очень-то догадешься, где служит. И кем. Если знать – ещё можно было обратить внимание на короткую стрижку и на то, что в стройной фигуре присутствовала не достигаемая никаким шейпингом пластика. И сила, способная становиться зловещей.

– Ну? – сказала она Наташе. – Долго стоять будем? Нападай.

– А как?..

– Да как хочешь. Ударь, схвати...

Года два назад, на школьном уроке физкультуры, Наташе случилось треснуть кулаком одноклассника, позволившего себе в её адрес довольно пошлое замечание. Самым ярким воспоминанием, оставшимся от этого случая, было ощущение полной безобидности и бессилия удара, нанесённого вообще-то от всей души. Наташа покраснела и замахнулась. Как и следовало ожидать, при виде её движения крутая команда хором заржала. Наташи на рука сразу обмякла.

– Кто ж так бьёт, – улыбнулся подошедший Лоскутков.

– А как надо? – спросила Наташа, радуясь про себя секундной отсрочке.

– Смотрите.

Сашина рука рванулась вперёд безо всяких дальнейших предупреждений. Никаких подробностей Наташа, естественно, не различила – это ведь не боевик с Ван Даммом, где каждый удар долго и вкусно готовят, да потом ещё показывают, на радость зрителям, в замедленном темпе. Наташа успела только испугаться, и то не разумом, а телом: в кожу ударили изнутри горячие иголки, как бывает, когда на улице видишь внезапно поскользнувшегося человека. Впрочем, испуг длился мгновение. Жуткий удар предназначался не ей.

Катин ответ иначе как презрительным назвать было трудно. Плавный шаг чуть в сторону и вперёд, точный взмах рук... То есть каких-либо деталей Наташа опять-таки не увидела, но рифлёные ботинки Лоскуткова взмыли выше её головы, и командир группы захвата обрушился на деревянный пол.

– Ой! – пискнула Наташа и прижала руки ко рту.

И опять увидела, что боялась зря. Лоскутков уже стоял на ногах, невредимый и улыбающийся.

– Поняли, как надо? – жмурясь, как сытый тигр, промурлыкал Плещеев. – Попробуйте ещё раз.

Наташа зажмурилась и попробовала, заранее представляя, как задерётся её летнее платье, когда она вот сейчас полетит кувырком (то, что ей предстояло наверняка сломать себе шею, казалось менее страшным). Ей не предложили переодеться во что-то спортивное, наверное, так было надо... Промажнувшуюся руку встретила твёрдая, как дощечка. Катина ладонь и повлекла по кругу и вниз, и Наташа судорожно распахнула глаза, созерцая ринувшийся в физиономию пол, но тут Катя сделала что-то ещё, уже совсем непонятное, и Наташина рука оказалась завернута за голову и плечо. Положение было беспомощным, неустойчивым и неудобным, Наташа попыталась ухватиться за Катин рукав, но не смогла дотянуться. Впору кричать «мама», однако почему-то ей совсем не было больно, так что кричать она устыдилась. И правильно сделала: Катя весьма бережно и аккуратно опустила её на пол.

– Теперь мы знаем, Наташечка, что в трудную минуту на вас можно положиться, – проговорил Плещеев. Он был очень серьёзен. – Вы девушка ответственная и решительная, но ещё немножко стесняетесь отстаивать свои законные права, и это большой недостаток. Маленько освоитесь – и будем сообща его исправлять. Договорились?

– Договорились, – прошептала Наташа, У неё вдруг ослабли коленки, как бывало всегда после пережитого напряжения и испуга. Да уж. Не соскучишься в этой «Эгиде». Наташа вдруг осознала, что смертельно хочет зацепиться за своё пока ещё шаткое рабочее место, и дело не только в деньгах. Она двинулась прочь, чтобы тихо присесть в сторонке, но Плещеев снова повернулся к ней, протягивая снятые очки:

– Подержите, пожалуйста...

Второй раз она увидела шефа без очков. И опять поразились, какой беззащитно-доверчивый сделался у него вид.

– Зря снял, – сказал Саша Лоскутков. – А то будет кто-нибудь дожидаться, пока ты их... Плещеев виновато развёл руками:

– Рефлекс... Привычки-то нету...

– Ну так привыкай побыстрей, – проворчал Саша:

Плещеев согласно покивал, но очки так и остались у Наташи. Она же с внезапным замиранием сердца стала следить, как шеф становится против командира группы захвата и тот начинает атаковать. Человеку, совсем ничего не понимающему в том или ином виде искусства, трудно уловить тонкости выступления мастера. Однако Наташе даже при всей её некомпетентности скоро стало понятно, что Лоскутков шефа щадил. Время от времени Сергей Петрович не успевал отреагировать на удары, и Саша просто «обозначал» их, заменяя несильными тычками в грудь или живот. Каждый раз эгидовский начальник страшно смущался и что-то виновато говорил Лоскуткову, на что командир крутой команды только кивал головой: хорош, мол, болтать, работай давай. Потом она заметила, что он ни разу не попытался ударить Плещеева в голову, а на пол «ронял» его точно так же, как Катя Дегтярёва – её саму, то есть как хрупкую елочную игрушку. Наташе вдруг стало интенсивно жаль Сергея Петровича. Волнение и страх, только что пережитые по его милости, благополучно отступили на второй план – она изо всех сил «болела» за шефа и не дыша следила за тем, как Лоскутков в очередной раз останавливает руку, грозно сложенную «копъём», в сантиметре от его горла. Потом Саша наконец его отпустил, и она с замиранием сердца отдала отдувающемуся и взмыленному Плещееву бережно отполированные очки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.